

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

Лихачева Александра Сергеевна

**ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ЛАНДШАФТЫ ГАЛИЦИИ
В НАРРАТИВАХ РОССИЙСКИХ УЧАСТНИКОВ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917)**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Д и с с е р т а ц и я

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Суржикова Наталья Викторовна

Челябинск – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Первая мировая война и ее российские участники в природных и антропогенных пространствах Галиции.....	57
§ 1. Природные условия Галиции в стратегии и тактике русской армии	57
§ 2. Просопография авторов нарративов о Первой мировой войне в Галиции	79
ГЛАВА 2. Военизированные ландшафты Галиции в публикациях опосредованных и непосредственных наблюдателей	99
§ 1. Воображаемые путешествия по Галиции в русской военной пропаганде	99
§ 2. Война и природа Галиции в заметках военных корреспондентов.....	109
§ 3. Визуализация военизированных ландшафтов Галиции в официальной военной фотографии.....	123
ГЛАВА 3. Переживания милитаризированных пространств Галиции в вербальных и визуальных нарративах комбатантов русской армии.....	137
§ 1. Ландшафты Галиции в эго-документах солдат и офицеров русской армии .	137
§ 2. Оккупированная Галиция в свидетельствах русских военных медиков.....	163
§ 3. Милитаризированные ландшафты Галиции в частных фотографиях участников Первой мировой войны.....	187
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	212
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	221
Приложение.....	249

ВВЕДЕНИЕ

Научная проблема и актуальность исследования. В исследовательских дискуссиях и общественных представлениях Первая мировая война по праву возводится в статус одного из ключевых событий Новейшей истории. Размах военных действий, численность сражавшихся армий, новые технологии уничтожения, степень мобилизации воюющих обществ определили длительные тренды развития отдельных стран, регионов, системы международных отношений в целом. И если экономические, политические, социальные и культурные аспекты и последствия Первой мировой войны достаточно широко освещены в историографии, то влияние военных действий на природные и антропогенные пространства на фронте и в тылу, на стратегии и практики освоения естественных ресурсов, на изменение понимания человеком себя как части природной среды под влиянием войны лишь относительно недавно стали предметом междисциплинарных исследований¹. Преобладающее внимание ученых к милитаризации окружающей среды на Западном фронте привело к неправомерной универсализации используемых концепций и полученных выводов, в то время как специфика Русского фронта до сих пор остается лакуной исследовательского ландшафта².

Авторы новейших работ по экологической и пространственной истории Первой мировой войны сходятся во мнении, что окружающая среда выступила первой и главной жертвой военных действий³. Военные технологии

¹ *Uekoetter F.* Im Strudel. Eine Umweltgeschichte der modernen Welt. Frankfurt/N.Y., 2020.

² *Нагорная О.С., Голубинов Я.А.* Экологическая история Первой мировой войны на восточном фронте: лакуны историографического ландшафта и исследовательские перспективы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2(53). С. 5–16.

³ *Keller T.* Destruction of the Ecosystem // 1914–1918 online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918online.net/article/destruction_of_the_ecosystem (дата обращения: 20.02.2023).

на полях сражений, безоглядная добыча ресурсов в тылу, в оккупированных областях и в колониях, возведение небывалых по площади и глубине линий обороны, неуправляемые газовые атаки оказали радикальное влияние на экосистемы и биоразнообразие различных регионов мира. Мобилизация миллионных армий, в состав которых входили не только люди, но и животные, их чрезмерная концентрация на узких пространствах боевых действий, постоянная флуктуация между фронтами, оккупированными территориями и тылом, максимальное насыщение этих пространств техникой, военными и медицинскими отходами, а также останками погибших привели к возникновению и постоянному расширению специфического вида милитаризированной окружающей среды — военизированных ландшафтов, сочетавших в себе природные и антропогенные составляющие и подчинявшихся особой военной логике. Принудительная включенность человека в эти ландшафты и длительное пребывание в них в значительной степени определяли переживания войны, поведенческие практики и образцы толкования военного опыта, парамилитаристские жизненные миры послевоенного периода. Несомненно, непосредственные сражения выступали важной частью экстремального существования комбатантов и втянутого в войну гражданского населения, но, учитывая непродолжительный характер битв, именно долгосрочные контакты со спецификой климата, рельефа, флоры и фауны, природных и рукотворных объектов в их воображаемо первоизданном и разрушенном войной виде играли ключевую роль в индивидуальных переживаниях, вербальных и визуальных (мета)нарративах профессиональных, социальных и национальных сообществ.

Военные действия на юго-западном участке Русского фронта Первой мировой войны и, прежде всего, длительная и повторная оккупация австрийской провинции Галиция представляются плодотворным исследовательским полем для выявления специфического опыта взаимодействия русских армий с чужеродным пространством, его ментального присвоения, реального и воображаемого конструирования

военизированных ландшафтов. Наиболее протяженный для русских армий участок фронта охватил практически все многообразие природных зон и объектов: девственные густые леса, бурные реки, пойменные луга, болотистые низменности, горные хребты, нефтяные долины. Военные действия на этом участке фронта представляли сочетание маневренной и позиционной войны, успешных наступательных операций и сопровождавшегося значительными потерями «великого отступления 1915 г.», противостояния противнику в неприступной горной местности и на территориях со слабо развитой инфраструктурой, попыток закрепления на «исконно русских территориях» и политики их «опустынивания» при оставлении врагу. Как отмечает С. Нелипович, именно представления о «своей» и «чужой» земле, то есть антропологически опосредованные конструкции местности, во многом определяли стратегию и тактику русского командования на Юго-Западном фронте⁴.

Восприятие природы как неконтролируемой силы, как объекта воздействия и контроля, как воображаемого альтер эго красной нитью проходит через широкий спектр текстовых и визуальных источников личного происхождения: от дневников и писем до частных фотографий. Значимый комплекс свидетельств представляют работы военных корреспондентов, побывавших на Юго-Западном фронте, отразивших свои переживания в слове и образе и транслировавших их в том числе на гражданское население в тылу Российской империи. Выступая коммуникативными посредниками в условиях войны, военные корреспонденты определили восприятие целей вооруженного противостояния, (де)легитимацию массовой гибели на фронте, образ войны в целом. Конструирование ландшафтов зависело от культурного багажа автора и его предшествующего военного опыта, от принадлежности к конкретному роду войск, от плотности контактов с милитаризованными пространствами и их населением, от конкретной фазы военных действий. Означивание

⁴ *Нелипович С.Г.* Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе–октябре 1914 г. М., 2021; *Он же.* Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1915. М., 2022.

военизированных ландшафтов через пропагандистские, религиозные, литературные каноны способствовало нормализации смертельного ужаса войны, негативного боевого опыта, траура и ностальгии по утраченным жизненным мирам. Одновременно профессионализация дискурсов покорения природных ландшафтов через военно-стратегическую и медицинскую оптику имела долгосрочное институциональное влияние.

Накопленный опыт взаимодействия с милитаризованной природой Галиции был транслирован уже в ходе войны на территории внутри Российской империи, а позже — на дискуссии о подготовке к новому вооруженному конфликту. Интенсивность милитаризации пространств с характерной для нее концентрацией вооружения и техники определила особенности их дальнейшего использования в условиях имплементации Брест-Литовского мира⁵ и вооруженных противостояний «европейской гражданской войны»⁶. Вербальные и визуальные отражения пространственного и экологического опыта Первой мировой войны в Восточной и Центральной Европе повлияли не только на коллективную память об этом конфликте, но и на модели взаимодействия человека и природы в XX в. в целом. Слабая изученность целого комплекса вопросов пространственной и экологической истории Русского фронта обуславливает актуальность данного исследования. Привлечение к анализу обширного корпуса источников, отражающих восприятие и конструирование образов военизированных ландшафтов Галиции российскими участниками войны, внесет вклад в актуальные дискуссии о перспективах развития военной истории Великой войны и военно-исторической антропологии⁷.

⁵ Ланник Л.В. Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе в 1918 г.: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2021.

⁶ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / пер. с нем. А. Антоновский. М., 2003; Schnell F. Raume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905–1933. Hamburg, 2012; Snyder T. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. N.Y., 2010.

⁷ Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.; История в эго-документах: исследования

Объект исследования — военизированные ландшафты Галиции в восприятии российских участников Первой мировой войны на Юго-Западном фронте.

Предмет исследования — формы и механизмы вербального и визуального конструирования военизированных ландшафтов в профессиональных дискурсах, индивидуальных нарративах и практиках российских участников Первой мировой войны на Юго-Западном фронте.

Цель исследования заключается в выявлении практик взаимодействия человека и природных пространств в ситуации вооруженного конфликта и специфики вербального и визуального отражения этого взаимодействия в нарративах участников Первой мировой войны на Юго-Западном фронте.

Задачи исследования:

1. определить особенности военных действий современного типа в природных зонах Юго-Западного фронта Первой мировой войны;
2. реконструировать просопографию авторов военных нарративов об опыте взаимодействия русской армии с военизированными пространствами Юго-Западного фронта Первой мировой войны;
3. выявить место естественно-географической аргументации целей военных действий в Галиции и оккупации провинции в русской военной пропаганде;
4. определить спектр приемов описания военизированных ландшафтов на Юго-Западном фронте в публикациях военных корреспондентов и в индивидуальных нарративах комбатантов русской армии;
5. исследовать особенности профессионального восприятия оккупированных пространств в свидетельствах русских военных медиков;

б. проанализировать специфику визуализации военизированных пространств Юго-Западного фронта в русской официальной и частной военной фотографии.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1914 по 1917 г. Нижняя хронологическая граница определяется началом военных действий на Юго-Западном фронте и продвижением русских армий в Галиции. Плотные контакты с чуждыми природными и антропогенными пространствами стали важной частью массового военного опыта, определили поведенческие практики приспособления к милитаризованной окружающей среде и описательные стратегии новых переживаний. Верхняя хронологическая граница определяется фактическим переходом территории, военных частей и имущества Юго-Западного фронта под контроль Украинской Центральной Рады в декабре 1917 г., утратой непосредственного контакта Русской императорской армии с окружающей средой Галиции, переходом к новым формам и инструментам коммуникации военного опыта. Для выявления горизонта ожиданий и реконструкции биографий авторов военных нарративов, определявших специфику восприятия военизированных ландшафтов Галиции, в работе присутствуют экскурсы в предвоенный период.

В связи с тем, что источниковая база исследования представлена материалами, созданными российскими участниками Первой мировой войны, все даты приведены в соответствие с юлианским календарем (по т.н. старому стилю). В случае необходимости двойной датировки даты григорианского календаря даны в скобках.

Территориальные рамки исследования включают область Юго-Западного фронта Первой мировой войны, преимущественно территорию коронной земли Галиции, оккупированную русскими войсками в 1914–1915 гг. и повторно в 1916–1917 гг. Выбор территориальных рамок напрямую связан с оценкой степени репрезентативности опыта «использования» тех или иных территорий в качестве театра военных действий. Очевидно, что с этой точки зрения претерпевшая наступления и отступления, мобилизацию и

демократизацию, оккупацию и деокупацию, дезинтеграцию и реинтеграцию Галиция, в сравнении с другими территориями, занятыми русской армией по праву войны, наиболее показательна. Необходимость верификации отдельных тезисов обусловила единичные выходы на уровень Юго-Западного фронта в целом.

Площадь довоенной Галиции составляла 78497 кв. километров, из которых 50% земли, пригодной для сельского хозяйства, 26% лесных угодий, 21% лугов и 1% садов. Одной из важнейших особенностей галицийского ландшафта выступило обилие водных ресурсов, рек и озер, крупнейшими из которых являлись Сан, Прут, Днестр, Висла. Наличие крупных водных артерий определяло систему расположения фортификационных сооружений и укреплений по берегам рек, а также повлияло на проведение военных операций. Исключительной для Восточного фронта в целом природной зоной были Карпатские горы, отделявшие Галицию от других регионов. Основная часть горной цепи достигала протяженности от 70 до 100 километров при средней высоте до 900–1000 метров. Производственная специализация Галиции в ее восточной части носила сельскохозяйственный характер, однако, на остальной территории располагались значительные запасы нефти, каменного и бурого угля.

Население Галиции по данным переписи 1910 г. составляло немногим более 8 млн чел. Городское население было сосредоточено в крупных городах – Львов, Броды, Самбор, Перемышль, Краков, однако, подавляющая часть жителей проживала в сельской местности. Восточная и западная части Галиции были связаны двумя крупными линиями железных дорог, имеющими множество перпендикулярных ответвлений. Наличие железнодорожного транспорта определяло транспортные потоки товаров и населения.

Таким образом, сама специфика довоенной Галиции обуславливала самые разные сценарии взаимодействия воюющего человека с природными и антропогенными пространствами, а, значит, создавала разнообразную палитру образов военизированных пространств.

Степень изученности темы. Богатая исследовательская традиция изучения истории Первой мировой войны в целом и истории Юго-Западного фронта в частности не может быть достаточно полно и подробно освещена в рамках введения к диссертации. Историографический обзор выстроен по проблемно-хронологическому принципу и сосредоточен на ключевых работах предшественников, а также на характеристике актуального состояния исследований по следующим направлениям развития историографии: 1) истории Первой мировой войны, включая сражения на Юго-Западном фронте Русского театра военных действий Русского фронта и наиболее важные аспекты оккупации Галиции русскими армиями; 2) экологической истории Первой мировой войны; 3) военно-исторической антропологии и 4) визуальной антропологии войны.

1) Окончание Первой мировой войны, крах многонациональных империй в Центральной и Восточной Европе и стремительное развертывание Гражданской войны привели к невозможности диверсификации этих событий в представлениях современников, а также к возникновению специфических традиций их изучения во всех странах-«наследницах». Ранняя советская историография, развивавшаяся в рамках марксистской парадигмы, определяла завершившуюся «империалистическую» войну преддверием Октябрьской революции и победоносной для большевиков Гражданской войны, сосредоточившись на изучении классовых и тактических аспектов. В этот период был опубликован ряд важных статистических и документальных сборников⁸, воспоминаний командующих⁹, фундаментальных стратегических трудов¹⁰. Представители русской эмиграции столь же интенсивно перерабатывали военный опыт, но уже в поисках причин последовавшей

⁸ *Мировая война в цифрах*. М.; Л., 1934; *Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте: (1914–1917 гг.)*. М., 1940; *Горлицкая операция: [Сборник документов]*. М., 1941.

⁹ *Брусилев А.А.* Мои воспоминания. М.; Л., 1929; *Бонч-Бруевич М.Д.* Потеря нами Галиции в 1915 году: [в 2 ч.]. М.–Л., 1920–1926 ; *Базаревский А.Х.* Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 г. М., 1937.

¹⁰ *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг.: общий стратегический очерк. М., 1924.

трагедии революции и поражения белого движения. В межвоенный период в центрах русской эмиграции вышли в свет значимые для последующих дискуссий работы Н.Н. Головина, А.А. Керсновского и др.¹¹ Примечательно, что советские и эмигрантские авторы традиционно обращали внимание на значимость природных факторов в маневренной и позиционной войне, на ключевую роль ресурсного обеспечения армий при новом типе противостояния¹², однако, не уделили внимания краткосрочным и долгосрочным последствиям милитаризованного воздействия воюющего общества на природные и антропогенные пространства. Преобладание ресурсного, механистического и техникстского подходов к мобилизации разного рода ресурсов обеспечило преемственность в дальнейшем изучении вооруженных конфликтов «экстремального столетия» (Э. Хобсбаум).

Начало Второй мировой и Великой Отечественной войн вызвало в СССР краткосрочный всплеск интереса к истории Первой мировой, реализовавшийся в публикации сборников документов по истории отдельных операций и свидетельств нарушения противником норм международного права¹³. Победа СССР и его союзников на долгое время вытеснила события Первой мировой из исследовательского поля, значимые труды по этой проблематике оставались редким историографическим явлением¹⁴.

Сходную динамику развития демонстрировали исторические школы в странах-наследницах Восточного фронта Первой мировой войны, особенно в

¹¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939; Керсновский А.А. История русской армии. Ч. 3: 1881–1917 гг. Белград, 1935.

¹² Де Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. Краткий исторический очерк / под ред. Я.Л. Авиновицкого. М., 1935. Сулейман Н.А. Тыл и снабжение действующей армии. Ч. 1: Корпус. М., 1923–1924; Ч. 2: Фронт и армия. М., 1927.

¹³ Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1939; Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1. М., 1943; Вып. 2. М., 1945.

¹⁴ История первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. I–II. / отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1975; Писарев Ю.Л. Сараевское убийство 28 июля 1914 // Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 49–66; Он же. Новые документы и старые вымыслы о роли Балкан в возникновении первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1984. № 7. С. 155–162.

Германии и Австрии. Здесь интенсивное изучение военной истории в поиске ответов на вопросы о причинах поражения и обоснования реваншистских аргументов сменилось длительным доминированием тематики Второй мировой войны в исследовательских ландшафтах¹⁵.

Важный импульс развитию научных дискуссий о Первой мировой войне в России придала интеграция наследия исторических школ эмиграции и достижений зарубежных исследователей в современную российскую историографию в виде переиздания ключевых трудов или адаптации на новом источниковом материале основных концептуальных тезисов. В 1990-е гг. были проведены крупные конференции с участием представителей разных стран, а также изданы сборники научных статей, обозначившие долгосрочные исследовательские перспективы изучения данной темы, началось интенсивное развитие новых направлений — культурной истории войны, военно-исторической антропологии, имагологии и т.д.¹⁶ Более масштабная научная и публичная коррекция концепции «забытой войны» особенно из перспективы Российской империи (СССР) произошла относительно недавно — в год столетия начала конфликта, когда пристальный интерес ученых, общественности и политических деятелей в разных странах способствовал восполнению существующих фактологических и концептуальных пробелов. Роль институциональной основы данного поворота в России сыграли Российское военно-историческое общество и возрожденное Российское историческое общество. Значительное количество введенных в научный

¹⁵ *Нагорная О.С., Нарский И.В.* Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // *Российская история*. 2014. № 5. С. 13–26.

¹⁶ *Первая мировая война. Пролог XX в.* / отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998; *Писарев Ю.А.* Новые подходы к изучению истории Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*, 1993. № 3.

оборот первоисточников¹⁷, проекты оцифровки архивных документов¹⁸, а также научные публикации продемонстрировали широкий спектр изучаемой проблематики: от причин войны¹⁹, операций на отдельных фронтах²⁰ и развития военной пропаганды²¹, окопного быта, от жизненных миров комбатантов, военнопленных и гражданского населения в тылу²², до причин развала русской императорской армии в 1917 г.²³ и структур исторической памяти о войне²⁴. Показательным для данного периода развития историографических дискуссий послужили сборники статей²⁵ и энциклопедические издания по истории Первой мировой войны, подводившие промежуточные итоги исследований в различных национальных традициях и тематических направлениях²⁶. В рамках актуальных дискуссий

¹⁷ Гончаренко О.Г. Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев. М., 2014; Мартышевский Я.Е. По скорбному пути. Воспоминания. 1914–1918. М., 2016; Ненюков Д.В. От Мировой до Гражданской войны. Воспоминания. 1914–1920. М., 2014; Первая мировая. Взгляд из окопа / предисл., сост. и коммент. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2014; Фурманов Д.А. Дневник, 1914–1916. М., 2015; и др.

¹⁸ Информационный портал «Памяти героев Великой войны 1914–1918». URL: <https://gwar.mil.ru/about/?ysclid=10a471lr1f271927699> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁹ Leonhard J. Die Büchse der Pandora: Geschichte des Ersten Weltkriegs. München, 2014.

²⁰ Айранетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М., 2014; Он же. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. М., 2014; Он же. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015; Он же. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1917 год. Распад. М., 2016; Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон; Санборн Дж. Великая война и деколонизация Российской империи / пер. с англ. О. Поборцевой. СПб., 2021; Borodziej W., Gorny M. Der vergessene Weltkrieg Europas Osten 1912–1923. Bd. 1. Imperien 1912–1916. Darmstadt, 2018; и др.

²¹ Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М., 2020; Европа и Россия в огне Первой мировой войны: к 100-летию начала войны / [Агеев А.И. и др.]. М., 2014; и др.

²² Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции. М., 2014.

²³ Базанов С.Н. Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014.

²⁴ Kolonitsky B.I. Russia and world war I: the politics of memory and historiography, 1914–2018 // Writing the Great war: the historiography of World War I from 1918 to the present / ed. by Christoph Cornelissen and Arndt Weinrich. N.Y., 2021.

²⁵ Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: сб. Статей / ред. : Бруиш К., Катцер Н. М., 2014.

²⁶ Первая мировая война: энциклопедический словарь / О.Е. Алпеев [и др.]; отв. ред.: Е.Ю. Сергеев. М., 2014; 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/home.html> (дата обращения: 10.02.2024); Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA and London, 2002; и др.

перспективным направлением исследований были определены в том числе аспекты экологической и пространственной истории Первой мировой войны²⁷.

Современная военная история Юго-Западного фронта, отдельных операций в его пределах, включая оккупацию Галиции, развивается в трудах О. Айрапетова²⁸, С. Нелиповича²⁹, М. Оськина³⁰, В. Каширина³¹, Г. Тунсталла³², Д. Байрау³³, Д. Санборна³⁴ и др. С. Нелипович подчеркивает взаимосвязь высоких потерь русской армии при наступательных операциях на Юго-Западном фронте с восприятием территории Галиции в качестве «своей» и стремлением удержать ее любой ценой³⁵. Д. Санборн вписывает русское наступление в Галиции и «великое отступление 1915 г.» в процессы деколонизации Российской империи, уделяя большое внимание этническому составу населения территорий, на которых велись сражения Первой мировой войны. Он выдвигает плодотворный для нашего исследования тезис о

²⁷ Аксенов В.Б. «Лунный пейзаж»: экологические образы Первой мировой войны в искусстве, публицистике, письмах и дневниках современников // Проблемы экологической истории / истории окружающей среды: Сборник статей. М., 2020. С. 191–206; *Dornik W., Walleczek-Fritz J., Wedrac S.* Einleitung // Frontwechsel. Österreich-Ungarns «Großer Krieg» im Vergleich. Wien, 2014. S. 9–29; *Nuebel Chr.* Raum in der Militaergeschichte und Gewaltgeschichte. Probleme, Ergebnisse und neue Felder der Forschung // Militaergeschichtliche Zeitschrift. 2014. Vol. 73, № 3. S. 285–307; и др.

²⁸ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало; *Он же.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей; *Он же.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1916 год. Сверхнапряжение; *Он же.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1917 год. Распад.

²⁹ *Нелипович С. Г.* Брусилловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., Цейхгауз, 2006; *Он же.* Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон.

³⁰ *Оськин М.В.* История Первой мировой войны. М., 2014; *Он же.* Штурм Карпат. Зима 1915 года. М., 2007; *Он же.* Русский солдат в окопах Первой мировой. М., 2018.

³¹ *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.

³² *Тунсталл Г.А.* Зимняя кампания в Карпатах в 1915 г.: Прелюдия к решающей победе Центральных держав при Горлице–Тарнове // Из истории Карпатской операции: Сборник документов / сост. И.В. Карпеев, С.Г. Нелипович, С.А. Харитонов, О.В. Чистяков. М., 2016. С. 449–468.

³³ *Beyrau D.* Krieg und Revolution. Russische Erfahrungen. München: Ferdinand Schöningh, 2017.

³⁴ *Санборн Д.* Указ. соч.

³⁵ *Нелипович С.Г.* Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе–октябре 1914 г.

важности пространственного измерения Русского фронта для принятия тактических решений командования по обеспечению фронта и тыла. По мнению Санборна, слабое развитие инфраструктуры привело к невозможности регулярного подвоза ресурсов для обеспечения боевых действий. Безоглядная политика эксплуатации ресурсов захваченных территорий стала характерной чертой всех армий, обусловив огромный ущерб для гражданского населения и феномен массового беженства³⁶. Этот тезис примыкает к исследовательской традиции изучения принудительной массовой миграции в годы Первой мировой войны на территории Российской империи и появления новой социальной таксономии — беженства, охарактеризованной в трудах П. Гетрелла³⁷. Тотальный характер Великой войны, которая впервые практически полностью стерла границы между комбатантами и мирным населением, подчеркивается в масштабном обзоре событий гуманитарной катастрофы в Восточной Европе В. Бороджея и М. Гурного³⁸. Отмечая ключевой характер маневренной войны, решающую роль пространственного измерения Восточного фронта, данные исследования лишь косвенно затрагивают взаимоотношения комбатантов с местностью, ее восприятие и конструирование «снизу», оставаясь в рамках изучения структур и институтов войны.

Длительное время мероприятия русской оккупации Галиции в ходе Первой мировой войны изучалась историками преимущественно в ракурсе этнической политики. Пестрый этнический состав, включавший (помимо меньшинства австрийских немцев) преобладавших по своей численности русин, поляков, евреев, гуцулов и т.д., превратился в важных фактор влияния

³⁶ Санборн Д. Указ. соч.

³⁷ Gatrell P. A whole empire walking: refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. См также: Жванко Л.М. Біженство Першої світової війни в Україні. Документи і матеріали (1914–1918 pp.) = Refugeedom of the first world war in Ukraine. Documents and materials (1914–1918). Харків, 2009; Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.): монография. Екатеринбург–Челябинск, 2021.

³⁸ Borodziej W., Gorny M. Der vergessene Weltkrieg Europas Osten 1912–1923. В. 1. Imperien 1912–1916; В. 2. Nationen 1917–1923. Darmstad, 2018.

со стороны противоборствующих Российской и Австро-Венгерской империи. Если для последней пестрая смесь народов и конфессий в восточных провинциях обуславливала их периферийный статус и отсутствие активных интеграционных усилий, то для России, напротив, конфессиональная и этническая принадлежность галицийского населения выступала важным аргументом целей войны на Юго-Западном фронте. В работах А.Ю. Бахтуриной анализируется роль благотворительного по своему статусу и пропагандистского по своим целям Галицко-русского общества в духовной мобилизации населения Российской империи и самой Галиции, а также политика военного командования и гражданской администрации по отношению к местному населению уже в ходе войны³⁹. Особенности войны и оккупации Галиции из перспективы горожан Львова, австрийских политиков, венских и галицийских газет реконструированы в работах К. Мика⁴⁰, М. фон Хагена⁴¹ и Э. Хайд⁴². В книге Ф. Шнелля Первая мировая война в Галиции представляется лишь одной из фаз развития длительных трендов этнического насилия на территории Восточной Европы, которую автор характеризует метафорой «пространство ужаса»⁴³.

Экологические аспекты оккупации Галиции — стратегическое затопление территорий, уничтожение нефтяных запасов и производств в рамках политики выжженной земли, влияние строителей укреплений и массовых военных отходов на леса, почвы и водные источники —

³⁹ Бахтурина А.Ю. Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000; Она же. Галицко-русское благотворительное общество и галицкие «москвофилы» в начале XX века // Труды Историко-архивного института. Т. 40. М., 2014. С. 17–28.

⁴⁰ Mick C. Lemberg, Lwow, Lviv 1914–1947: Violence and Ethnicity in a Contested City. West Lafayette, 2016.

⁴¹ Hagen M. War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918. Seattle, 2007.

⁴² Haid E. Im Blickfeld zweier Imperien. Galizien in der österreichischen und russischen Presseberichterstattung während des Ersten Weltkriegs (1914–1917). Wien, 2023. URL: <https://digital.herder-institut.de/publications/frontdoor/index/index/docId/435> (дата обращения: 17.12.2023).

⁴³ Schnell F. Räume des Schreckens: Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine 1905–1933. Hamburg, 2012.

исследуются в работах О.С. Нагорной⁴⁴, Я.А. Голубинова⁴⁵ и Ю.А. Жердевой⁴⁶. Данные работы позволяют реконструировать важные аспекты становления военизированных ландшафтов Галиции, их видения русским военным командованием, оккупационной администрацией и институтами хаотичной демобилизации территорий.

Традиционно пристальное внимание исследователей привлекает тема военной пропаганды в годы Первой мировой войны, духовной мобилизации обществ, поддержания «гражданского мира» или формирования национальных вариаций патриотизма. Одним из классических исследований при изучении специфики Российской империи считается работа Х. Яана о «русской патриотической культуре»⁴⁷, нашедшей яркое выражение в произведениях массовой культуры того времени: лубочных картинках, карикатурах, почтовых открытках. Автор отмечает, что усилия военной пропаганды были нацелены в основном на использование потенциала образов самодержавия, церкви, воинских традиций. Важным выводом книги является предположение о том, что городское население было более восприимчиво к насаждаемым патриотическим мотивам и сюжетам, нежели население сельских окраин империи.

В длительные хронологические тренды и сравнительную аналитическую перспективу помещают восприятие Россией и Германией друг

⁴⁴ Golubinov I.A., Nagornaia O.S. Embattled Nature: Men and Landscapes on the Eastern Front of the First World War // *Science, Technology, Environment, and Medicine in Russia's Great War and Revolution, 1914–22* / ed. Heywood A., Palmer S.W., Lajus J.A. Bloomington, 2022. P. 333–351; Nagornaia O.S. A Fluid enemy, economic resource and bacteriological Hazard: Galician rivers in anthropological constructs and occupation practices of the First World war // *Вестник Пермского университета. История*. 2023. № 4(63). С. 189–199.

⁴⁵ Golubinov Ia.A. Oil Fires of the First World War: Military Use and Destruction of Galicia's Fuel Industry // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 586–602; *Idem*. Burned Oil Rigs and Cut Woods: The Environmental Dimension of the First World War on the Eastern Front // *Environment and History*. 2024. Vol. 30, № 2. P. 177–181.

⁴⁶ Жердева Ю.А. Экологическое измерение демилитаризации русского фронта первой мировой войны // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки*. 2024. Т. 6. № 1(21). С. 39–55; *Она же*. Демилитаризация пространства Русского фронта после окончания Первой мировой войны // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 26. № 1. С. 58–74.

⁴⁷ Jahn H. *Patriotic culture in Russia during World War I*. Ithaca, 1995.

друга в эпоху двух мировых войн и биполярного противостояния авторы трехтомника статей «Россия и Германия в XX в.» под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова и А. Фольперт⁴⁸. Авторы подчеркивают, что тиражируемые в средствах массовой информации периода Первой мировой войны литературные произведения, плакаты, карикатуры выступали в качестве агентов политического маркетинга, а зашифрованные в художественных образах героические символы и враждебные предрассудки целенаправленно насаждались и культивировались пропагандой обеих стран с целью формирования позитивного восприятия «своих» и негативного восприятия «чужих».

Одна из новейших публикаций, посвященных этой тематике, исходит из важного тезиса об отсутствии гомогенной патриотической культуры в период Первой мировой войны, диверсификации общественных настроений на множество вариаций культур патриотизма в зависимости от страны, социальной группы и медиа. Авторы сборника приравнивают культуры патриотизма к циркулирующим в СМИ образам, темам и сюжетам, которые, на наш взгляд, являются актом пропаганды, а не прямым отражением реальных общественных отношений⁴⁹. В данной работе будет предпринята попытка выявления степени восприятия транслировавшихся пропагандой образов природных ландшафтов Галиции на нарративизацию военного опыта в источниках личного происхождения.

Публикации по истории военной медицины в ее теоретическом и практическом преломлении в годы Первой мировой войны традиционно представляют собой реконструкцию институциональных дискурсов, попытки оценить эффективность предпринимавшихся мер, выяснить целесообразность их переноса на другие конфликты. В коллективной монографии «История

⁴⁸ Россия и Германия в XX веке: в 3 т. / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фольперт. Т. 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010.

⁴⁹ Культуры патриотизма в период Первой мировой войны: сборник статей / сост. и предисл. Б.И. Колоницкого. СПб., 2020.

военной медицины»⁵⁰, помимо особенностей развития военного здравоохранения, его органов управления, госпитальной системы, медицинского образования, снабжения, медицинской науки и практики, подробно освещается организация медицинского обеспечения армии и флота, профилактических мероприятий в войсках в военное и мирное время. Деятельность медицинских служб империи во время военных конфликтов представлена в свете безапелляционного профессионального успеха и плодотворного противостояния административным и ведомственным дефицитам. Культурно-исторический подход к изучению медицинской политики на примерах европейских колониальных империй открывает иные познавательные перспективы, поскольку история гигиены высвечивает становление современных властных практик и дает представление о мерах гомогенизации и/или исключения социальных групп. Страх населения перед инфекциями и эпидемиями Й. Радкау выделяет среди прочих факторов, определяющих практики взаимоотношения человека и природы⁵¹. В работах Т. Шаша⁵², И. Зола⁵³, П. Конрада⁵⁴ подчеркивается возросшая значимость медицинской профессии в обществах эпохи модерна и восприятия врачей как ведущих экспертов по обеспечению социального порядка. Восприятие медикализации общественных и государственных дискуссий как части более широкого процесса модернизации отражено в работах М. Фуко⁵⁵. Он подчеркивает, что в Новое время в западном мире сформировалось новое,

⁵⁰ Будко А.А., Селиванов Е.Ф., Чиж И.М., Шабунин А.В. История военной медицины России: в 4 т. СПб., 2002.

⁵¹ Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / пер. с нем., сост. указ. Н.Ф. Штильмарк; вступ. слово Ю. Обертрайс. М., 2014.

⁵² Szasz T. The Medicalization of Everyday Life: Selected Essays. N.Y., 2007.

⁵³ Zola I. Medicine as an Institute of Social Control // Sociological Review. New Series. 1972. Vol. 20(4). P. 487–504.

⁵⁴ Conrad P. The Discovery of Hyperkinesis: Notes on the Medicalization of Deviant Behavior// Social Problems. 1975. Vol. 23(1). P. 12–21.

⁵⁵ Фуко М. Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. С. 79–107; Foucault M. The Politics of Health in the Eighteenth Century // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977. N.Y., 1980. P. 166–182.

прагматически-ориентированное, технократическое отношение к природе. Возникло желание контролировать ее, опираясь на научные, в том числе медицинские, знания. На материалах Восточной Европы К. Крейдер-Зоннен и А. Реннер изучают социальное и политическое значение вопросов медицинского контроля пространств, санитарии и общественной гигиены при конструировании взаимоотношений центра и колониальной периферии⁵⁶. В ракурсе данной работы представляется перспективным апробировать данную матрицу при исследовании влияния контекста Первой мировой войны на представления о гигиене и медицине в Галиции, как в регионе, подлежащем интеграции в Российскую империю.

Эпидемиологическое измерение галицийской оккупации 1914–1915 гг. анализируется в статье А.Б. Асташова. Автор считает, что рост числа инфекций на фронте и на прифронтовой территории был во многом спровоцирован климатическими условиями и загрязнением естественных объектов (почвы, водоемов) последствиями военных действий. В свою очередь санитарные методы (благоустройство могил, дезинфекция воды, почв и воздуха, развитие медицинской инфраструктуры) выступали частью «оккупационных» практик: обеспечивали сотрудничество военных и гражданских властей, представлявших Российскую империю, с местными медиками, а также населением Австро-Венгрии⁵⁷.

2) Бурно развивающаяся в последние годы экологическая история помещает природные ландшафты в ряд культурно-антропологических конструкторов, включающих в себя представления о местности и животном мире, практики использования природных ресурсов человеком, взаимодействие природы и общества, философию природы⁵⁸. Из

⁵⁶ *Kreuder-Sonnen K., Renner A.* Einleitung: Gesellschaft, Kultur und Hygiene in Osteuropa // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Vol. 61. Heft 4. S. 481–488.

⁵⁷ *Асташов А.Б.* Мобилизация и санитария в тылу русской армии в 1914–1918 годах: социально-экологический анализ // *Вестник Пермского университета. История*. 2021. № 2(53). С. 27–37.

⁵⁸ *Лайус Ю.* Окружающая среда // *Все в прошлом: теория и практика публичной истории* / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М., 2021. С. 19–35; *Человек и природа: экологическая*

традиционного фона исторических событий природа смещается в центр исследовательских интересов, актуализируя дебаты об агентности окружающей среды⁵⁹. Исследования по экологической истории концентрируются не только на региональной, но и на глобальной перспективе и пытаются реконструировать длительные тренды взаимодействия человека с разными типами экосистем и природных ресурсов: лесом, степью, горами, водой⁶⁰. Чаще всего Первая мировая война используется авторами как важная иллюстрация отдельных феноменов, к примеру, радикализации методов освоения природных ресурсов, применения индустриальных технологий эксплуатации и уничтожения ландшафтов⁶¹. Большинство авторов сходятся во мнении, что при столь значимых последствиях Первой мировой войны для природного мира и ландшафтов данная проблематика очень слабо изучена⁶². Поворотным моментом в развитии военных практик освоения природных ландшафтов обозначает Первую мировую войну Сюзан Лэниер-Грэхам, отмечая небывалые масштабы экологических потерь, особенно вырубку лесов и варварскую разработку ископаемых⁶³. Отдельные работы посвящены природным объектам Восточной Европы: более изучена тема эксплуатации Беловежской пуши воюющими армиями, а также воздействия Первой мировой

история / под ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. Лайус. СПб., 2008; *Bruno A. Russian Environmental History: Directions and Potentials // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 3. P. 635–650; и др.

⁵⁹ *Бруно Э.* Природа советской власти. Экологическая история Арктики. М., 2024.

⁶⁰ *Finstad B., Lajus J.* The Fisheries in Norwegian and Russian Waters, 1850–2010 // *A History of the North Atlantic Fisheries*. Vol. 2: From the 1850s to the Early Twentieth-First Century. Bremen, 2012. P. 226–237; *McNeill J.R.* Woods and Warfare in World History // *Environmental History*. 2004. Vol. 9. № 3. P. 388–410; и др.

⁶¹ *Moon D.* The Environmental History of the Steppe in a Global Perspective // *Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований: материалы Междунар. науч. конф.* Елабуга, 2014. С. 8–31; *Uekoetter F.* Im Strudel. Eine Umweltgeschichte der modernen Welt. Frankfurt/N.Y., 2020.

⁶² *Environmental Histories of the First World War / ed. by R.P. Tucker [et al.].* Cambridge, 2018; *Josephson P.R.* An Environmental History of Russia. Cambridge; N.Y., 2013; *Natural Enemy, Natural Ally: Toward an Environmental History of Warfare / eds. R.P. Tucker, E. Russell.* Corvallis, 2004; *War and the Environment: Military Destruction in the Modern Age / ed. by Ch.E. Closmann.* Texas, 2009.

⁶³ *Lanier-Graham S.* The Ecology of War. Environmental impact of Weaponry and Warfare. N.Y., 1993. P. 18–21.

войны на практики природопользования (лесозаготовок, лесосплава) в Карпатах⁶⁴. Решающую роль ледников, пустынь, лесов, а также изменчивости их природы, для солдатского опыта подчеркивают авторы сборника «Ландшафты Первой мировой войны». При этом речь идет не только о местах битв, но и о прифронтовых и тыловых пространствах, где в условиях дефицита сырья и других ресурсов происходила не только материальная, но и ментальная деформация пространств со стороны всех втянутых в военный конфликт социальных групп⁶⁵. Данная исследовательская оптика позволяет поставить важные вопросы о взаимодействии человека с военизированными ландшафтами, об их восприятии и восприятии себя в них в условиях перманентной экзистенциальной угрозы.

Роль академической и прикладной науки в радикализации военных действий на фронте и пропаганды в тылу неизменно подчеркивается авторами работ по истории энвайронментализма, в том числе в эпоху Первой мировой войны. Изучая способы возведения укреплений, оружие и разрушения на Западном фронте, Сьюзан Линди характеризует Первую мировую войну как «научно-техническую войну». По мнению автора, в эту эпоху берет свое начало промышленное влияние на природные ландшафты в условиях войны⁶⁶. По мнению авторов сборника «Экологическая история России», именно этот конфликт стал определяющим для апробации инструментов мобилизации усилий русских ученых на цели длительного и технизированного противостояния. Несмотря на однозначно этактистские настроения

⁶⁴ *Amato A. J.* The Carpathians, the Hutsuls and Ukraine. An environmental History. Lanham, 2021; *Kargol T.* Odbudowa Galicji ze zniszczeń wojennych w latach 1914–1918. Kraków, 2012; *Кланчук В.* Лісове господарство та переробка лісових ресурсів у Галичині до початку Другої світової війни // Історичні студії Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. 2013. № 9–10. С. 93–101; *Keller T.* Destruction of the Ecosystem // 1914–1918 online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918online.net/article/destruction_of_the_ecosystem (дата обращения: 20.02.2020).

⁶⁵ *Daly S., Salvante M., Wilcox V.* Landscapes of War: A Fertile Terrain for First World War Scholarship // Landscapes of the First World War. London, 2018. P. 1–14; Environmental Histories of the First World War / eds. by R.P. Tucker [et al.]. Cambridge, 2018; *Schama S.* Landscape and Memory. London, 1995.

⁶⁶ *Линди С.* Разум в тумане войны. Наука и технологии на полях сражений. М., 2022.

экспертного сообщества, недоверие по отношению к нему со стороны власти так и не было преодолено.

Мобилизация гуманитарных наук на военные цели находится в центре внимания Мацея Гурного. Автор отмечает уязвимость ученых для националистической пропаганды и их готовность подчинить собственные усилия политическим и военным целям⁶⁷. В свою очередь, в среде представителей естественных наук укреплялась уверенность в необходимости защиты окружающей среды со стороны государства, в том числе, в перспективе восстановления разрушенного войной хозяйства и подготовки к возможным будущим конфликтам⁶⁸.

3) Антропологический поворот в исторической науке вызвал пристальный исследовательский интерес к переживаниям «маленького человека» в экстремальных событиях и процессах, что привело к становлению такого направления, как военно-исторической антропологии⁶⁹. Введение в научный оборот источников личного происхождения, непосредственно отражающих переживания на фронте и в тылу, позволило выявить стратегии приспособления к новым условиям, коллективные и индивидуальные поведенческие практики, эмоциональный режим комбатантов и мирного населения, роль образов в формировании горизонта ожидания и образцов толкования военного опыта. Классическим исследованием культурно обусловленного восприятия военизированных пространств комбатантами Западного фронта стала работа П. Фассела «Великая война и современная память», опубликованная в 1975 г. Автор пришел к выводу, что именно Первая мировая война привела к кардинальному слому в сознании, породила новое мировосприятие, потребовавшее, в свою очередь, принципиально иного

⁶⁷ Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки 1912–1923. СПб., 2021.

⁶⁸ Arend J. Russlands Bodenkunde in der Welt. Eine ost-westliche Transfersgeschichte 1880–1945. Göttingen, 2017; Oldfield J., Shaw D. The Development of Russian Environmental Thought. Scientific and Geographical Perspectives on the Natural Environment. Routledge, 2016.

⁶⁹ Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М., 1995.

подхода к отражению действительности в слове, поскольку существующий литературный язык не давал возможности адекватно описать переживания военной катастрофы. Через деконструкцию текстов Фассел выявил принципы и стилистические приемы, выработанные «окопными авторами», установил точки континуитета и разрыва с предшествующими литературными традициями⁷⁰. До сих пор этот труд выступает в качестве ориентира при подобной постановке вопросов и работе с однородными видами источников.

Сходную постановку исследовательских вопросов на примере обширнейшего комплекса фронтовых писем немецких комбатантов реализует Б. Ульрих. Автор подчеркивает уникальность данного вида материалов, исходя из непосредственной причастности корреспондентов к еще незавершившимся историческим событиям. С другой стороны, он призывает исследователей быть максимально осторожными при работе с подобными источниками и уделять внимание условиям возникновения текстов писем. В качестве факторов, влиявших на фронтовые эпистолярные нарративы, Ульрих определяет религиозную, политическую, поколенческую и этническую принадлежность, читательский и профессиональный опыт, а также военный ранг автора⁷¹.

В работе О. Штейна анализируется специфика восприятия экзотической ближневосточной природы европейцами: в условиях войны описания окружающей среды служат формой замещения смертельной опасности и сложностей фронтового быта в коммуникации с оставшимися в тылу родными. Авторский подход представляется актуальным для нашего исследования вследствие использования Штайном аналогичного корпуса источников — эго-документов немецких военных специалистов на Ближнем Востоке. Исследователь выделяет в письмах солдат и офицеров нарратив туристов, сформированный под влиянием доминировавших в довоенной

⁷⁰ *Фассел П.* Великая война и современная память / пер. с англ. А. Глебовской. СПб., 2015. С. 65.

⁷¹ *Ulrich B.* Feldpostbriefe des Ersten Weltkrieges — Möglichkeiten und Grenzen einer alltagsgeschichtlichen Quelle // *Militaergeschichtliche Mitteilungen.* 1994. Vol. 53. S. 82.

литературе идеалах путешествия. Впечатления от необычных климатических, топографических и инфраструктурных условий пребывания на воображаемом ранее Востоке выступают катализатором использования устойчивых культурных канонов описания нового шокирующего опыта. Образы экзотической природы заменили в эго-документах картины ужасов войны и индивидуальных страданий. Окончание войны и формирование мемориального нарратива привело к постепенному превращению природы в основного противника и главную угрозу⁷².

Особенности восприятия воздушного пространства военными летчиками и его влияние на успешность реализации боевых задач, продемонстрированы в исследованиях, посвященных авиационным операциям на Восточном фронте Первой мировой войны. С. Розенбум, основываясь на нарративах немецких летчиков, приходит к выводу о том, что они осуществляли рискованные вылеты вглубь территории противника, основываясь на иллюзорном ощущении себя «господами воздушного пространства», что нередко заканчивалось пленом⁷³.

В российской исследовательской традиции специфике массового сознания, вопросам воздействия войны на ментальность комбатантов и тылового населения в годы Первой мировой войны посвящены работы

⁷² *Stein O.* «Orientfahrten». Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918 // Militaergeschichtliche Zeitschrift. 2016. Vol. 75. № 2. P. 327–358.

⁷³ *Sebastian Rosenboom.* Im einsatz ueber der “vergessenen Front”. Der Luftkrieg an der Ostfront im Ersten Weltkrieg. Potsdam, 2013.

Е.С. Сенявской⁷⁴, О.С. Поршневой⁷⁵, Е.Ю. Сергеева⁷⁶, Б.И. Колоницкого⁷⁷, Н.В. Суржиковой⁷⁸, О.С. Нагорной⁷⁹, В.Б. Аксенова⁸⁰. Так, с помощью историко-антропологического анализа войн XX в. и исследования психологии участников конфликтов Е.С. Сенявская рассматривает воздействие экстремальных условий фронтовой повседневности на формирование специфического сознания комбатантов. С точки зрения военной антропологии, «человек воюющий» выступает как особое явление — не только социальное, но и психологическое. На основании исследования источников личного происхождения Сенявская выводит концепцию формирования милитаризированного сознания и его распространения среди мирного населения⁸¹. Спектр исследуемых автором исследовательских полей предельно широк: «образ врага», элементы бытовой религиозности, общее изменение сознания человека под воздействием войны и официальной идеологии⁸².

⁷⁴ Сенявская, Е.С., Сенявский, А.С., Жукова, Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. М., 2017; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Она же. Человек на войне: Историко-психологические очерки: [На примере двух мировых и афганской войн]. М., 1997.

⁷⁵ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918): дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2000. См. также: Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011.

⁷⁶ Сергеев Е.Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России, 1900–1914 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001.

⁷⁷ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой Мировой войны. М., 2010.

⁷⁸ Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания / [авт.-сост.: Н.В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. М., 2015; Россия 1917 года в эго-документах. Дневники / [авт.-сост.: Н.В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. М., 2017; Россия 1917 года в эго-документах. Записки репортера / [пер. с англ. М.И. Вебера, А.Я. Голубинова, Н.А. Михалева; науч. ред. Н.В. Суржикова]. М., 2016; Россия 1917 года в эго-документах. Письма / [авт.-сост.: Н.В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. М., 2019.

⁷⁹ Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии. М., 2010.

⁸⁰ Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции.

⁸¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

⁸² Сенявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Она же. Человек на войне; Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Она же. Противники России в войнах XX века.

Процессам трансформации менталитета мобилизованных крестьян и рабочих в период Первой мировой войны посвящены исследования О.С. Поршневой. Автор приходит к выводу, что на первых этапах войны наличие очевидной внешней опасности и воздействие официальной пропаганды оказали значительное влияние на отношение различных слоев к войне, чему способствовало традиционно-архаическое и религиозное сознание крестьянства как превалирующей социальной категории в составе русской армии. В дальнейшем внутрисполитический кризис, вызванный неудачами в военных действиях, колоссальными потерями и утратой властного авторитета, обусловил трансформацию менталитета комбатантов⁸³.

Характер военных действий на Русском фронте Первой мировой войны, по мнению И.В. Нарского, оказал непосредственное влияние на формирование солдатского военного опыта и его воспроизведения в революционной действительности. В отличие от окопной войны на Западном фронте, формировавшей пацифистов, маневренные боевые действия Восточного фронта, опыт «активного убийства» содействовал «брутализации» солдат. Автор приводит многочисленные примеры переноса военного опыта в мирную жизнь, закрепление стандарта применения военной силы для решения тех или иных проблем, нормализации применения вооруженного насилия как средства политической борьбы⁸⁴.

Историко-антропологические исследования фронтовой повседневности и военного опыта уделяют внимание трансформации таких элементов массового сознания, как образ войны и врага⁸⁵. А.Б. Асташов

⁸³ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918).

⁸⁴ Нарский И.В. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России: Сборник статей. Челябинск, 2007. С. 488–502; Он же. Фронтовой опыт русских солдат // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 194–204.

⁸⁵ Булдаков В.П. Забытые реалии Первой мировой: фронтовая обыденность // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2022. № 4(64). С. 22–42; Култышев П.Г. Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект: дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

приходит к выводу, что экстремальные условия индустриального конфликта привели к деформации довоенных представлений о мире участниками войны на Русском фронте. Динамика и глубина этих изменений, по мнению автора, обуславливалась социальным происхождением, образованием, наличием предшествующего военного опыта. Превалирование солдат крестьянского происхождения в русской армии на всех этапах войны, мировоззренческие установки традиционалистского типа, неготовность к индустриальному типу войны, низкий уровень грамотности объясняют специфический характер письменных свидетельств нижних чинов⁸⁶.

Формирование мемориальных пространств Первой мировой войны выступает предметом исследовательского интереса С.Ю. Малышевой, помещающей практики почитания жертв этого конфликта в России в более широкий контекст восприятия смерти на войне. Автор отмечает эффект десакрализации, типизации и даже цинизма в ситуации вынужденного распространения практик захоронений в братских могилах и утраты физической связи родственников с местами сражений после войны⁸⁷. В целом же, исследования специфики коммеморации павших воинов Первой мировой войны в Советской России и в эмиграции, подчеркивают важность пространственного измерения памяти, ее взаимосвязи с конкретной территорией, ее принадлежностью, с возникающими и поддерживаемыми ритуалами поминовения⁸⁸.

В последние годы внимание исследователей все чаще привлекает потенциал использования эго-документов⁸⁹ в изучении «жизненных миров»

⁸⁶ *Асташов А.Б.* Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914 — февраль 1917 г.: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2018.

⁸⁷ *Malysheva S.* Helden oder Blutopfer: Der Umgang der Zeitgenossen mit den Gefallenen des Ersten Weltkriegs in Russland // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Stuttgart, 2015. Bd. 63. Hf. 4. S. 599–618.

⁸⁸ *Мерридейл К.* Каменная ночь: смерть и память в России XX века. М., 2019; *Cohen A.J.* Neither Here Nor There: War Memorial Landscape in Imperial Russia, the Soviet Union, and the Russian Emigration, 1914–1939 // *Landscapes of the First World War*. London, 2018. P. 173–191.

⁸⁹ *Суржикова Н.В.* Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // *История в эго-документах: Исследования и источники: [сборник статей и документов] / [редкол.: Н.В. Суржикова (гл. ред.) и др.]*. Екатеринбург, 2014. С. 6–13.

комбатантов и гражданского населения в годы Первой мировой войны. Авторы монографии «Эго-документы: Россия первой половины XX в. в межисточниковых диалогах» предлагают отказаться от жесткого противопоставления традиционных исследовательских стратегий, основанных на выявлении в содержании эго-документов социально-типичных явлений, и постмодернистских концепций, обращающихся к эго-документам исключительно в поиске субъективно-личностных черт⁹⁰. Характеризуя методологию анализа автобиографических текстов и рассматривая этапы ее развития, Ю.П. Зарецкий подчеркивает важность понимания автобиографических текстов как социальных практик, различия между которыми обусловлены контекстом появления и функционирования текста⁹¹. Внимание автора сконцентрировано на источниках советского периода, однако исследовательские выводы о влиянии личного опыта и условий коммуникационной ситуации на описательные стратегии автора эго-документа представляются релевантными для корпуса источников личного происхождения периода Первой мировой войны. В свою очередь, А.Ю. Иванов, исследуя пространственно-временное измерение в текстах фронтовых писем российских участников Первой мировой войны, выявляет его ценностное, психологически-нравственное значение⁹². Как подчеркивает автор, часто фронтовые письма содержат описания фронтового пространства и природы как косвенное отражение непосредственных настроений комбатантов⁹³.

⁹⁰ Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах: [коллективная монография] / под ред. М.А. Литовской и Н.В. Суржиковой. М.; Екатеринбург, 2021.

⁹¹ Зарецкий Ю.П. Эго-документы советского времени (из исследовательского опыта), или Вступительное слово // Эго-документы: Россия в первой половине XX века в межисточниковых диалогах. С. 6–28.

⁹² Иванов А.Ю. Эпистолярный текст как источник исследования структуры индивидуального сознания // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 1. С. 249–255.

⁹³ Иванов А.Ю. Фронтовые письма российских участников Первой мировой войны в культурной коммуникации // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5(60). С. 78–81.

Военные врачи в письмах, дневниках и отчетах периода Первой мировой войны уделяли преимущественное внимание психологическим травмам комбатантов, сопереживали состоянию их здоровья, подчеркивали мужество военнослужащих. Данная нарратологическая стратегия стала доминирующей, но не единственной, напротив, список исследовательских вопросов к текстам медиков может быть расширен⁹⁴. Идее о разнообразии исследовательских перспектив при изучении нарративов военных медиков созвучна концепция С. Зонтаг. Она подчеркивает, что на протяжении XIX в. произошла демагогизация образа болезни, что проявилось в «растущей тенденции называть болезнью любую ситуацию, которую человек не одобряет»⁹⁵. Эта тенденция способствовала увеличению влияния медицинских дискурсов на явления повседневности.

4) Наименее изученными на сегодняшний день остаются особенности визуального отображения военизированных ландшафтов в профессиональной военной и частной фотографии. Несмотря на наличие обширной источниковой базы, ограниченная возможность ее атрибуции мешает полномасштабному введению фотографических источников в научные исследования Первой мировой войны на Русском фронте. В немногочисленных существующих исследованиях авторы обращают внимание на воздействие канонов цензуры при запечатлении моментов массовой гибели людей и животных, на использование разрушенных культовых и гражданских сооружений в целях пропаганды, на фиксацию новейшей техники в рамках милитаризированных ландшафтов⁹⁶. Особенности конструирования ментальных пространств

⁹⁴ Поршнева О.С. «Записки сестры милосердия Анны Ждановой» как репрезентация новой модели гендерной идентичности // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2023. № 26. С. 38-47.

⁹⁵ Sontag S. *Illness as Metaphor* // The New York Review of Books. 1978. Vol. XXIV. Nos. 21–22. P. 74.

⁹⁶ Колоскова Е.Е., Литвин А.А. Великая война 1914–1918. Кинофотохроника. В 2-х т. СПб., 2014; Leidinger H. *Visualisierung des Krieges. Die Ostfront in oesterreichisch-ungarischen Fotografien und Filmproduktion* // *Jenseits des Schuetzengrabens. Der Erste Weltkrieg im Osten: Erfahrung-Wahrnehmung-Kontext* / hrsg. B. Bachinger, W. Dornik. Innsbruck–Wien–Bozen, 2013. S. 451–466. См. также: Смородинова В.А. Документальная фотография в российских

Западного фронта с помощью фотографии и кино изучает Д. ди Фолко. Он описывает не только brutальную трансформацию природы под чудовищным воздействием взаимных артобстрелов немецких и британских войск, но и то шокирующее влияние запечатленных в хронике образов искаленной местности на британскую аудиторию, которое, по сути своей, сформировало современную культурную память о битве на Сомме⁹⁷. На примере включения фотографий с Восточного фронта в австро-венгерскую пропаганду Х. Лейдингер подчеркивает сконструированный характер транслируемых образов, их тиражирование в целях ужесточения представлений о враге, оставившем после себя полностью разрушенные природные и урбанные пространства⁹⁸.

Концептуальный интерес в свете постановки вопросов данной работы вызывают исследования Б. Хюппауфа⁹⁹, обращавшегося к изучению практик любительского фотографирования событий геноцида в ходе Второй мировой войны. Автор исходит из тезиса о неразрывной связи визуальной рефлексии участия в вооруженном насилии с конструированием реальности через фотографическую ситуацию. Происхождение многочисленных любительских фотографий Холокоста Хюппауф объясняет роль фотокамеры в качестве защитной призмы для фотографа, дающей воображаемую возможность дистанцироваться от происходящего. Применительно к интерпретации Первой мировой войны данный подход представляется особо актуальным в контексте анализа аналогичного корпуса источников с изображением тел погибших, страданий беженцев и других последствий гуманитарной катастрофы, развернувшейся в пространствах Первой мировой войны.

иллюстрированных изданиях периода Первой мировой войны (1914–1917гг.): дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

⁹⁷ *Folco J. di. Terrain, Landscapes of the Great War // History of Photography. 2004. Vol. 28. Iss. 3. P. 261–264.*

⁹⁸ *Лейдингер Х. Визуализация Восточного фронта в Австро-Венгерской пропаганде Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 112–128.*

⁹⁹ *Hippauf B. Der entleerte Blick hinter der Kamera // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944. Hamburger, 1995. P. 504–530.*

Таким образом, обзор актуального состояния изученности научной проблемы, заявленной в диссертации, свидетельствует о перспективности междисциплинарного исследования восприятия военизированных ландшафтов Юго-Западного фронта Первой мировой войны. При наличии длительной и плодотворной традиции изучения военной истории и военно-исторической антропологии обозначенные аспекты остаются лакунами исследовательского ландшафта. Выявление специфики пространственного измерения Русского фронта в непосредственном восприятии участников войны позволит скорректировать доминирующие представления об универсальности опыта Западного фронта, а также обозначит перспективные направления дальнейших исследований.

Методологической основой исследования выступил междисциплинарный исследовательский подход, вобравший в себя концепции, инструменты и термины целого ряда гуманитарных дисциплин: истории, антропологии, литературоведения и культурной географии, а также следующих методологических направлений: экологической истории, пространственной истории, военно-исторической и визуальной антропологии, дискурсо- и нарратологии. Комплексный характер предмета исследования, а также использование специфических источников, например, визуальных материалов, обуславливает необходимость выхода за пределы собственно исторического инструментария (в частности, традиционной военной истории и даже так называемой новой военной истории) и творческое заимствование понятий и категорий из других научных дисциплин и методологических направлений. Адаптация категорий и дефиниций к историческому контексту служит обогащению исследовательской матрицы и дальнейшему развитию дискуссий о потенциале и границах междисциплинарного взаимодействия.

Активно развивающаяся в последние десятилетия методологическое направление *экологической истории* подразумевает изучение природной среды не в качестве фона исторических событий, а в качестве динамической силы, соучаствующей в процессах созидания и разрушения, что представляет

особый интерес в контексте изучения Первой мировой войны¹⁰⁰. В понимании данного исследовательского направления важно эвристическое разделение категорий «природа», «окружающая среда» и «ландшафт». Природа в своем первозданном виде находится вне человеческой истории, но при попадании под антропогенное воздействие она интегрируется в нее и превращается тем самым в окружающую среду, включающую помимо человека других представителей животного мира¹⁰¹. Ландшафт, в свою очередь, понимается как некогда природная местность, феноменологически сконструированная в человеческом восприятии через хозяйственную активность, военные разрушения, символическое означивание в вербальных и визуальных нарративах индивида и сообщества¹⁰². В исследованиях подчеркивается, что незыблемый на первый взгляд ландшафт в своем физическом измерении обладает изменчивым характером, выступает не столько константой, сколько антропоморфной идеей, вбирающей в себя все физические изменения, сотворенные человеком, а также культурные верования и практики, которые проецируются на данную местность¹⁰³. В соответствии с задачами исследования категория ландшафта ограничиваются характеристиками «военизированный», «милитаризированный», «мобилизованный» для указания специфической взаимосвязи с контекстом войны.

Выработанные в рамках *пространственного поворота* (spatial turn) концептуальные категории представляются на сегодняшний день плодотворным инструментарием при изучении истории мировых войн, которые выступают катализатором трансформационного давления на все

¹⁰⁰ Нагорная О.С., Голубинов Я.А. Экологическая история Первой мировой войны на восточном фронте: лакуны историографического ландшафта и исследовательские перспективы.

¹⁰¹ Лайус Ю. Окружающая среда.

¹⁰² Brantz D. Environments of Death: Trench Warfare on the Western Front, 1914–18 // War and the Environment: Military Destruction in the Modern Age / ed. by Charles E. Closmann. Texas, 2009. P. 68–91.

¹⁰³ Daly S., Salvante M., Wilcox V. Landscapes of War: A Fertile Terrain for First World War Scholarship // Landscapes of the First World War / Daly S., Salvante M., Wilcox V. (eds.). London, 2018. P. 1–14.

измерения пространства: физическое, социальное, ментальное. При этом пространственное измерение описания исторических феноменов представляется универсальным инструментом познания любых контекстов прошлого¹⁰⁴. Война приводит к физическому разрушению природных пространств, создает их технизированные антропогенные аналоги, в которые помещаются участники конфликта: комбатанты и мирное население. Война меняет социальные пространства, вырывая индивидов и целые сообщества из привычных жизненных миров и предписывая им новые социальные статусы и роли: преступников, жертв, комбатантов, беженцев, военнопленных. Одновременно индивиды, социальные группы и политические сообщества ментально конструируют пространства, их границы и протяженность, предписывая себе и другим определенные образцы толкования происходящего в таких пространствах и связанные с этим поведенческие реакции.

Впервые феноменологический подход к описанию пространственного измерения войны применил участник Первой мировой К. Левин, подчеркнувший возникновение особой логики создания, поддержания, трансформации и уничтожения «военных ландшафтов» (*Kriegslandschaft*). Важен тезис автора о том, что специфика восприятия комбатантами военизированных пространств зависела от принадлежности к конкретному роду войск: степени вовлеченности в интенсивные боевые действия, характера выполняемых армейских обязанностей и плотности взаимодействия с окружающим миром, включая местное население¹⁰⁵. Феноменологическое понимание милитаризованного пространства доминирует в современных исследованиях по военной археологии и культурной географии. Н. Саундерс пишет, что географическое пространство вооруженного столкновения воспринимается участниками войны через сформировавшийся горизонт

¹⁰⁴ *Schloegel K.* Im Raemen lessen wir die Zeit. Ueber Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. Muenchen, 2003.

¹⁰⁵ *Lewin K.* Kriegslandschaft [The War Landscape] // *Zeitschrift fur Angewandte Psychologie*. 1917. Vol. 12. P. 440–447.

ожиданий, предопределяющий чувства и действия комбатантов в условиях военного конфликта индустриального характера¹⁰⁶. Автор подчеркивает, что в понимании «конфликтного ландшафта» важное значение имеет не только определение исследователем «географического положения, геологической природы, культурного ландшафта на момент военного события», но и реконструкция «различных способов его сохранения в памяти и физической реконфигурации для приведения в соответствие реального мира и мира памяти»¹⁰⁷. Й. Ренес вводит в исторические исследования концепцию «слоистых ландшафтов», различающую в конкретном ландшафте вертикальный, горизонтальный, палимпсестный, интеллектуальный, символически-смысловой слои. Все они выступают результатом конструирования воображаемых природных и антропогенных пространств в произведениях культуры в целях приписывания смыслов определенным событиям и ситуациям. Важно, что один и тот же ландшафт может наполняться разными смыслами и становиться основой идентичности совершенно разных групп. Не менее важно понимать, что культурное восприятие ландшафта создается и в результате властных практик, и в результате интеракции индивидов и сообществ¹⁰⁸.

Потенциал конкретно-исторического применения подходов пространственной и экологической истории сквозь оптику концепции «военизированных ландшафтов» отражен в новейших работах К. Нюбеля, описавшего переживания комбатантов Западного фронта Первой мировой войны. Автор констатирует решающее влияние местности и окружающей среды на повседневность солдат: климат, погода, рельеф создавали основу

¹⁰⁶ *Saunders N.* The dead and their spaces. Origin and meanings in modern conflict landscapes // *Conflict landscapes. Materiality and Meaning in Contested Places* / ed. by Nicholas J. Saunders and Paul Cornish. London, N.Y., 2021. P. 7.

¹⁰⁷ *Saunders N.* Op. cit. P. 6.

¹⁰⁸ *Renes J.* Layered Landscapes A Problematic Theme in Historic Landscape Research // *Landscape Biographies. Geographical, Historical and Archaeological Perspectives on the Production and Transmission of Landscapes* / Jan Kolen, Hans Renes, Rita Hermans (eds.) Amsterdam, 2015. P. 403–421.

жизненных миров на фронте. Одновременно военные действия придавали незабываемым физическим пространствам новую структуру, поскольку местность постоянно трансформировалась в результате обстрелов, минирования и сноса зданий. Наконец, природные ландшафты, подвергшиеся воображаемому конструированию, выполняли терапевтическую функцию, служили средством примирения с травматическим опытом войны¹⁰⁹.

Инструментарий *военно-исторической антропологии*, помимо интерпретативной антропологии К. Гирца, вбирает в себя конструктивистские теории «жизненных миров» Э. Гуссерля и А. Шюца, теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, военного опыта Р. Козеллека. Концепция «жизненного мира», описывающая пространства действий индивида на стыке частной и публичной сред, позволяет выявить специфические реакции участников и свидетелей войны в широком смысле на стремительную и кардинальную смену устойчивых структур повседневности. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, именно через непрерывный процесс структурирования, ментального переозначивания, принятия или реинтерпретации индивидом и сообществами окружающего мира осуществляется социальное конструирование реальности¹¹⁰. Подобная теоретическая рамка представляется продуктивной при исследовании военного опыта Первой мировой войны, восприятия комбатантами военизированных ландшафтов. Приняв за основу тезис о социальном конструировании реальности, Р. Козеллек обосновал цикличную смену состояния сообщества между «пространством опыта» и «горизонтом ожиданий», подразумевая под опытом «как рациональную переработку, так и

¹⁰⁹ *Nübel Chr.* Raum in der Militärgeschichte und Gewaltgeschichte. Probleme, Ergebnisse und neue Felder der Forschung // *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. 2014. № 73. S. 285–307; *Idem.* Warscapes. Managing Space on the Western Front, 1914–1918 // *Past Societies. Human Development in Landscapes* / hrsg. von Johannes Müller und Andrea Ricci. Leiden, 2020. S. 181–189.

¹¹⁰ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

бессознательные способы поведения»¹¹¹. Ту же цикличность военного опыта, но уже состоящую из трех последовательно сменяющихся операций (восприятие, толкование и действие), предложили в своих концептуальных размышлениях Н. Бушманн и Х. Карл¹¹². Изучение восприятия военизированных ландшафтов в индивидуальных нарративах комбатантов позволит описать взаимосвязь довоенного горизонта ожиданий и пространств нового опыта, специфику конструирования военных ландшафтов, выработку поведенческих стратегий, формирования ментальных карт оккупированной местности различными социальными группами, участвовавшими в Первой мировой войне: комбатантами, медиками, военными корреспондентами и фотографами.

Визуальная антропология нацелена на исследование невербальных средств фиксации культурных и социальных реалий, включая живопись, рисунки, фотографии, фильмы и т.д. При этом подчеркивается особая эвристическая ценность фотографий как источника важных социальных знаний¹¹³. Для зрителя, в том числе находящегося в тылу и не являющегося носителем фронтового опыта, на снимке отражается не переживаемая им лично реальность. Самому фотографу иллюзия овладения миром посредством его изображения дает возможность присвоения враждебной окружающей среды. Об этом же, пусть и не применительно к военным ландшафтам, писала С. Зонтаг: «Так же, как фотографии создают иллюзию владения прошлым, которого нет, они помогают людям владеть пространством, где те не чувствуют себя уверенно»¹¹⁴. Еще один классик визуальной антропологии Р.

¹¹¹ Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173; Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am M., 1989.

¹¹² Buschmann N., Carl H. *Zugaenge zur Erfahrungsgeschichte des Krieges. Forschung, Theorie, Fragestellung* // *Die Erfahrung des Krieges: Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Franzoesische Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg* / hg. von N. Buschmann, H. Carl. Paderborn, 2001 S. 17.

¹¹³ Круткин В. Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 1. С. 173.

¹¹⁴ Зонтаг С. *О фотографии*. М., 2013. С. 52.

Барт¹¹⁵, описывая специфику фотографического опыта, отмечал невозможность обобщенной классификации фотографий и необходимость обращения к каждому конкретному снимку для определения сущности фотографии путем анализа личного переживания, вызываемого тем или иным кадром. Авторы сборника статей «Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность» ставят проблему «использования в социальной реальности фотографических изображений, их потребления»¹¹⁶, что особо актуально для нашего исследования при изучении циркуляции военных фотографий, влияния визуальных образов военизированных ландшафтов на представления комбатантов и гражданского населения о пространствах войны.

Лингвистический поворот в гуманитарных науках позволил историкам обогатить свои методы приемами лингвистики и литературоведения. Признавая определяющую роль языка при реализации властных претензий на контроль за производящимися в конкретном обществе смыслами и толкованиями, М. Фуко ввел в научные исследования категорию «дискурс». Обращение к дискурсивным практикам Первой мировой войны позволяет исследователю выявить сущностные принципы организации познания, упорядочивания экспертного знания и бытового сознания в экстремальных условиях военного времени, а также описать рамки создания индивидуальных нарративов участников военных действий в условиях постоянного соприкосновения с военизированными ландшафтами.

Многообразные подходы к изучению индивидуальных нарративов сближает метафора личности как рассказчика и повествователя собственной истории. Хотя в процессе повествования автор вербализует свой личностный смысл и опыт, он в обязательном порядке соотносит его с системой общекультурных значений и социокультурным контекстом,

¹¹⁵ Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 2011. С. 28.

¹¹⁶ Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под общей редакцией: Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов, В. Л. Круткин. Саратов, 2007. С. 9.

характеризующим определенный лингвосоциум¹¹⁷. Принцип деконструкции, предложенный Ж. Дерридой, позволяет выявить в нарративах возможные противоречивые утверждения между логическим и риторическим содержанием текста, а также определить степень взаимосвязи языка и смыслового наполнения¹¹⁸. Деконструкция предполагает смещение фокуса исследователя с «открытого» содержания, передаваемого в тексте, на посредника, которым служит язык, и он же позволяет выявить маловероятные детали и маргиналии, раскрывающие скрытое значение текста, например то, что скрыто метафорически. Рассматривая деконструкцию в широком смысле, ее можно ассоциировать с критической формой переосмысления различных типов канонов, таких как, например, литературные, философские, исторические и т. д.

В связи с междисциплинарным характером исследования его терминологический словарь включает в себя целый ряд категорий, требующих предварительного пояснения:

Природа, природные пространства — обозначение противоположной человеку и находящейся вне его воздействия естественной среды и ее элементов: почв, рек, лесов, гор и населяющих их животных. В своем первоначальном виде природа находится вне человеческой истории, но при попадании под антропогенное воздействие она интегрируется в нее и превращается тем самым в окружающую среду. В первоисточниках природа конструируется через категории девственности, нетронутости, дикости, противопоставляется разрушительному человеческому влиянию и представляется в качестве жертвы войны.

Антропогенные пространства, экосистемы, окружающая среда — бывшая естественная среда и ее элементы, попавшие под воздействием человека, его технологий и хозяйственных практик. Данные пространства и

¹¹⁷Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2000. № 3. С. 29–42.

¹¹⁸ Derrida J. Of Grammatology Editions de Minuit. Paris, 1967.

среды характеризуются высокой динамикой развития и изменчивостью в зависимости от плотности человеческого воздействия. И если окружающая среда и экосистемы подразумевают присутствие человека в природе как одной из его естественных составляющих, то понятие антропогенных пространств присваивает человеку роль демиурга, полностью меняющего логику их функционирования, включая геологическое строение и биоразнообразие, тем более под воздействием военных технологий.

Военизированные ландшафты — физический и феноменологический конструкт местности в условиях войны, лишаящий ее природной составляющей и мирного характера антропологических пространств через увеличение плотности разрушительного воздействия человека. Развитие военных технологий обуславливает устойчивость военизированных ландшафтов даже после окончания вооруженного противостояния, порождает дискуссии о необходимости разбора укреплений, очищения от отходов вооружения и человеческих останков, духовной демилитаризации. В свою очередь новизна и глубина связанных с конкретной местностью потрясений отражается в непосредственных вербальных и визуальных нарративах, а также в длительной меморизации военизированного ландшафта.

Ментальные карты — инструмент мыслительного конструирования пространства, используемый авторами публицистической литературы, включенными наблюдателями и комбатантами в целях присвоения чуждых территорий. Содержание ментальных карт определялось комплексом пропагандистских клише и устойчивых стереотипов, способствующих отделению безопасного и враждебного пространства.

Дискурс — рамки высказываний, основные правила говорения о явлениях окружающего мира, влияющие на усвоение переживаний и их превращение в структуры опыта. Дискурс относится к институционально закреплённому разделению знания (например, медицинский, военный, судебный, экономический, научный), и одновременно этим термином

обозначаются социальные практики, которые формируют объекты, концепты и стратегии.

Нарративы — вербальные и невербальные (визуальные) повествования участников событий, значимой частью которых выступает представления о радикальной трансформации природных и антропогенных ландшафтов под влиянием военных действий. Выделение визуальных нарративов в группе невербальных повествований позволяет отграничить их от телесных и эмоциональных практик комбатантов.

Мы выделяем три группы авторов нарративов в зависимости от формы и степени их присутствия на линии фронта и вовлечения в конструирование военизированных ландшафтов. Первой группой выступают опосредованные наблюдатели (военные пропагандисты), конструировавшие военизированные ландшафты Галиции издали и совершавшие в своих пропагандистских брошюрах воображаемые путешествия по оккупированным пространствам без их физического посещения в годы войны. Во вторую группу выделены непосредственные наблюдатели — военные корреспонденты, побывавшие на линии фронта и зафиксировавшие свои переживания военизированных ландшафтов в текстах и фотографиях. Третью группу авторов составили непосредственные участники войны — комбатанты (в основном офицеры) и военные медики, вовлеченные в сражения на Юго-Западном фронте и оккупацию Галиции. Высокий образовательный статус и наличие портативных фотокамер создавали особые условия восприятия, вербального и визуального конструирования военизированных ландшафтов из ситуации экзистенциальной угрозы.

Фотографическая ситуация — совокупность обстоятельств и условий, определяющих возможности создания и циркуляции фотографического изображения. Разнообразие фотографических ситуаций зависит от уровня технического развития общества, популярности фотографического дела, распространения фотокамер и техники для проявления снимков. Определяющими характеристиками фотографической ситуации являются

цель создания снимка, место и участники съемки, фиксируемое событие или пространство, запечатляемый сюжет.

Среди методов, использованных в исследовании, отметим следующие:

— традиционные методы выявления и отбора опубликованных и неопубликованных материалов (методы архиво- и источниковедения, археографического описания, систематизации и классификации, историографического анализа), обеспечивающие формирование репрезентативного корпуса источников и адекватное видение исследовательского ландшафта;

— институциональный и системный анализ, выступающий исследовательскими рамками описания формирования и трансформации политических, административных, военных институтов, учреждений по контролю за снабжением и санитарно-эпидемиологическим состоянием территории;

— сравнительный анализ, предполагающий различение общего и особенного в развитии процессов и явлений, специфику их синхронного и диахронного измерений, центрального и локального уровней;

— дискурсивный анализ, позволяющий плодотворно изучить восприятие и толкование смысла событий, а также влияние интерпретационных моделей на институциональные и социальные практики;

— контент- и инвент-анализ, выступающие основополагающим методом работы с текстовыми источниками для выявления семантических структур массива сходных текстов, их смыслового и символического означивания индивидами и сообществами;

— визуальный анализ, предполагающий перенос приемов атрибуции и интерпретации текстов на фотографические образы, включая практики создания и коммуникации созданных изображений.

Источниковую базу исследования составил широкий круг документов, значительная часть из которых либо впервые вводится в научный оборот, либо впервые используется под углом зрения, заданным целью и

задачами ретроспективного исследования. Среди таких документов следует выделить документы, хранящиеся в архивах, музеях и библиотеках Российской Федерации: Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве кинофотодокументов, Российском государственном военно-историческом архиве, Российской национальной библиотеке, Российской государственной библиотеке, Архиве Военно-медицинского музея. Значительный объем использованных нами визуальных источников включен в фонды Российского государственного архива кинофотодокументов в виде тематических альбомов (например, «Виды Галиции, разрушений, причиненных войной») или отдельных фотоснимков в тематических рубриках «Первая мировая война» и «Галицийская битва».

Масштабные процессы цифровизации документального наследия в последнее время значительно расширили доступ исследователей к текстовым и визуальным источникам. Электронные архивы и базы данных, в частности портал «Герои Великой войны 1914–1918 годов»¹¹⁹, предоставляют широкому кругу исследователей и читателей доступ к визуальным образам архивных документов из фондов государственных и ведомственных архивохранилищ. При изучении визуальных источников, важную роль играет онлайн-архив Мультимедиа Арт Музея «История России в фотографиях»¹²⁰. Кроме того, оцифрован целый комплекс полковых фотоальбомов частей, сражавшихся в годы Первой мировой войны на территории Галиции, находящихся в частных коллекциях¹²¹.

Следует, однако, отметить, что зачастую публикации документов и документальные онлайн-базы не сопровождаются научно-справочным аппаратом, аналитическим введением и тем самым не включены в

¹¹⁹ Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов. URL: <https://gwar.mil.ru/about/> (дата обращения: 10.02.2024).

¹²⁰ «История России в фотографиях». URL: <https://russiainphoto.ru/?ysclid=lwqptta85e258426721> (дата обращения: 10.01.2024).

¹²¹ Архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/> (дата обращения: 10.01.2024).

исследовательскую рефлексия. Оценка их эвристического потенциала в рамках поставленных перед данной работой аналитических задач еще раз подчеркивают ее новизну.

Несмотря на то, что в последние годы традиционная видовая классификация источников претерпевает серьезные трансформации¹²², опираясь на нее, можно выделить следующие группы использованных в работе документальных свидетельств: нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, материалы периодической печати, публицистика, источники личного происхождения и фотодокументы. Их ценность, их эвристический потенциал различны, что позволяет исходя из их важности для решения задач исследования каталогизировать их в следующей последовательности, отчасти обусловленной еще и логикой диссертации:

Источники личного происхождения. Будучи базовыми для работы, они относятся к тем самым источникам, без которых восприятие военизированных ландшафтов участниками войны на Юго-Западном фронте Первой мировой войны реконструировать невозможно. К данной группе относятся *письма, дневники и мемуары*, отражающие весь спектр практик нарративизации военного опыта сквозь призму конструирования ландшафтов. Значительный массив таких документов был опубликован к 100-летию юбилею Первой мировой войны и «по его следам» как отдельными изданиями, так и в рамках тематических сборников¹²³.

Выявленная предшествующими исследованиями зависимость восприятия военизированных ландшафтов от статуса участника войны и возложенных на него функций¹²⁴ обусловила широту представленного в

¹²² Юмашева Ю.Ю. Источниковедение информационной эпохи: монография М., 2024.

¹²³ См., напр.: *Гончаренко О.Г.* Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев. М., 2014; *Письма с великой войны из шкафа старого москвича / сост. и авт. коммент. А.В. Свиридов.* М., 2014; *Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова.* М., 2019; *Письма с войны 1914–1917 / сост., коммент. и вступ. статья А.Б. Асташова и П.А. Симмонса.* М., 2015; *мн. др.*

¹²⁴ *XX век: Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. статья, ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подготовка документов.* М., 2016.

работе авторского спектра: от боевых офицеров пехоты и кавалерии¹²⁵ до механика самолета¹²⁶, офицера-артиллериста¹²⁷, казачьего офицера¹²⁸. Обращение к свидетельствам корпусных врачей¹²⁹ и медсестер¹³⁰, в свою очередь, позволило не только выявить особенности профессионального восприятия медиками военизированных ландшафтов, но и поставить вопрос об их специфическом гендерном восприятии. Всего проанализировано 29 источников личного происхождения, включая нарративы комбатантов и медицинского персонала.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что эти документы отличает одна важная особенность. Низкая степень грамотности нижних чинов Русской императорской армии и утрата многих документов в последовавших за Первой мировой войной событиях революции и Гражданской войны обусловили преобладание среди интересующих нас самосвидетельств перспективы

¹²⁵ Напр.: *Анисимов М.* Дневник // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479464> (дата обращения: 14.10.2023); *Белов В.М.* Лицо войны: Записки офицера. Пг., 1915; Дневник *И.В. Карпова* // Открытый архив Сибирского Отделения Российской академии наук. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003 (дата обращения: 06.12.2023); *Ильин И.С.* Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016; *Морозов О.В.* Личный фронтовой дневник Л.С. Братановича. 1914–1915 годы. // Baltfort: Балтийский военно-исторический журнал. 2018. № 1(34). С. 65–72; и др.

¹²⁶ Письма *Огнева И.Н.* Николаю Васильевичу и Татьяне Ивановне *Огневых*, 1916–1917 гг. // Российская национальная библиотека. Ф. 1139. Д. 340.

¹²⁷ *Стенун Ф.* Из писем прапорщика артиллериста. Прага, 1926; «Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина *Е.В. Тумиловича* // Первая мировая: взгляд из окопа / предисл., сост. и коммент. *К.А. Пахалюка*. М.; СПб., 2014. С. 29–136.

¹²⁸ *Саянский Л.В.* Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера // Великая война. 1914 г.: Сборник историко-литературных произведений / сост. *Р.Г. Гагкуев*. М., 2014.

¹²⁹ Воспоминания зауряд-врача *И.А. Арямова* о Первой мировой войне. 1914–1915 гг. // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 89–103; *Гар Е.Г.* Дневник 1914–1918 // «Темный лес». URL: <https://goo.su/zwUXED> (дата обращения: 10.02.2024); *Краузе Ф.* Письма с Первой мировой / отв. ред. *Л.А. Булгакова*. СПб., 2013; *Кравков В.П.* Великая война без ретуши: записки корпусного врача. М., 2014; *Ткачёв Т.Я.* Нет конца безумию, нет границы бедствию... Полевой дневник военного врача. 1914–1916 гг. Воронеж, 2014; и др.

¹³⁰ Дневник *Ю. Буторовой* // Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф. 63. Оп. 1. Д. 2–5; *Варнек Т.А.* Воспоминания сестры милосердия (1912–1922) // Добровольцы: Сборник воспоминаний / под ред. *Н.Д. Солженицыной*. М., 2001. С. 6–170; *Захарова Л.* Дневник сестры милосердия: На передовых позициях. Пг., 1915; *Фармборо Ф.* Первая мировая война: дневники с фронта. М., 2014; *Farmborough F.* Russian Album 1908–1918. Wilton, 1979; и др.

офицеров, вольноопределяющихся и военных врачей. Свидетельства солдат, привлеченные к исследованию, в связи с этим не представляют собой репрезентативной выборки, необходимой для значимых выводов по данной социальной группе. Тем не менее, солдатские документы могут быть использованы как материал для сравнения и экстраполяции при работе с офицерскими документами¹³¹.

При анализе писем и дневников учитывалась коммуникативная ситуация, реальный или воображаемый адресат, влияние этих факторов на восприятие окружающих пространств. Внимание к языковым формам и эмоциональному окрашиванию позволило сделать важные предположения о роли природы в переработке военных переживаний. В свою очередь, единичное обращение к мемуарам¹³² позволило поставить вопрос об устойчивости характеристик военизированных ландшафтов Галиции в индивидуальных вербальных нарративах. Тем не менее при их анализе учитывались механизмы работы коммуникативной памяти и ее зависимость от смены господствующих дискурсов.

Публицистика. Ее важность для исследования определяется тем, что конструирование образа Галиции как потенциального театра военных действий у читающей публики Российской империи началось задолго до Первой мировой войны. Этот процесс получил институциональное оформление еще в 1902 г., когда было основано Галицко-русское благотворительное общество. Одним из направлений его работы был выпуск публицистических материалов национально-консервативного содержания, направленных на пропаганду целей войны против Австро-Венгрии¹³³. К авторству в пропагандистских брошюрах Галицко-русского общества и

¹³¹ Рассказы солдат и унтер-офицеров царской армии о боевых эпизодах во время 1-й мировой войны 1914–1915 годов // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 605.

¹³² *Мартышевский Я.Е.* По скорбному пути. Воспоминания. 1914–1918. М., 2016; *Торнау С.А.* С родным полком (1914–1917 гг.). Берлин, 1923; *Экк Э.В.* От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе, 1868–1918. М., 2014; и др.

¹³³ *Бахтурина А.Ю.* Галицко-русское благотворительное общество и галицкие «москвофилы» в начале XX в.

других подобных организаций, заполонивших книжный рынок России в 1914–1915 гг., привлекались как их активисты, так и ведущие ученые в области географии, этнографии, биологии и т.д.¹³⁴. Анализ данных источников позволяет выявить влияние естественно-географической аргументации целей войны в пропаганде на «горизонт ожиданий» участников военных действий, реконструировать воображаемые путешествия по Галиции, которые авторы совершали вместе со своими читателями в тылу.

Материалы периодической печати. Помимо публицистических материалов жители Российской империи получали информацию о положении дел на Юго-Западном фронте через периодические издания. Крупные газеты и журналы, например, «Биржевые ведомости», «Речь», «Русское слово», и «Русские ведомости» направляли на фронт своих корреспондентов. Помимо публикации заметок о положении на фронтах на страницах периодической печати, впоследствии эти тексты выходили в свет отдельными изданиями. К подобным материалам относятся описания военных путешествий по линиям фронта, в том числе по оккупированной русскими войсками Галиции, корреспондентов А.Н. Толстого¹³⁵, А.С. Панкратова¹³⁶, опубликованные в период Первой мировой войны, и дневники М.М. Пришвина¹³⁷, созданные в ходе конфликта и изданные после его окончания. Анализ данных произведений позволяет выявить, с одной стороны, стратегии описания опыта непосредственного пребывания в военизированных ландшафтах, с другой — проследить трансформацию канонов цензуры в материалах пропаганды предвоенного и военного периодов.

¹³⁴ См., напр.: Бурчак Л.И. Галиция, ее прошлое и настоящее. М., 1914; Вергун Д.Н. Что такое Галиция? Пг., 1915; Дружковский В. Современная Галиция. Екатеринослав, 1914; Танфильев Г.И. Галиция и Буковина: Географический очерк. Одесса, 1915; Уланов В.Я. Галиция в ее прошлом и настоящем. М., 1914; Ястребов Н.В. Галиция накануне Великой войны 1914 года: С карт. Галиции и Буковины с Угор. Русью. Пг., 1915.

¹³⁵ Толстой А.Н. В Англии, на Кавказе, по Волыни и Галиции. М., 1916.

¹³⁶ Панкратов А.С. Кровавое зарево. Ярославль, 1915.

¹³⁷ Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. М., 1991.

Особой источниковой подгруппой выступили публикации в профессиональных медицинских журналах и газетах. В период Первой мировой войны особой популярностью не только в медицинской среде, но и у широкой публики, вовлеченной в благотворительную деятельность, пользовался ежемесячный журнал «Вестник Красного креста». Помимо освещения активности общественных организаций на фронте и в тылу, в этом издании публиковались статистические обзоры, экспертные статьи медицинского и санитарного характера, описывались эпидемиологические угрозы и потенциальные средства борьбы с ними.

Еженедельный журнал «Врачебная газета» был рассчитан на медицинскую общественность, публиковал материалы по актуальным вопросам клинической и экспериментальной медицины, а также отчеты видных медицинских деятелей. Среди его авторов был профессор Д.К. Заболотный (1886–1929), назначенный в 1915 г. главным эпидемиологом русской армии и занимавшийся организацией санитарно-гигиенической службы в Галиции.

Ежемесячный журнал «Медицинское обозрение» в период Первой мировой войны освещал специфику медицинской деятельности в условиях боевых действий, вопросы санитарного и эпидемиологического обеспечения армии и военной администрации, в том числе в оккупированной Галиции.

Данная группа источников позволяет описать рамки санитарно-эпидемиологических дискурсов, определявших как горизонт ожиданий, так и осмысление реально происходившего в индивидуальных нарративах русских военных медиков.

Фотодокументы. Для анализа специфики визуальной нарративизации военизированных ландшафтов Галиции, а также особенностей дальнейшего бытования визуальных образов в социальной коммуникации был привлечен обширный корпус фотографий. Значительная часть снимков, составляющих хранящиеся в РГАКФД альбомы, демонстрирует многообразие военизированных ландшафтов Галиции: естественные, сельские, городские

пространства, либо пострадавшие от войны, либо находившиеся в прифронтовой зоне и подчиненные ее целям. В эту же группу входит серия фотоальбомов о боевой и походной жизни Штаба и боевых соединений Юго-Западного фронта. Фотографические альбомы представляются особым источником, требующим исключительно целостного рассмотрения как специфического визуального нарратива. Наибольшим затруднением при работе с названными источниками стало отсутствие текстовых сопроводительных материалов. Атрибуция снимков представлена краткими описаниями кадров, составленными сотрудниками архива. В подавляющем большинстве случаев отсутствуют сведения об авторстве, именах запечатленных лиц, в некоторых случаях нет указания места и даты события. Помимо фотоальбомов, исследовательским потенциалом обладают атрибутированные авторские фотоснимки официальных военных корреспондентов на фронте — А. Буллы, С. Корсакова. В их произведениях отражен период ведения военных действий Галиции, в частности, в Карпатах, виды разрушенных фортов и последствия отступления австрийцев.

Особое значение для исследования имеют частные фотоальбомы, созданные участниками войны по личной инициативе с помощью приватной фототехники. К подобным коллекциям относятся подарочные полковые альбомы, личные фотоальбомы военнослужащих и медицинского персонала, созданные в период дислокации в Галиции. Наиболее важными в данной группе являются фотографии из коллекции П. Сюзева, сохранившиеся в фондах Пермского краеведческого музея и относительно недавно введенные в научный оборот¹³⁸. По сути, они представляют собой своеобразный фототравелог или фотодневник, альтернативный фотоснимкам аккредитованных военных корреспондентов и фотодокументам, включенным в альбомы тех или иных частей и соединений.

¹³⁸ Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания.

Анализ различий между частной и военной фотографией представляется важным для выявления специфики конструирования военизированных ландшафтов включенными наблюдателями военной катастрофы и непосредственными участниками военных действий. Всего в данной категории проанализировано 15 фотоальбомов, включая официальные и частный коллекции.

В работе также использовались *нормативно-правовые акты* Российской империи и Русской императорской армии в период Первой мировой войны, регламентировавшие деятельность пропагандистских институтов, военных корреспондентов¹³⁹, цензурные ограничения личной корреспонденции военнослужащих на театре военных действий, и тем самым характеризующие деятельность органов военной периодической печати и функционирование средств массовой информации в тылу в исследуемый период¹⁴⁰. Данные документы, исходившие от военной и гражданской администрации в центре и на местах (на оккупированных территориях, в отдельных войсковых соединениях), задавали и корректировали рамки представления и восприятия нового военного опыта, трансляции возникавших образов на фронте и в тылу.

Делопроизводственные документы русских военных и гражданских ведомств периода Первой мировой войны, запечатлевшие специфику военных действий на Юго-Западном фронте и оккупационных практик на территории занятой по праву войны австрийской провинции Галиция¹⁴¹. Так, многостраничные отчеты канцелярии генерал-губернатора Г.А. Бобринского, военно-санитарного управления позволяют реконструировать рамки

¹³⁹ Положение о военных корреспондентах в военное время, 1912 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 78–84.

¹⁴⁰ Временное положение о военной цензуре: [Утверждено 20 июля 1914 года]. [Пг., 1914].

¹⁴¹ Отчет о деятельности военно-ветеринарного управления временного военного генерал-губернаторства Галиции в период времени с 15 января по 1 июля 1915 г.; Верховному начальнику санитарной и эвакуационной части в Галиции. Отчет о поездке в Буковину, 10 февраля 1915 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 941. Л. 18.

взаимодействия армий и оккупационной администрации, медицинского и санитарного персонала с природными ресурсами, милитаризованными пространствами, местами расположения русских войск, местного населения и беженцев. На основании данной категории материалов будет описано пространство опыта участников Первой мировой войны, в том числе, переживаний взаимодействия с военизированными ландшафтами.

Выявленный и проанализированный корпус источников представляется вполне достаточным для достижения цели и задач диссертационного исследования. При этом при характеристике его источниковой базы безусловно необходима еще одна оговорка. Она касается широкого использования в работе понятия *эго-документы*. Не тождественные источникам личного происхождения, они включают в себя не только традиционные дневники, письма и мемуары, но и источники так называемого пограничного жанра — травелоги, записки для памяти, репортажи и иную профессионально ориентированную эго-документалистику (здесь — документы, созданные военными корреспондентами и медиками), эго-изодокументы (здесь — частные фотографии) и иные самосвидетельства, в которых в большей или меньшей степени, в зависимости от «жанра», отражается индивидуальное восприятие тех или иных событий¹⁴². Как представляется, апелляция к теории и практике эго-документов облегчает решение задач исследования, позволяя более эффективно отфиксировать общее и особенное в логиках и практиках «проговаривания» военного опыта из разных перспектив — перспективы удаленных наблюдателей, включенных наблюдателей и непосредственных участников вооруженного конфликта.

Научная новизна и теоретическая значимость данного исследования заключаются в выявлении специфики переживания и описания военизированных ландшафтов Галиции и шире Юго-Западного фронта

¹⁴² См. об этом, напр.: Суржикова Н.В. Эго-документы первой половины XX века в историко-литературном контексте: итоги дискуссии // Уральский исторический вестник. 2022. № 4(77). С. 196–198.

различными категориями участников Первой мировой войны: комбатантами, медиками, военными корреспондентами в качестве непосредственных и опосредованных наблюдателей, участников сражений. Через анализ особенностей восприятия маневренного и одновременно высоко технологичного типа войны и его воздействия на окружающую среду на Русском фронте существенно скорректированы господствующие научные и публичные представления об универсальном характере опыта стран Западного фронта. Установлена сложная взаимосвязь между канонами военной пропаганды, социальным и культурным опытом авторов вербальных и визуальных нарративов, плотностью их контактов с конкретными природными средами, фазами развития конфликта в формировании повествовательных стратегий о военизированных ландшафтах Русского фронта. Частотность описания военизированных ландшафтов, средства и приемы их конструирования зависели от непосредственного вовлечения в сами сражения, отсюда четко проявляются разные перспективы опосредованных наблюдателей (военных пропагандистов), непосредственных наблюдателей (военных корреспондентов) и непосредственных участников событий (солдат и офицеров). Выявлено, что взаимодействие с индустриально сконструированными пространствами и максимально милитаризированной природой на фронте явилось существенной частью процессов формирования новой субъективности участников войны, сохранившей свои устойчивые структуры в межвоенный период. При этом выяснено, что антропоморфизация природных сил выполняла для авторов множественные функции: компенсацию утраты мирной жизни, оправдание военных поражений, терапию экзистенциальных потрясений, выстраивания приемлемых форм коммуникации с оставшимися в тылу родственниками. Впервые описаны модели и практики визуализации природных и антропогенных пространств военных действий эпохи модерна в русской военной, репортажной и частной фотографии. При этом выявлена особая роль и исследовательский потенциал фотоальбомов в качестве цельных визуальных нарративов участников Первой

мировой войны. В целях исследования впервые введено в научный оборот значительное количество визуальных источников.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов и выводов исследования при создании обобщающих работ по истории Первой мировой войны, в частности, оккупации Галиции русскими войсками, в преподавании курсов по истории России XX века, а также при разработке специализированных курсов по экологической истории и изучению эго-документов и фотографии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Специфика Юго-Западного фронта Первой мировой войны состояла в сочетании этапов маневренных военных действий с периодами позиционной войны и относительно долгосрочной оккупации пространств Галиции. Природные и антропогенные ландшафты галицийского театра, включавшие многообразие климатических и рельефных зон, превратились в важный стратегический ресурс, подвергалась постоянной трансформации и ремилитаризации при многократных отступлениях и наступлениях австрийских и русских войск, негативному экологическому воздействию в условиях индустриальной войны.

2. Ключевым аргументом пропагандистских материалов, направленных на формирование лояльности населения по отношению к целям войны стало обращение к естественно-географической проблематике, наделение Галиции статусом естественного, биологического и геологического продолжения Российской империи. Максимальное отдаление авторов от происходящего на фронте превратило пропагандистские материалы в путешествия по воображаемым ландшафтам. С другой стороны, именно эти тексты, сопровождавшиеся в том числе фотографическим материалом, сформировали устойчивый горизонт ожиданий не только тыловых читателей, но и участников войны, повлияв на их нарративы и поведенческие практики при оккупации Галиции.

3. Отдельным видом нарративизации военизированных ландшафтов Юго-Западного фронта стали заметки военных корреспондентов, публиковавшиеся в периодической печати или в виде отдельных изданий. Превратившись в непосредственных, но не вовлеченных в сражения наблюдателей, они пытались обойти каноны цензуры изображением гибели природных объектов, животных, разрушением урбанных ландшафтов в целях информирования читателей об особенностях нового типа войны. Тексты корреспондентов, описывавших военизированные ландшафты, в значительной степени повлияли на преодоление паролей военной пропаганды и представлений о бессмысленности ведущейся войны в целом.

4. Приемы восприятия и описания военизированных ландшафтов Юго-Западного фронта комбатантами определялись уровнем образования, культурным багажом, жизненным опытом и воинскими обязанностями автора, а также сложившимся до войны горизонтом ожидания относительно подлежащей интеграции в имперское пространство Галиции. Важным фактором выступала также конкретная фаза войны (наступления, отступления) и зависящая от нее степень насыщения пространств военными технологиями, их отходами и последствиями их разрушительного воздействия на пространства. На этапе успешных военных действий, особенно в повествованиях офицеров и вольноопределяющихся, преобладает нарратив путешественника, восприятие продвижения по военизированным ландшафтам в качестве путешественника и первооткрывателя. Напротив, отступление и политика выжженной земли кардинально поменяла восприятие военизированных ландшафтов и его функции.

4. В индивидуальных нарративах русских комбатантов Великой войны речные, горные, лесные ландшафты конструировались в широком спектре приемов антропоморфизации природных объектов и явлений: от их романтизации до демонизации. Образы ландшафтов выполняли функцию компенсации утраты мирной жизни, бегства от военной реальности, защиты родственников от травмирующей правды о войне. Демонизация ландшафтов

позволяла освободиться от вины за военное поражение, переложив ее на непреодолимые природные силы.

5. Военные медики превратились в особую группу участников боевых сражений, активно конструируя военизированные ландшафты сквозь призму профессиональных дискурсов об эпидемиологической опасности галицийских ландшафтов и колониальных представлений о необходимости культивирования территорий, в том числе в зависимости от этнического состава населения. Нарративы, созданные сестрами милосердия, отличаются ярко выраженной гендерной окраской. Важно, что восприятие галицийских ландшафтов медиками носило устойчивый характер и определило в том числе профессиональные дебаты раннесоветского периода.

6. Фотографическая визуализация пребывания русской армии в Галиции репрезентативна как неисследованный пример стратегий присвоения чуждых пространств, интеграции индивида в военизированный ландшафт, выработки невербальных нарративов о первой индустриальной войне. Демократизация техники фотографии привела к наличию значительного количества портативных камер у офицеров, врачей и медсестер и к созданию альтернативных официальной военной корреспонденции отображений милитаризированных пространств.

7. Визуальный анализ фотографических альбомов как цельного нарратива о войне позволил выявить, что военизированное пространство становилось неизбежным фоном, а часто и центральным объектом подобной фотофиксации. Ландшафты Галиции в фотографиях участников войны превращаются в конструкт, функция, составляющие и коннотация которого зависели от профессиональной (военной) специализации авторов. Милитаризированное пространство воспринимается составителями альбомов, в первую очередь, как среда для осуществления определенного круга служебных полномочий.

Апробация результатов исследования.

Отдельные аспекты диссертации были обсуждены на международных и всероссийских конференциях «От империи к союзу: войны, революции, нации, культура. 1905–1922 г.» (Санкт-Петербург, 2022); «Память и идентичность — V. Травма в исторической памяти» (Москва, 2022); «XXVIII Платоновские чтения» (Самара, 2022); «Embattled nature and war landscapes: the Eastern Front of WWI» (Вена, 2023); «Чтения Ушинского» (Ярославль, 2022, 2024); «Историческая наука и современное образование — пространство диалога и сотрудничества» (Новосибирск, 2023).

Основные результаты диссертационного исследования отражены в научных работах автора, в том числе в трех изданиях, рекомендованных ВАК, два из них входят в RSCI (ядро РИНЦ) и БД Scopus.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложения. Первая глава посвящена описанию характера и степени воздействия военных действий на природные и антропогенные пространства Галиции, пропагандистского конструирования военизированных ландшафтов Юго-Западного фронта, просопографии авторов вербальных и визуальных нарративов о войне в Галиции в статусе опосредованных и включенных наблюдателей, а также участников боевых действий. Во второй главе выявляется специфика восприятия и описания военизированных ландшафтов военными корреспондентами и официальными фотографами на Юго-Западном фронте. В третьей главе исследуются нарративы комбатантов, особенности профессиональных дискурсов медицинского персонала Русской императорской армии при конструировании военизированных ландшафтов в текстах и частных фотографиях.

ГЛАВА 1. Первая мировая война и ее российские участники в природных и антропогенных пространствах Галиции

§ 1. Природные условия Галиции в стратегии и тактике русской армии

Военные операции на Юго-Западном фронте Первой мировой войны предоставляют богатый эвристический материал для изучения влияния смешанной (маневренной и позиционной) войны модерного типа на окружающую среду. В то же время, описание военизированных ландшафтов позволяет глубже интерпретировать индивидуальный и групповой опыт комбатантов, приобретенный в Галиции и перенесенный позже на другие контексты войны и межвоенного периода. Подвижные линии фронта охватывали на данной территории ключевые природные зоны: леса, равнины, реки, горы. В каждой из них подготовка и ведение боевых действий требовали адаптации пространств к новой экстремальной ситуации путем разрушительного воздействия артиллерии и саперов, возведения укреплений и мостов, прокладки железных дорог. При этом, как отмечают О. Нагорная и Я. Голубинов, война разворачивалась одновременно в нескольких измерениях, подчиняя собственной логике не только естественную среду, но и антропогенные пространства: остатки населенных пунктов, сельскохозяйственные территории, инфраструктуру¹⁴³. Данный тип взаимодействия человека и природы, приобретший из-за динамики наступлений и отступлений армий явно выраженный возвратный характер, представляет собой явный контраст со спецификой Западного фронта и других конфликтных зон Первой мировой войны на суше и на море.

Противостояние между австро-венгерскими (впоследствии к ним добавились немецкие соединения) и русскими войсками развернулось в основном на юго-западной приграничной территории Российской империи и

¹⁴³ *Iaroslav A. Golubinov and Oksana S. Nagornaia. Embattled Nature: Men and Landscapes on the Eastern Front of the First World War // Science, Technology, Environment, and Medicine in Russia's Great War and Revolution, 1914–22 / Anthony J. Heywood, Scott W. Palmer and Julia A. Lajus, eds. Bloomington, 2022. P. 333–351.*

территории австрийской коронной земли Галиция от Карпатского хребта к северу и северо-востоку до р. Вепржа, Влодавских болот и Полесья, и до р. Днепра к востоку. Как подчеркивали советские военные специалисты в межвоенный период, «Галиция была оборудована как базис для сосредоточения австрийских армий при войне с Россией. Еще в мирное время были заложены склады снабжения, которые располагались, начиная от Ржешова и далее к востоку»¹⁴⁴. То есть еще до официального объявления войны и начала сражений пространство австрийской коронной земли подверглось предварительной милитаризации.

Радикально отличавшийся от предшествующих конфликтов опыт пространственного охвата и плотности милитаризации ландшафтов отражается в цифрах военной статистики. Первоначально военные действия на юго-западе охватили подвижную линию фронта длиной в 320 километров¹⁴⁵. Эта величина поражала современников событий, оценивавших новые измерения войны в сравнении с предшествующими конфликтами: «Весь фронт достиг 300 верст, а количество сражающихся до миллиона солдат. Знаменитый Бородинский бой был растянут только на 7,5 верст, а несчастный для нас Мукденский бой — только на 100 верст»¹⁴⁶. Постепенное становление фронтальной инфраструктуры: железных дорог и станций, линий окопов, лазаретов — растянуло пространство фронта в глубину на 615 километров¹⁴⁷. Лэниер-Грэхам подчеркивает, что Первая мировая война стала поворотным моментом в развитии современных войн в том числе из-за технологий транспортировки, позволявших перебрасывать многотысячные людские массы и технику на значительные расстояния¹⁴⁸. Так, только за время

¹⁴⁴ Белой А.С. Галицийская битва. М., 1929. С. 39.

¹⁴⁵ Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг.: в 2-х т. М., 1938. Т. 1. С. 119.

¹⁴⁶ Разгром австрийской армии и взятие Львова в Галиции. М., 1914. С. 20.

¹⁴⁷ *Подсчитано по:* Справка дежурного генерала, 7 октября 1917 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 142, 185; Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах. М., 1925. С. 4, 22, 23.

¹⁴⁸ Lanier-Graham S. The Ecology of War. Environmental impact of Weaponry and Warfare. N.Y., 1993. P. 18–21.

Галицийской битвы 1914 г. войска Юго-Западного фронта продвинулись на 280–300 километров (со средним темпом 8–9 километров в день), не считая обеспечительных тыловых перевозок вдоль линии фронта и между фронтом и тылом. Сравнимые по охвату перемещения армий трех стран произошли уже летом 1915 г. в ходе Горлицкой операции и «великого отступления 1915 г.» русской армии (Д. Санборн), а также в ходе т.н. Брусиловского прорыва летом 1916 г.

Плотность мобилизованных на этой территории человеческих масс также превосходила масштабы предшествующего опыта. С обеих сторон в операции приняли участие 8 армий: 4 русских и 4 австро-венгерских. Зайончковский приводит следующие данные по соотношению сил к началу битвы: 36,5 русских пехотных и 12,5 кавалерийских дивизий, т.е. всего более 600 тыс. человек и 2099 орудий; 35,5 австро-венгерских пехотных и 11 кавалерийских дивизий, всего около 850 тыс. человек и 1728 орудий¹⁴⁹. Несколько превосходящие относительно русских армий Юго-Западного фронта данные представляет Нелипович: 785521 человек пехоты, 78582 человека конницы, 1756 пулеметов, 2841 орудие, 209 самолетов; австро-венгерские армии в свою очередь составляли 723184 человека пехоты, 65804 — конницы, а также 1234 пулеметов, 3107 орудия и 48 самолетов¹⁵⁰. Количественные показатели расходятся, однако, очевидные разночтения в подсчетах не ставят под вопрос тезис о колоссальном скоплении человеческих, животных и технических ресурсов на ограниченной территории. Кроме того, в кратчайшие сроки в процессы флуктуации на данном пространстве были вовлечены многотысячные группы военнопленных и беженцев.

¹⁴⁹ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. URL: <http://militera.lib.ru/h/zayonchkovsky1/index.html?ysclid=lxm5хоуm7u888871430> (дата обращения: 01.03.2024)

¹⁵⁰ Нелипович С.Г. Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе–октябре 1914 г. М., 2021; *Он же*. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1915. М., 2022. С. 36.

При оценке рельефа данной территории советские военные специалисты обращали внимание на наличие двух важнейших водных линий по течению рек Сан и Днестр, а также на влияние относительно небольших возвышенностей: «Северо-восточная равнинная часть в районе Львова и Городка имеет группу холмов высотой до 350 метров, являющихся главным водоразделом этого района, от которых расходятся следующие хребты: 1) в восточном направлении тянется гряда холмов на Злочев; высота 400 метров Северные и северо-восточные склоны этих холмов круты и обрывисты, рассечены балками и оврагами; 2) на северо-запад тянется гряда холмов к Томашеву; средняя ширина ее до 20 километров, высота до 320 метров Северо-восточные склоны круты и изрезаны массой долин и оврагов; 3) в западном направлении от Городка тянется плоская возвышенность до Перемышля, причем холмы по мере удаления к западу, постепенно понижаясь, переходят в долину р. Сана. Западнее р. Сана простирается равнина западной Галиции»¹⁵¹. Разнородная и пересеченная местность определяла военный опыт не только комбатантов, но и медиков, гидрологов, геологов и дорожных инженеров, которым предстояло приспособить данное пространство к условиям войны, в том числе дезинцифировать его.

Одной из важнейших особенностей галицийского ландшафта выступило обилие водных ресурсов, рек и озер, которые использовались обеими сторонами как оборонительные линии и естественные препятствия. По берегам крупнейших рек располагались стратегически важные объекты: крепость Перемышль и укрепления у Ярослава и Сенявы на р. Сан, укрепления у Галича на берегу р. Днестр. Соответственно пересечение водных массивов, включенных в линии укреплений, представляло собой сложную задачу как для отступающих, так и для наступающих соединений. Реки служили не только ориентиром в боевых действиях, но и естественной преградой в условиях отсутствия организованной переправы или ее своевременного уничтожения.

¹⁵¹ Белой А.С. Указ. соч. С. 32.

Усилия армий корректировались в зависимости от времени года, погодных особенностей, разливов рек и ледостава. Повторяющиеся подрывы коммуникаций и их восстановление обеими сторонами стали одним из важных признаков перманентной работы над военизированными ландшафтами. Она требовала большого количества природного материала (камня, дерева, земли), добыча которого на месте трансформировала облик естественной среды.

Исключительной для Восточного фронта в целом природной зоной были Карпатские горы, отделявшие Галицию от других регионов Австро-Венгрии. Основная часть хребта — Восточные Бескиды — достигала шириной от 70 до 100 километров при средней высоте гор до 900–1000 метров. Средняя высота восточной части хребта, Лесистых Карпат, постепенно повышалась и местами достигала 1600 метров. Ширина многочисленных параллельных горных цепей на северных склонах достигала 30–50 километров, на южных — 40–60 километров. Стоит отметить, что район Карпат обладал относительно слабой дорожной инфраструктурой (7 железнодорожных линий, 18 шоссе и 22 колесных дорог¹⁵²), что осложняло разворачивание и передвижение армий. Важным фактором для ведения боев выступала плотность лесных массивов, затруднявших видимость для пехоты, конницы и артиллерии. Низкие температуры на высоте (а позже и глубокий снег), минимум проходимых перевалов превращали переход через Карпаты в невыполнимую задачу, что отразилось впоследствии в метафоричном наименовании горного хребта «могилой русской армии»¹⁵³.

Вторжение войск Российской империи на территорию Галиции началось 5 августа 1914 г. Активное продвижение армий вглубь австрийской местности позволяет охарактеризовать данный период как маневренную войну, что значительно повлияло на природные ландшафты Галиции. Русские

¹⁵² *Тунсталл Г.А.* Зимняя кампания в Карпатах в 1915 г.: Прелюдия к решающей победе Центральных держав при Горлице–Тарнове // Из истории Карпатской операции: Сборник документов / сост. И.В. Карпеев, С.Г. Нелипович, С.А. Харитонов, О.В. Чистяков. М., 2016. С. 449–458.

¹⁵³ *Нелипович С.Г.* Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. С. 232.

войска стремились остановить наступление противника в районе Люблина, такую же цель преследовала Австро-Венгрия в отношении русских войск в направлении Львова¹⁵⁴. Реализация данных целей способствовала постепенному расширению милитаризованной территории в рамках Люблин-Холмской (13–21 августа) и Галич-Львовской операций (26 августа — 3 сентября), умножению векторов передвижения крупных воинских подразделений обеих сторон. Как отмечает Нелипович, Люблин-Холмская операция «...привела к продвижению двух армий противника на север и к отходу русских войск»¹⁵⁵, что способствовало усилению технизированного военного воздействия на природное пространство Галиции. Стремление австрийского верховного командования удерживать Львов как политический центр провинции воплощалось в постоянном разрушении и восстановлении инфраструктуры — укреплений, мостов, дорог. Например, после отступления австро-венгерской армии долговременные укрепления в городе и в окрестностях Галича были взорваны¹⁵⁶.

Ход большинства сражений в рамках Галицийской битвы в равной степени определялся тактическими действиями сторон и рельефно-пространственными характеристиками. К примеру, условиями рельефа осложнялось продвижение 4-й русской армии к р. Сан для овладения участком от устья до Лежайска. Пересеченная местность, покрытая песчаными холмами, болотистыми долинами рек, самими водными пространствами, затрудняла развертывание многочисленных воинских соединений. В межвоенных публикациях, анализировавших боевые действия в Галиции, именно особенности ландшафта объявлялись ключевым объектом поражения в отдельных сражениях и в операциях Юго-Западного фронта в целом¹⁵⁷.

¹⁵⁴ *Нелипович С.Г.* Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе–октябре 1914 г. С. 42.

¹⁵⁵ Там же. С. 48.

¹⁵⁶ *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 159.

¹⁵⁷ *Белой А.С.* Указ. соч.

Форсирование р. Сан осенью 1914 г. (как и ее обратный переход в 1915 г.) превратилось для русских армий в сложную задачу в том числе из-за отсутствия специализированных знаний (климатических обзоров, гидрологических карт) в отношении занимаемых территорий. В. Прямыцын утверждает, что именно этими факторами объяснялась высокая статистика людских потерь на Юго-Западном фронте русской армии в начальный период войны¹⁵⁸. Как свидетельствует А. Белой, напор воды на Сане в начале сентября 1914 г. был неожиданен и силен настолько, что снес мосты, использовавшиеся для переправы войск и военной техники¹⁵⁹.

Осада русскими армиями Перемышля, крупнейшей и мощнейшей австрийской крепости на территории Галиции, привела к возникновению особого вида милитаризованного пространства, трансформированного с помощью усиленной фортификации и осадной артиллерии¹⁶⁰. Аналитические труды военных и военных историков свидетельствуют, что само австрийское командование считало подготовку крепости к противостоянию с Российской империей слабой. Тем не менее, к началу войны двойная линия фортификации Перемышля состояла из наружного пояса в 16 фортов и 26 укреплений, обводом в 45 километров, а также внутренней ограды в 15–17 километров¹⁶¹.

Вторичная милитаризация пространства вокруг и внутри крепости Перемышль осуществлялась с самого начала войны. Важное значение крепости как ключевого стратегического объекта на востоке империи мотивировало австро-венгерскую армию осуществлять срочные и интенсивные действия по укреплению оборонительных характеристик Перемышля: «Перед началом осады в крепости были построены новые земляные укрепления, 24 опорных пункта, 200 батарейных позиций, вырыто дополнительно до 50 км окопов, заложены минные поля, установлен 1 млн кв.

¹⁵⁸ *Прямыцын В.* Отечественная гидрометеорология в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1921 гг.). СПб., 2018. С. 92–93.

¹⁵⁹ *Белой А.С.* Указ. соч. С. 329.

¹⁶⁰ *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 278.

¹⁶¹ *Белой А.С.* Указ. соч. С. 36.

метров заграждений из колючей проволоки»¹⁶². Помимо возведения долговременных фортификационных сооружений, производились вырубki леса и уничтожение населенных пунктов перед Перемышлем с целью создания пространства обзора для действий артиллерии¹⁶³. И хотя Нелипович оценивает австрийскую крепостную артиллерию как устаревшую¹⁶⁴, для масштабной деформации окружающего природных пространств ее было вполне достаточно.

Показательной для маневренных военных действий в Галиции стала зависимость первой осады русскими армиями Перемышля от природных условий: именно разлив рек из-за осенних дождей вызвал снятие блокады с города¹⁶⁵. Однако и в ходе второго окружения, влияние ландшафтов оставалось заметным. Переброска под крепость тяжелой осадной артиллерии задерживалась из-за неразвитости дорожной инфраструктуры. Осаждающим армиям пришлось в условиях карпатской зимы проводить значительные инженерные работы по всему 40-километровому внешнему периметру крепости¹⁶⁶ для налаживания необходимых транспортных соединений. Климатические условия, в которых велись военные действия, во многом определяли действия обеих армий: «Чрезвычайно тяжелая погодная обстановка: температура доходила до минус 23 градусов по Цельсию, а глубина снега достигала метра»¹⁶⁷.

К марту 1915 г., когда тяжелые осадные орудия русской артиллерии наконец ударили по городу и обстановка в самой крепости стала безнадежной, защитники Перемышля избрали тактику максимального расстреливания

¹⁶² Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. М., 2014. С. 73.

¹⁶³ Borodziej W., Gorny M. Der vergessene Weltkrieg Europas Osten 1912–1923. В. 1. Imperien 1912–1916. Darmstadt, 2018. P. 112.

¹⁶⁴ Нелипович С.Г. Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе–октябре 1914 г. С. 87.

¹⁶⁵ Там же. С. 68.

¹⁶⁶ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. С. 73.

¹⁶⁷ Там же. С. 74.

собственных огневых запасов в направлении окружающей территории. В письме Н.В. Рузскому генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов писал: «Из Перемышля гарнизон ежедневно тысячами расстреливает бессмысленно снаряды, не причиняя нам потерь и не решаясь больше на вылазки; впечатление таково, как будто противник стремится поскорее расстрелять свои снаряды. Это предположение согласуется с известиями о наступивших затруднениях по продовольствованию гарнизона»¹⁶⁸. По сути, австрийские военные уничтожали боезапас, чтобы он не достался противнику, используя в день до тысячи снарядов крупного калибра и обеспечивая интенсивную бомбтурбацию почвы вокруг крепости. 22 марта в пять часов утра уже в самом Перемышле начались взрывы фортов, мостов и складов. К этому времени большая часть артиллерии была испорчена, перебиты тысячи лошадей, железнодорожный и шоссейные мосты и долговременные укрепления взорваны, деревянные и земляные — подожжены. «Вокруг Перемышля, — отмечал очевидец, — как вулканы, дымятся взорванные форты. В южном и западном секторах царит непрерывный грохот, и то и дело поднимаются к небу густые клубы огня. Это, как объясняют австрийские офицеры, еще кое-где взрываются склады боевых припасов»¹⁶⁹.

Вошедшие в город русские армии скрупулезно документировали с помощью фотокамер деформацию пространства: покореженную тяжелую артиллерию, разбитые форты многометровой толщины, выровненные с землей выносные укрепления¹⁷⁰. Свидетели событий стремились зафиксировать поражавшие их воображение возможности новой разрушительной техники. Для современных ученых оценка ущерба, нанесенного антропогенным

¹⁶⁸ Цит. по: *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1915 год. Апогей. С. 74.

¹⁶⁹ Цит. по: Там же. С. 75.

¹⁷⁰ Взятие русскими войсками крепости Перемышль. Вид форта № 10 крепости Перемышль, разрушенного в результате боев, [Перемышль, б/д] // РГАКФД. Ал. 129. Сн. 118; Вид взорванного моста через р. Сан, [Галиция, б/д] // РГАКФД. Ал. 129. Сн. 107; Взятие русскими войсками крепости Перемышль. Вид форта № 4 крепости Перемышль, разрушенного в результате боев, [Перемышль, б/д] // РГАКФД. Ал. 129. Сн. 117.

пространствам, позволяет перенести тот же масштаб разрушений и на окружающую крепость природу, даже если это воздействие не было зафиксировано на камеру.

Особенности Карпатской операции и горной войны русской и австро-венгерской армий определялись совокупностью влияния температуры, условий почвы и труднопроходимой местности в целом¹⁷¹. Петер Конья и Анджей Бонусяк отмечают, что обе противоборствующие армии стали заложниками горного рельефа, т.к. и снабжение австрийской армии, и прорыв русской армии могли осуществляться только через пять перевалов, часть из которых в зимних условиях закрывалась для прохода снеговыми заносами¹⁷². Не только современники, но и современные исследователи подчеркивают губительность решения командующих о ведении войны в горах в зимних условиях. Так, Санборн и Тунсталл автора возводят Карпатскую операцию в статус роковой ошибки (соответственно) австрийского и русского командования. Они связывают Карпатскую операцию не только с высокими людскими жертвами, но и с ослаблением обеих армий в целом, и больше того, с окончательным крахом многонациональных империй¹⁷³. По данным Тунсталла, потери австрийских армий только за первые две недели горной войны доходили до 75 %, большая часть людей при этом погибала в результате тяжелого обморожения и иного воздействия неблагоприятных природных условий¹⁷⁴. Нелипович оценивает потери армий двух сторон в Карпатах в 206 тыс. человек¹⁷⁵, причем, за пределами любой статистики остается огромное количество погибших лошадей и утраченной техники.

Переписка русского военного командования свидетельствует об уплотненном воздействии артиллерии на конкретный участок укреплений

¹⁷¹ *Оськин М.В.* Штурм Карпат. Зима 1915 года. М., 2007. С. 13.

¹⁷² *Kónya P., Bonusiak A.* Prvá svetová vojna v Karpatoch = Pierwsza wojna światowa w Karpatach. Prešov, 2020. S. 63.

¹⁷³ *Санборн Д.* Великая война и деколонизация Российской империи. СПб., 2021. С. 56.

¹⁷⁴ *Тунсталл Г.А.* Указ. соч. С. 458.

¹⁷⁵ *Нелипович С.Г.* Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. С. 232.

противника, что провоцировало значительную трансформацию почв и повреждение лесных массивов: «... По донесениям начальников обороны ..., неприятелем выпущено за целый день до 1000 снарядов по обеим высотам их тяжелых, горных и легких орудий ... Бомбами срезана и свалена масса деревьев вблизи окопов»¹⁷⁶. Разрушению подвергались не только возведенные укрепления и растительность, но и сами горные высоты: «Наши окопы и проволочные заграждения на указанных высотах совершенно разрушены ... Высоты 1026 и 910 буквально вспаханы»¹⁷⁷.

Не столько борьба с вооруженным противником, сколько противостояние с суровой природой превратилось в центральное переживание комбатантов в условиях горной войны. И отчетные документы соединений, и источники личного происхождения, полны свидетельств людских страданий: «Путь их лежал по северо-восточным склонам высоты 1151, глубоко изрезанными оврагами, заросшим густым лесом, с массой поваленных и преграждающих путь деревьев. Каждый десяток шагов требовал напряжения всех сил человека и продолжительного отдыха ... Люди этого батальона были измучены до чрезвычайности. ... Мокрые от испарины, задыхающиеся от усталости, карабкаясь на страшные кручи, люди, при всякой остановке, ложились отдохнуть на снег, и требовалось много усилий, чтобы, в предупреждение замерзания, не дать им уснуть. Однако несколько случаев замерзания было. Свирепствовавшая выюга быстро заметала поддавшихся искушению сна, и они были разысканы только на следующий день, уже мертвыми»¹⁷⁸.

После относительно успешных маневренных операций на равнинной территории Галиции русские армии, как офицеры, так и нижние чины,

¹⁷⁶ *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка. Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. С. 217.

¹⁷⁷ Бринкен — Санникову, Ломновскому, Лазареву, Зеленецкому, Занкевичу. Телеграмма, 11 апреля 1915 г. // *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка. С. 242.

¹⁷⁸ Реляция о боях 309-го пехотного Овручского полка, 26–28 февраля 1915 г. // *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка. С. 170.

столкнулись в Карпатах с новым видом военных действий, характеризовавшимся замедленным продвижением или длительным пребыванием на необустроенных горных позициях. Как считает Оськин, «специфику горной войны точно выразил французский военный теоретик Ф. Кюльман: "характерной чертой всякой горной операции является медленность"»¹⁷⁹. Шокирующая новизна военного опыта была усилена иными природными условиями — непреодолимые склоны и скалы, девственные лесные чащи, разреженный воздух, холод и снег в большей степени, чем сопротивление противника определили переживания комбатантов. Совокупность неблагоприятных погодных условий и несогласованности действий русского военного командования при перемещении резервов предоставила австрийцам возможность выиграть время и изменить ход боевых действий в свою пользу¹⁸⁰.

В результате «великого отступления 1915 г.» Российская империя потеряла многие территории, в том числе, была вынуждена отступить из Галиции. Австрийские и немецкие армии успели возвести на территории Юго-Западного фронта оснащенные позиции и линии обороны, укрепления с использованием бетона и бронированных куполов, несколько линий окопов с электризованными проволочными заграждениями¹⁸¹, возведенный милитаризированный ландшафт включал в себя блиндажи, убежища, лисьи норы, десятки рядов колючей проволоки. За линией обороны находились комфортно обустроенные казармы, армия старалась обеспечить себя продовольствием, проводилась обработка земли, организовывались скотобойни, колбасные цеха и коптильни, к позициям подводились узкоколейные дороги¹⁸². В письме от июня 1916 г. русский артиллерист,

¹⁷⁹ Оськин М.В. Штурм Карпат. Зима 1915 года. С. 9.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Луцкий прорыв. М., 1924. С. 106; Базаревский А.Х. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 г. М., 1937. С. 26.

¹⁸² Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015. С. 131.

оказавшись на захваченном у австрийцев участке фронта под Почаевом в Галиции, отметил, что «глазам не верится, что они [австрийцы — *А.Л.*] здесь понаделали» за 10 месяцев: вдоль фронта «выросли целые деревни и местечки», леса «засажены картофелем», «на позиции устроены парники с застекленными крышами»¹⁸³.

В марте 1916 г. на конференции держав Антанты были согласованы действия союзных войск в предстоящей летней кампании. Осуществленная Российской империей наступательная операция 1916 г. на Юго-Западном фронте получила название «Брусиловский прорыв». Главный удар Юго-Западного фронта должна была нанести 8-я армия генерала М.А. Каледина в направлении Луцка, Ковеля и для овладения линией р. Стырь. Вспомогательные удары нацеливались на территорию Галиции, для того чтобы максимально использовать фактор внезапности: 11-й армией — на Броды, 7-й — на Галич, 9-й — на Черновицы и Коломью¹⁸⁴. Как пишет Айрапетов: «Русские силы обладали весьма скромным превосходством над противником — чуть более 600 тыс. против 500 тыс., 40 дивизий пехоты и 15 кавалерии, соответственно, против 38,5 и 11 дивизий, 1770 легких и 168 тяжелых орудий против 1301 легкого и 545 средних и тяжелых орудий»¹⁸⁵. 5 июня 1916 г. прорыв был удачно осуществлен русскими 7, 8 и 9-й армиями. При подготовке к наступлению планировалось применять газовое оружие и бронев автомобили (там, где для этого имелись дороги с прочным покрытием).

В свою очередь, русские армии при подготовке к наступлению активно вели земляные работы, тем самым оказывая прямое воздействие на рельеф территории. Главными особенностями наступления армий Юго-Западного фронта, имевшими максимально разрушительное воздействие на

¹⁸³ Письма с войны 1914–1917 / сост., коммент. и вступ. статья А.Б. Асташова и П.А. Симмонса. М., 2015. С. 433.

¹⁸⁴ *Сабуров Л.Д.* 105 лет с начала «Брусиловского прорыва» 1916 г. Первая мировая война // Мир оружия: история, герои, коллекции: сборник материалов IX Междунар. научно-практ. конф. Тула, 2022. С. 453–462.

¹⁸⁵ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1916 год. Сверхнапряжение. С. 130.

окружающую среду, являлись артиллерийские обстрелы и газовые атаки. Русская армия с целью разрушения блиндажей, пулеметных точек, ходов сообщения противника, использовала беглый огонь, на участке 7-й армии артподготовка велась двое суток и сопровождалась бомбардировкой с воздуха¹⁸⁶, а на участке наступления 9-й армии впервые в русской армии применили отравляющие вещества для подавления вражеских батарей¹⁸⁷. Один из участников прорыва свидетельствовал о состоянии захваченной в ходе наступления австрийской артиллерии: «Ее наблюдательные пункты были сломлены, телефонные провода перебиты, позиции батарей засыпаны всеми видами снарядов, включая химические; пехотные укрепления разворочены, а занимавшие их войска подавлены. Расход патронов был небывалый. Например, II/32 артиллерийский дивизион (2-й дивизион 32-й артиллерийской бригады. — *А.Л.*) израсходовал в течение этого дня около 11 тыс. снарядов¹⁸⁸.

Наиболее укрепленным и подготовленным к обороне пунктом был г. Луцк. Австрийское командование возлагало большие надежды на возведенные бетонные укрепления под этим городом и на успешную оборону. Кроме того, у австрийцев было подготовлено 4 ряда окопов и от 3 до 16 рядов проволочных заграждений. Величина нагрузки на окружающую среду в ходе артподготовок и наступления армии во время Луцкого прорыва 1916 г. на Юго-Западном фронте была значительной, т.к. к этому моменту русские армии сумели преодолеть кризисы материального снабжения: «На каждую сажень атакованной позиции противника приходилось не менее 12 снарядов тяжелой артиллерии»¹⁸⁹. Оценивая наступательные действия 9-й армии того же фронта, А. Х. Базаревский отмечает, что за полдня каждое русское орудие, разрушающее окопы, выпускало 200 бомб или гранат, то есть по укреплениям

¹⁸⁶ *Нелипович С.Г.* «Брусиловский прорыв». Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006. С. 12.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1916 год. Сверхнапряжение. С. 136.

¹⁸⁹ Луцкий прорыв. С. 192.

и по пехоте противника было выпущено более 30 тыс. снарядов¹⁹⁰. В момент накала сражения одной армией ежедневно расходовалось 69 000 легких пушечных снарядов, 12 000 горных, 9700 легких гаубичных, 21 000 тяжелых гаубичных, 8500 тяжелых пушечных, 4500 тяжелых осадных и 2400 тыс. винтовочных и пулеметных патронов¹⁹¹.

Галицийский военный опыт демонстрирует, что военные действия индустриальной эпохи не утрачивают свою зависимость от природных условий и катаклизмов¹⁹². Наиболее яркими примерами являются переходы рек русскими и австрийскими армиями в 1916 г. В ночь на 11 июня австрийцы начали поспешный отход от р. Стырь, вновь за собой массу имущества и прикрываясь сохранившими боеспособность частями, лесные и болотные условия способствовали успеху отхода живой силы. Форсирование галицийских рек приводило к большому количеству жертв. Так, по подсчетам Базаревского, потери 9-й армии уже в период т.н. Брусиловского прорыва с 4 по 23 июня 1916 г. оставались достаточно высокими: из 35 тыс. человек около 5 тыс. погибло при форсировании р. Прут и связанных с ним действиях¹⁹³. При условии полного или частичного разрушения инфраструктуры переправ противником¹⁹⁴ армии оставались один на один с бушующей природой, при этом противостояние не всегда оканчивалось в пользу вооруженного техникой человека. Именно характер местности в условиях летнего наступления 1916 г., по словам Зайончковского, определял скорость продвижения и потери личного состава: «Бесчисленное количество рукавов разлившегося Стохода создали чрезвычайно заболоченную местность, поэтому по фронту Гвардия могла наступать не более чем всего десятью ротами. Остальные войска шли

¹⁹⁰ Базаревский А.Х. Наступательная операция 9-й русской армии. С. 73.

¹⁹¹ Там же. С. 151.

¹⁹² Laakkonen S. Polemosphere: The War, Society, and the Environment // The long shadows: a global environmental history of the Second World War / eds. S. Laakkonen, R. Tucker, T. Vuorisalo. Corvallis, 2017. P. 15–37.

¹⁹³ Базаревский А.Х. Указ соч. С. 138.

¹⁹⁴ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М., 2014. С. 225.

колоннами в затылок друг за другом, чем очень облегчали дело для артиллерии врага ... Движение цепей шло очень медленно, ноги так засасывались болотом, что люди падали или вытягивали ноги из тины с помощью рук, дабы не оставить в болоте сапоги. Рукава реки оказались настолько глубокими, что офицеры и солдаты в них тонули»¹⁹⁵.

Охарактеризовав отдельные фазы наступления русских армий в Галиции в перспективе взаимодействия с окружающей средой и формирования военизированных ландшафтов, мы попытаемся систематизировать параметры нового военного опыта, во многом определившего осмысление переживаний в индивидуальных нарративах участников войны.

Маневренный характер военных действий. Специфика Восточного фронта Первой мировой войны состоит в сочетании маневренных и позиционных периодов ведения боевых действий, в отличие от Западного фронта, где доминирующей формой столкновения стала позиционная, или окопная, война. Именно характер сражения и высокая скорость передислокации военных подразделений на территории Галиции во многом определяли масштаб экологического воздействия на окружающую среду. Осуществление прорывов на значительных пространствах фронта, перемещение масс армий в условиях маневренной войны увеличивали площадь пораженной территории при сохранении высокой интенсивности обстрела отдельных участков.

Технизация и разрушение природных сред. Степень разрушения ландшафтов Юго-Западного фронта при ведении непосредственных военных действий отражается в плотности размещения войск на ограниченной территории: «Расположение австрийцев ... в среднем на 1 километр укрепленной позиции приходилось до 3 батальонов, 6 пулеметов и 9 орудий. Однако на этот же участок выходило направление главного удара XI, IX, X и VII русских корпусов, имевших в среднем на 1 километр до 5 батальонов, 10

¹⁹⁵ Зайончковский А.М. Первая мировая война.

пулеметов, 2 эскадронов и 12 орудий¹⁹⁶. Следует учесть, что в разные периоды интенсивность боевого воздействия на отдельные участки фронта была различной, но тем не менее описания позволяют представить величину нагрузки на окружающую среду в ходе артподготовок и наступления армии.

Динамика перемещений армий Австро-Венгерской и Российской империй на галицийском театре военных действий обусловила строительство и уничтожение укреплений, возведение и разрушения транспортной инфраструктуры, в том числе, железных дорог. При подготовке к военному столкновению австрийская сторона создала сеть постоянных и временных укреплений на будущей линии фронта.

В свою очередь, русская армия, занимая завоеванные позиции, организовывала строительство многоуровневых укреплений, предполагавшее масштабные земельные работы: «...Все позиции на участке каждого корпуса должны представлять собой укрепленный район, который позволил бы корпусу упорно обороняться против превосходящего по числу противника, доставляя надежные убежища от артиллерийского огня»¹⁹⁷. Возведение оборонительных линий и путей сообщения с тылом оказывало прямое воздействие на состояние почвы и окружающего ландшафта: «В отдельности каждая позиция должна иметь надлежащую глубину для придания ей наибольшей устойчивости. Последовательные оборонительные линии должны быть связаны между собой хорошими идущими с тыла путями, обеспечивающими возможность быстрого сосредоточения тяжелой артиллерии»¹⁹⁸. Реализация данного плана системы укреплений предполагала, что противнику необходимо будет осуществлять перемещения артиллерийских позиций, таким образом расширяя площадь военизированных ландшафтов.

¹⁹⁶ Описание боевых действий на правом боевом участке колонны генерала Альфтана на высоте 1069 и 958 у села Тухла, 27, 28, 29 марта 1915 г. // *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка. С. 216.

¹⁹⁷ *Нелипович С.Г.* Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. С. 346.

¹⁹⁸ Там же.

Аналогично осуществлялось форсированное сооружение мостов для переправ легкой артиллерии в районе Ивангорода в условиях необходимости оперативной смены полевых войск на резервные под Перемышлем¹⁹⁹, и последующие уничтожения мостов и виадуков при отступлении русских войск: «В предстоящем отходе за реку Сан, который будет исполнен согласно особому расписанию ... Отход делается ради занятия более прочного оборонительного положения, а не потому, что мы потерпели поражение ... При отходе основательно портить мосты и переправы последним тыловым частям...»²⁰⁰.

Изменение характера боевых действий и переход к позиционной фазе войны на Юго-Западном фронте привели к промышленному преобразованию ландшафта. В 1916 г. армии противников Российской империи воздвигли систему укреплений с использованием особо прочных домов и траншей с заграждениями из электрифицированной проволоки²⁰¹. Со стороны подразделений российской армии нарушение естественного состояния ландшафта было вызвано масштабным рытьем траншей и строительством блиндажей²⁰². Как показывают дневниковые записи русских комбатантов, природные условия оказывали непосредственное влияние на трудоемкость данного инженерного процесса. Твердость почвы или высокий уровень грунтовых вод, из-за которых вода просачивалась в готовые котлованы и затопляла болота или озера, препятствовали рытью глубоких регулирующих траншей и укреплений на передовой, поэтому они часто оказывались неглубокими и наполнялись водой, когда шел дождь или таял снег²⁰³.

¹⁹⁹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. С. 269.

²⁰⁰ Нелипович С.Г. Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе–октябре 1914 г. С. 100.

²⁰¹ Базаревский А.Х. Указ. соч. С. 26.

²⁰² Духанин Н.Е. Лагерные и бивачные постройки // Военная энциклопедия. СПб., 1914. С. 453.

²⁰³ «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!..»: дневники прапорщика К.В. Ананьева // Первая мировая: взгляд из окопа / предисл., сост. и коммент. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2014. С. 161.

Военизированные ландшафты как источник эпидемиологической угрозы. Сложности с качественным захоронением трупов и дезинфекцией останков в Галиции были обусловлены массовой гибелью комбатантов и животных. По подсчетам исследователей, только в ходе Галицийской битвы 1914 г. войска Австро-Венгрии потеряли около 283 681 чел. Потери русских армий составили 223 300 человек²⁰⁴. После окончания Карпатской операция в январе–апреле 1915 г. контингент русских войск сократился на 1,05 млн человек, австро-венгерских — на 610 тыс. человек²⁰⁵. В период проведения боевых действий в особо напряженных районах, например, в окрестностях Ярослава, Перемышля, Старого Самбора, Фельштина, количество тел павших комбатантов и трупов животных не позволяло организовать их надлежащего захоронения, учитывавшего расположение источников воды и опасность инфицирования почвы²⁰⁶. Как результат, «г. Ярослав и его ближайшие окрестности были загрязнены до чрезвычайной степени»²⁰⁷. Кроме того, как отмечают исследователи, наиболее опасными причинами распространения инфекций среди населения, заражения воздуха и воды в бывшей прифронтовой зоне, стали «испорченное мясо, гнилой хлеб, разлагающиеся трупы забитых животных, склады кож, сдававшиеся войсковыми частями убитого скота»²⁰⁸. В отдельных случаях требовалось дополнительное строительство окопов в связи с завалами трупов и пребыванием холерных больных в прежних²⁰⁹.

В отчетной документации военно-санитарного управления Галиции описывались предпринятые меры по перезахоронению братских могил,

²⁰⁴ *Нелипович С.Г.* Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе–октябре 1914 г. С. 68.

²⁰⁵ *Он же.* Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. С. 280.

²⁰⁶ Отчет о деятельности военно-санитарного Управления генерал-губернаторства Галиции с 6 октября 1914 года по 1 июля 1915 г. Киев, 1915. С. 41.

²⁰⁷ *Там же.* С. 42.

²⁰⁸ *Асташов А.Б.* Мобилизация и санитария в тылу русской армии в 1914–1918 годах: социально-экологический анализ // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2(53). С. 29.

²⁰⁹ *Нелипович С.Г.* Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе–октябре 1914 г. С. 230.

ассенизации бывших полей сражений, зарытии и дезинфекции захоронений трупов лошадей. В частности, отмечалось: «В марте–мае 1915 г. организована механическая очистка Перемышля и крепостного района от скопившегося за время осады мусора и навоза, а также уборка конских трупов в числе 463 штук... убрано и похоронено в районе фортов 750 тел убитых воинов...»²¹⁰, которые заполняли в течение длительного времени улицы осажденного города.

Невозможность организации нормального обеспечения армий, невосполняемые в условиях маневренной войны инфраструктурные дефициты обусловили использование всех подручных материалов, в том числе останков погибших лошадей для укрепления почвы, по которой двигались артиллерийские части: «Выбоины глубиной более метра образовывались на некоторых участках дорог с наиболее сильным движением. Важные участки пути подвоза снабжения превращались в огромные ямы грязи. Срубленные деревья и конские туши сбрасывались в трясину в попытке сделать более твердой дорогу»²¹¹.

Политика опустынивания территорий. В период Первой мировой войны влияние боевых действий на природные пространства не ограничивалось техническими и органическими загрязнениями, разрушением земельных и лесных ресурсов взрывами и бомбардировками. Наряду с уже перечисленным важным методом ведения войны, оказывающим разрушительное влияние на ландшафты, было уничтожение природных объектов и техногенных сооружений. Термин «выжженная земля» применяется исследователями относительно событий на Юго-Западном фронте Первой мировой войны как категория, обозначающая целенаправленное разрушение инфраструктуры и уничтожение продовольствия отступающей армией.

²¹⁰ Отчет о деятельности военно-санитарного Управления генерал-губернаторства Галиции с 6 октября 1914 года по 1 июля 1915 г. Киев, 1915. С. 45.

²¹¹ Тунсталл Г.А. Указ. соч. С. 459.

К числу стратегических важных объектов, позволявших противнику обеспечить армию топливом, относились объекты нефтяной промышленности. На территории Галиции к моменту ее оккупации войсками Российской империи, был сформирован добывающий ландшафт, главным элементом которого выступали частные и казенные нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие заводы²¹². Добыча топливных ресурсов в Галиции, как территории, подлежащей интеграции в Российскую империю, нередко становилась аргументом пропагандистских материалов предвоенного периода. После занятия Галиции, в течение более чем восьми месяцев оккупации русская военная администрация не прибегала к существенному сокращению местных запасов нефти²¹³. В планах русской администрации было постепенное налаживание работ по нефтедобыче и нефтепереработке во Львове, Дрогобыче, Бориславе, Коломые, однако, в период оккупации осуществить это не удалось, были лишь незначительно использованы сформированные до войны запасы нефтепродуктов на текущие нужды²¹⁴.

Масштабы экологической катастрофы от пожаров на нефтяных объектах усугублялись попутными взрывами на складах боеприпасов, повлекшими за собой уничтожение природной среды на большой территории и крупные выбросы загрязнений в атмосферу²¹⁵. Отряды русских солдат сожгли 229 из 319 существовавших вышек (подавляющее большинство которых были построены из дерева). Военные также уничтожили все оборудование для тушения пожара в регионе. Они подожгли сорок две из семидесяти девяти продуктивных скважин в Тустановицах, но не тронули ни одной скважины в Бориславе²¹⁶.

²¹² *Golubinov I.* Oil Fires of the First World War: Military Use and Destruction of Galicia's Fuel Industry // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11. № 2. С. 586–602.

²¹³ *Alison Fleig Frank.* Oil Empire. Visions of Prosperity in Austrian Galicia. Harvard, 2015. P. 188.

²¹⁴ *Golubinov I.* Oil Fires of the First World War.

²¹⁵ *Санборн Д.* Великая война и деколонизация Российской империи. С. 331.

²¹⁶ *Alison Fleig Frank.* Op. cit. P. 188.

По словам Ростунова, «Горлицкая операция была первым случаем, когда российское командование предприняло массовое уничтожение ключевых объектов и имущества на пути следования австро-германских войск»²¹⁷. Во время поспешного отступления русских войск, помимо нефтяных сооружений, уничтожению подверглись все ресурсы, которые могли оказаться полезными наступающим войскам противника: «... Когда стало ясно, что может понадобиться отступление по всему фронту, Янушкевич дал четкое указание всем командирам своей армии: "При отступлении заблаговременно ... уничтожать посеы косьбой или иным путем..., все запасы скота ... лошадей, обязательно вывозить"»²¹⁸. Целью этих мер была объявлена задержка наступления противника и нанесение ему экономического ущерба за счет уничтожения ресурсов. Реквизиции подвергались все продовольственные припасы, лошади, скот, перевозочные средства, машины, станки, заводские материалы.²¹⁹ Генерал-майор И.В. Павский (начальник военного транспорта Юго-Западного фронта) в своих телеграммах генералу Н.И. Иванову, главнокомандующему русскими армиями на Юго-Западном фронте писал: «Во всех районах были вывезены интендантские грузы, разрушены мосты, разрушены железнодорожные пути, сожжены помещения железнодорожных станций, а паровозы и вагоны увезены. Больные и раненые были эвакуированы. Имущество, которое нельзя было вывезти, было уничтожено на месте»²²⁰. Как отмечает Нелипович,²²¹ в этот период было реквизировано имущества на 661,5 млн марок, причем заплачено войсками только 331 млн марок, уничтожено почти 120 тыс. хозяйств, из которых половина — мелких, с наделом земли не более 5 га. При отступлении русские войска угнали 84,4 тыс. лошадей, 937 тыс. голов крупного рогатого скора. Было сожжено 2842 крестьянских двора, разрушено 29707 домов²²¹.

²¹⁷ Цит. по: Golubinov I. Oil Fires of the First World War.

²¹⁸ Санборн Д. Великая война и деколонизация Российской империи. С. 127.

²¹⁹ Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. С. 519.

²²⁰ Golubinov I. Oil Fires of the First World War.

²²¹ Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. С. 388.

Первая мировой война всецело изменила облик природных и антропогенных пространств Галиции: проведение непосредственно боевых действий и осуществление необходимых строительных мероприятий повлекло за собой разрушения природных сред, повреждения почвы, уничтожение лесов, загрязнение воды и воздуха. Природа воспринималась военным командованием, инженерами и полевыми командирами в качестве стратегического ресурса, важного для обеспечения победы и расходуемого в утилитарных целях без оглядки на потенциальную ценность объектов и строений для мирных жителей и дальнейшего функционирования территории. Несмотря на заблаговременное планирование военных действий на этих территориях, отсутствие конкретных знаний водных источниках, почвах, инфраструктуре и климате в горах приводило к высоким потерям на местности и значительной роли природных факторов в стратегии и тактике русской армии. В свою очередь, военный опыт комбатантов определялся в большей степени противостоянием с природой и контактами с военизированными ландшафтами, правильная оценка которых могла обеспечить выживание в экстремальных условиях маневренной войны.

§ 2. Просопография авторов нарративов о Первой мировой войне в Галиции

В целях изучения инструментов и форм конструирования военизированных ландшафтов Галиции в годы Первой мировой войны в российских вербальных и визуальных нарративах нами был отобран корпус текстовых произведений и фотографий, в которых представлены охваченные военными действиями оккупированные территории. Исследовательский акцент ставился на повествования, созданные непосредственно в ходе военных событий либо позже на основе текущих записок, снимков, публикаций. Учитывая степень включенности в события на фронте, авторы военных нарративов разделены на три категории: опосредованные

наблюдатели, непосредственные наблюдатели и непосредственные участники. Мотивацией двух первых групп к письму или визуализации являлись конструирование и трансляция дискурсов об оккупированной Галиции на фронте и в тылу в форме газетных и журнальных публикаций, публицистических зарисовок, книг и брошюр. Различия между первыми двумя группами определяются фактом пребывания в военизированных ландшафтах и личной включенности в происходящие события в качестве наблюдателя. Третья группа авторов не обладала социальным статусом профессиональных писателей, фотографов и публицистов, фиксация ими ландшафтов Галиции в слове и фотообразах была спровоцирована шокирующими военными впечатлениями, физическими и эмоциональными переживаниями разрушений и смерти в чуждых пространствах. Категоризация авторов в рамках трех групп позволит решить задачи исследования по выявлению инструментов нарративизации галицийских ландшафтов войны российскими участниками.

Определенную сложность в реконструкции биографии авторов представляет нерепрезентативность информации о большинстве из них, сложность описания их по универсализированному комплексу критериев. Важность выявления культурного багажа, горизонта ожиданий и пространства опыта для дальнейшей исследовательской работы с вербальными и визуальными нарративами обусловила обращение к просопографическому методу — вписыванию каждой категории авторов в обобщающие коллективные биографии. Подобная исследовательская логика позволила компенсировать отсутствие детальной информации по каждой персоне через метод научной экстраполяции.

Опосредованные наблюдатели — авторы пропагандистских материалов, конструировавшие дискурс о Галиции в предвоенный и военный периоды. Единицы из них могли побывать в Галиции до начала войны в качестве ученых или активистов благотворительных организаций Российской империи, но после начала военных действий конструирование военизированных ландшафтов этой территории в публикациях осуществлялось ими заочно, вне

контакта с изменившейся местностью. Нарративы военной пропаганды, популяризация целей войны в целом, и, в частности, целей оккупации Галиции осуществлялись преимущественно представителями научной интеллигенции. Среди известных деятелей науки, принимавших участие в этой кампании, были филолог Дмитрий Вергун, географ Гавриил Иванович Танфильев, физик Иван Андрианович Фещенко-Чоповский, и др. Галицко-русское общество в 1914–1915 гг. активно публиковало книги и брошюры, издаваемые в форме популяризированных лекций ведущих ученых в области географии, этнографии, биологии и т.д. по темам истории и современного состояния Галиции. При этом достоверно известно только о рождении Д. Вергуна, председателя общества, на территории Галиции, остальные его деятели и большинство публицистов создавали свои конструкции на основе немецкоязычных исследований. Предисловия к брошюрам позволили установить факт распространённости публичных лекций на широкую аудиторию не только в столицах, но и в провинциальных центрах Российской империи, к примеру, в Киеве и в Одессе.

Мобилизация ученых на поддержание пропагандистских кампаний оправдания целей Первой мировой войны достаточно подробно изучена в историографии²²². Однако не только представители университетов, но и носители прикладного знания считали необходимым предложить свою экспертизу и создавали тем самым определенные представления об оккупированных ландшафтах Галиции. К примеру, горный инженер Евгений Юшкин, занимавшийся в Грозном изучением технического обеспечения нефтяной промышленности и издававший тематический журнал Терского отделения Императорского русского технического общества, опубликовал анализ горнопромышленного потенциала завоеванной Галиции в сравнении с ведущими районами разработок полезных ископаемых в Российской империи. Написанная популярным языком брошюра была явно адресована не только

²²² Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки 1912–1923. СПб., 2021; Линди С. Разум в тумане войны. Наука и технологии на полях сражений. М., 2022; и др.

коллегам по цеху, но и широкому читателю и транслировала эйфорические оценки будущего бума промышленности западных областей и европейского экспорта, выстроенных на эксплуатации природных ресурсов новой русской провинции.

Вторую группу непосредственных наблюдателей представляют военные корреспонденты и штатные фотографы, посещавшие Юго-Западный фронт и фиксировавшие в текстах и фотографиях свои переживания военизированных ландшафтов Галиции, а также некий «социальный заказ» на образ Галиции. Позже тексты и снимки этих авторов публиковались значительными тиражами в периодических изданиях или отдельными брошюрами. Одним из известных корреспондентов в период Первой мировой войны стал писатель и публицист Михаил Пришвин (1873–1954), совершивший рабочие поездки по Галиции осенью 1914 г. и весной 1915 г. и опубликовавший свои заметки с театра военных действий в газетах «Русские ведомости» и «Речь». Михаил Михайлович не имел профильного литературного образования, однако, после окончания Тюменского реального училища, учился на химическом факультете политехникума в г. Рига, а в 1902 г. закончил Лейпцигский университет по специальности инженер-землеустроитель, чем объясняется высокая степень внимания к разрушительным последствиям вооруженного конфликта на территории Галиции в нарративах автора.

Газету «Русские ведомости» на фронте также представлял литератор Алексей Толстой (1882–1945). Несмотря на своё знатное происхождение и принадлежность к известному в Российской империи роду Толстых, Алексей Николаевич не получил полного высшего образования, отчислившись с последнего курса Петербургского технологического института. Из-за состояния здоровья Толстой не был призван в армию, однако, не отказался от желания быть сопричастным событиям и стал военным корреспондентом, посетив Галицию в самый разгар боев за нее в 1914 г. Отдельные заметки писателя были еще в годы войны опубликованы в едином издании, где путешествие по военизированным ландшафтам Галиции было вписано в

серию непосредственных наблюдений в Англии и на Кавказе. С одной стороны, Галиция контекстуализируется автором в более широких описаниях, с другой — военизированные ландшафты провинции становятся первым шокирующим столкновением Толстого с непосредственными последствиями битв, оккупации, милитаризации пространств в целом.

К категории непосредственных наблюдателей также относятся фотографы, дополнявшие публикации в средствах массовой информации визуальными свидетельствами с места событий. Наиболее яркими и известными представителями данной группы выступают Сергей Корсаков (годы жизни неизвестны) и Александр Булла (1881 — между 1942–1944 гг.). Становление названных фоторепортеров как мастеров военной репортажной съемки проходило по-разному. Корсаков, кадровый офицер, потомственный дворянин, получил первое образование в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, а также провел два года в Константиновском артиллерийском училище в Петербурге. Александр Булла представлял петербургскую династию фотографов, изучал фотографическое дело в Европе, в довоенный период активно работал в фотоателье своего отца Карла Буллы. К тому же, Булла имел немецкие корни, в отличие от других перечисленных непосредственных наблюдателей, русских по происхождению.

Довоенный опыт корреспондентов и фотографов во многом определял стратегии и модели описания военизированных ландшафтов Галиции. Пришвин, Толстой, Булла не имели опыта взаимодействия и интеграции в милитаризованное пространство до 1914 г. Профессиональная деятельность Пришвина включала в себя работу агрономом и сотрудником вегетационной лаборатории в Петровской (Тимирязевской) академии. До начала Первой мировой войны он занимался научной и научно-популярной деятельностью и являлся корреспондентом журнала «Опытная агрономия», написал несколько монографий и статей по агрономии, с 1907 г. стал корреспондентом газеты «Русские ведомости». Толстого отличает опыт длительных путешествий и нарративизации своих впечатлений, который он получил еще в годы учебы в

университете, издав книгу «Лучшие путешествия по Среднему Уралу: факты, легенды, предания» после студенческой практики в Невьянске. Писательство прочно вошло в жизнь Толстого в предвоенные годы: автор публикует сборники стихов «Лирика», книгу стихов по мотивам русского фольклора, создает пьесы и романы. Булла осуществлял творческую деятельность совместно с братом В. Буллой — они вместе создали товарищество «Аполлон», основное направление работы которого было производством документальных фильмов. В 1912 г. первые фотографии А. Булла в качестве фотографа появились в журнале «Солнце России». Ракурс восприятия Галиции творческой интеллигенцией дополняется взглядом Корсакова, который в годы Русско-Японской войны был офицером 12-й роты Квантунской крепостной артиллерии и участвовал в обороне Порт-Артура, дважды был ранен и попадал в плен.

В годы Первой мировой войны Пришвин два раза посещал Юго-Западный фронт: осенью 1914 и весной 1915 г., передавая материалы для публикации в газетах «Биржевые ведомости», «Речь», «Русские ведомости». Путевые заметки о пребывании в Галиции писатель также отразил в своих личных дневниках, которые вел с 1905 г. Очерки Толстого о его поездке в Галицию печатались в газете «Русские ведомости» под названием «Письма с пути», а позже, в 1915 г., были опубликованы отдельным изданием, получившим название «На войне», письма в котором сгруппированы в циклы «От Москвы до Томашова», «От Москвы до Ярослава», «От Львова до Карпат». В 1916 г. свет увидело дополненное издание «В Англии, на Кавказе, по Волыни и Галиции»²²³. География поездок Алексея Николаевича охватывала Волынь, Галицию, Кавказ, что позволяло составить объемное представление об окопной жизни на разных фронтах и опубликовать ряд заметок о фронтовой действительности. Военный фоторепортер штабс-капитан Сергей Корсаков в период Первой мировой войны представлял ряд

²²³ Толстой А.Н. В Англии, на Кавказе, по Волыни и Галиции. М., 1916.

русских изданий, в том числе, издательство Д.Я. Маковского, выпускавшего серию широко распространенных альбомов «Великая война в образах и картинках». Булла в 1914–1915 гг. регулярно публиковал снимки с фронта на страницах журнала «Солнце России».

Третья группа анализируемых в работе авторов — непосредственные участники войны, которые распадаются на профессиональные категории с учётом специфики осуществляемой деятельности в условиях фронта. Наиболее многочисленными группами в данном случае являются комбатанты (в основном, офицеры, за редким исключением нижние чины русской армии) и медицинский персонал (военные медики и сестры милосердия). Авторы анализируемых индивидуальных нарративов являются участниками событий на Юго-Западном фронте и оккупации Галиции. Большинство из них имели статусное военное образование: например, Иван Огнев (годы жизни неизвестны) окончил Гатчинскую военную авиационную школу²²⁴, Иосиф Ильин (1885–1981) — выпускник Михайловского артиллерийского училища²²⁵, Эдуард Экк (1851–1937) начал офицерский путь после Николаевской академии Генерального штаба²²⁶, Леонид Братанович (1877–1936) получил звание подпрапорщика, окончив курс Виленского пехотного юнкерского училища²²⁷, Сергей Торнау (1889–1964) — выпускник Пажеского корпуса в Петербурге²²⁸, Владимир Щеглов (1892–1914) окончил в 1911 г. Орловский Бахтина кадетский корпус и в 1913 г. Елисаветградское

²²⁴ Летчик Огнев — герой Первой мировой // «Великая война» 1914–1918. URL: http://www.wwi.rhga.ru/news/new.php?ELEMENT_ID=2352 (дата обращения: 02.02.2024).

²²⁵ Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 9.

²²⁶ Экк Эдуард Владимирович // Русская армия в Первой мировой войне. Картотека проекта. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/547> (дата обращения: 01.03.2024).

²²⁷ Братанович Леопольд Станиславович // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/3521> (дата обращения: 13.01.2024).

²²⁸ Торнау Сергей Александрович // Офицеры русской императорской армии. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Торнау_Сергей_Александрович (дата обращения: 25.02.2024)

кавалерийское училище с присвоением звания корнета²²⁹. Их взгляд дополняется свидетельствами участников войны, не являвшихся кадровыми военными, попавшими на фронт добровольно или в ходе мобилизации в Российской империи. Например, Федор Степун (1884–1965) был мобилизован после отбывания воинской повинности и учебы в Гейдельбергском университете (его частично европейская социализация представляется особенно интересной для выстраивания сравнительных перспектив при изучении нарративов)²³⁰. Иван Карпов (1897–1965), до войны получивший образование в городском училище в Боровске, отправился на фронт в статусе вольноопределяющегося²³¹, образование рядового (младшего унтер-офицера) Максима Степановича Осиновских (1880–1914) ограничивалось начальной школой и курсами хорового пения²³², выходец из семьи бывшего крестьянина Пермской губернии Павел Сюзев (1867–1928) в 1887 г. окончил Алексеевское реальное училище в Перми, а затем работал в ботанической лаборатории Московского университета²³³.

Предшествующий опыт исследуемой группы авторов также дифференцируется по признаку наличия опыта военной службы до Первой мировой войны. Многие авторы нарративов участвовали в Русско-японской войне 1904–1905 гг.: Экк командовал дивизией²³⁴ и в 1904 г. получил звание генерал-лейтенанта; Братанович участвовал в сражении под Мукденом, был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и орденом Св. Анны 4-й

²²⁹ «...Сейчас же ясно представилось что меня убьют»: дневник Владимира Николаевича Щеглова, корнета // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2019. С. 99.

²³⁰ Вахитова Т. М. Степун Фёдор Августович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 т. М., 2005. С. 428.

²³¹ Савелова О.А., Крайнева И.А. Электронный архив сестер Карповых: история научной династии // Исторический курьер. 2021. № 2(16). С. 29.

²³² «Смерть ожидаю каждую минуту...»: письма Максима Степановича Осиновских, рядового (младшего унтер-офицера) // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 29–53.

²³³ Юго-Западный фронт (Галиция), 1915–1917 гг. Из коллекции П.В. Сюзева // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. Вклейка 1. С. б/н.

²³⁴ Экк Эдуард Владимирович // Русская армия в Первой мировой войне. Картотека проекта. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/547> (дата обращения: 01.03.2024)

степени, к 1914 г. став младшим офицером 97-го пехотного Лифляндского полка²³⁵; П. Сюзев, с 1891 г. служивший вольноопределяющимся в 1-й и 2-й резервной артиллерийских бригадах, с началом Русско-японской войны попал на фронт в 74-ю артиллерийскую бригаду. Опыт военной службы имели Ильин, к началу Первой мировой войны долгое время служивший в 74-й артиллерийской бригаде 74-й пехотной дивизии²³⁶, и Щеглов, с 1913 г. служивший в звании офицера во 2-й сотне Осетинского конного дивизиона²³⁷.

Ракурс восприятия военизированных ландшафтов Галиции кадровыми офицерами расширяется за счет впечатлений комбатантов, не имевших опыта участия в боевых действиях: Осиновских отбывал воинскую повинность в 1902–1907 гг., однако после этого вернулся к традиционным для своей семьи крестьянским занятиям и к организации работы местного хора²³⁸; Михаил Анисимов был мобилизован сразу после начала войны²³⁹, что указывает также на его пребывание в запасе к началу Первой мировой войны; Огнев прибыл на Юго-Западный фронт добровольно²⁴⁰; Вадим Белов (1890–1930-е) являлся до начала войны корреспондентом периодических изданий «Нива», «Солнце России», газет «Биржевые ведомости», «Рижский курьер»²⁴¹; Карпов служил конторщиком в казенных учреждениях²⁴². Вопреки исследовательским представлениям о гомогенности и кастовости офицерского корпуса в начале Первой мировой войны жесткие границы размывались за счет

²³⁵ Братанович Леопольд Станиславович // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/3521> (дата обращения: 13.01.2024)

²³⁶ Ильин И.С. Указ. соч. С. 9.

²³⁷ «...Сейчас же ясно представилось что меня убьют»: дневник Владимира Николаевича Щеглова, корнета // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 99–193.

²³⁸ «Смерть ожидаю каждую минуту...»: письма Максима Степановича Осиновских, рядового (младшего унтер-офицера) // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 29.

²³⁹ Анисимов М. Дневник // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479464> (дата обращения: 14.10.2023)

²⁴⁰ Летчик Огнев — герой Первой мировой // «Великая война» 1914–1918. URL: http://www.wwi.rhga.ru/news/new.php?ELEMENT_ID=2352 (дата обращения: 02.02.2024).

²⁴¹ Там же.

²⁴² Савелова О.А., Крайнева И.А. Указ. соч.

вольноопределяющихся, которые получали сходный статус за счет гражданского образования. Более того, именно первые годы войны характеризуются высокой убылью кадрового офицерства и его постепенной заменой представителями других социальных и профессиональных групп.

Анализируемая группа авторов-комбатантов включает в себя представителей всех специализированных подразделений Российской императорской армии: авиации, пехоты, артиллерии, кавалерии. Однако степень вовлеченности авторов в реальные боевые действия в период Первой мировой войны была различна. Л. Братанович соприкоснулся с жизнью фронта опосредовано как заведующий хозяйством 16-го военно-санитарного поезда, позже служил в Александровском комитете о раненых, параллельно числился в 1-м запасном пехотном полку в Петрограде и 97-го пехотном Лифляндском полку, в 1917 г. получил звание подполковника²⁴³. Ильин занимал тыловые должности ввиду ранений и контузии в самом начале войны²⁴⁴, Огнев обслуживал самолеты и не участвовал в военных действиях²⁴⁵. В полной мере с боевой жизнью столкнулся В. Белов, добровольно начавший службу в звании прапорщика в 68-м маршевом запасном батальоне и 94-м пехотном Енисейском полку. После контузии и отравления газами²⁴⁶ он остался в строю и позже был произведен в подпоручики. Активное участие в непосредственных сражениях принимали артиллеристы 12-й Сибирской Стрелковой дивизии Михаил Анисимов и Федор Степун (призванный в действующую армию в начале войны и к 1916 г. дослужившийся до офицерского звания)²⁴⁷, рядовой 194-го пехотного Троицко-Сергиевского

²⁴³ Братанович Леопольд Станиславович // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/3521> (дата обращения: 13.01.2024)

²⁴⁴ Ильин И.С. Указ. соч. С. 9.

²⁴⁵ Белов В. «Жертва» // «Великая война» 1914–1918. URL: http://www.wwi.rhga.ru/refl/memu/detail.php?ELEMENT_ID=6547 (дата обращения: 02.02.2024)

²⁴⁶ Белов Вадим Михайлович // Памяти героев Великой войны. URL: <https://goo.su/jimZ> (дата обращения: 05.03.2024)

²⁴⁷ Степун Федор Августинovich // Памяти героев Великой войны. URL: <https://goo.su/PFzBH> (дата обращения: 05.03.2024).

полка М. Осиновских, участник Галицийской битвы, получивший звание унтер-офицера и Георгиевский крест IV степени, но погибший в декабре 1914 г.²⁴⁸, а также мобилизованный в 1914 г. П. Сюзев, выполнявший обязанности командира 51-й саперной полуроты государственного ополчения и получивший звание зауряд-штабс-капитана²⁴⁹. Принимая во внимание количество наград В. Щеглова (кавалер орденов Св. Анны IV-й степени с надписью «за храбрость», Св. Владимира IV-й степени с мечами и бантами, Св. Станислава III-й степени, Георгиевского крест IV-й степени — полученных посмертно) и приказа о его награждении Георгиевским крестом IV-й, очевидно, что Щеглов, командуя эскадромом, активно участвовал в прямых схватках с противником и окопных боях²⁵⁰. Опыт руководства крупными военными операциями также обладали Э. Экк (принимал участие в Галицийской битве 1914 г. и Брусиловском прорыве 1916 г. в статусе командира 7-го и 23-го армейских корпусов)²⁵¹ и пехотный офицер С. Торнау (служил капитаном лейб-гвардии Преображенского полка)²⁵². Стоит учитывать факт того, что функционал старших офицеров включал в себя командование подразделениями и организацию боевых операций, но исключал прямое столкновение с противником в битвах с оружием. Специфика их военного опыта состоит в возможности большего охвата данных о положении дел на фронте и понимании функционирования армии и военизированных ландшафтов как части войны.

²⁴⁸ «Смерть ожидаю каждую минуту...»: письма Максима Степановича Осиновских, рядового (младшего унтер-офицера) // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 29.

²⁴⁹ Юго-Западный фронт (Галиция), 1915–1917 гг. Из коллекции П.В. Сюзева // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. Вклейка 1. С. б/н.

²⁵⁰ «...Сейчас же ясно представилось что меня убьют»: дневник Владимира Николаевича Щеглова, корнета // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 99, 101.

²⁵¹ Экк Эдуард Владимирович // Русская армия в Первой мировой войне. Картотека проекта. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/547> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁵² Торнау Сергей Александрович // Офицеры русской императорской армии. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Торнау_Сергей_Александрович (дата обращения: 25.02.2024).

Важную для нашего исследования подгруппу непосредственных участников военных операций Первой мировой войны в Галиции составили военные медики: корпусные доктора, сестры милосердия, врачи оккупационной администрации, эпидемиологи и бактериологи, специально приглашенные из столичных университетов. Говоря о них, во внимание необходимо принимать следующее. Во-первых, особенности природы и климата провинции влияли на практическую деятельность медицинского персонала (малоизвестные штаммы болезней, высокая вероятность распространения инфекций при плотности размещения комбатантов, отсутствие данных об источниках воды). Во-вторых, бегство на запад австрийских медиков, более осведомленных о санитарно-медицинских угрозах в Галиции, создавало минимальные возможности трансфера знаний и коммуникации для русских специалистов. С одной стороны, это закрепляло сформированные еще до оккупации представления, с другой — требовало собственных эпидемиологических исследований. В-третьих, в отличие от солдат и создавших значительное количество вербальных и визуальных нарративов офицеров, медики соприкасались непосредственно с местным населением, у них была возможность плотного профессионального контакта с жителями Галиции. Наконец, на примере именно этой профессиональной группы военных мы получаем возможность проанализировать женский взгляд на войну и природу, что практически невозможно увидеть в других источниковых массивах о пребывании русских армий в Галиции.

Некоторые из медиков, авторов анализируемых нарративов, имели высокий уровень образования: Тихон Ткачев (1885–1970) с отличием окончил Воронежскую духовную семинарию в 1907 г., однако, для продолжения образования выбрал не духовную академию, а медицинский факультет Харьковского университета, который окончил в 1912 г.²⁵³ Василий Кравков (1859–1920) получил специализированное военно-медицинское образование,

²⁵³ *Ткачев Т.Я.* Нет конца безумию, нет границы бедствию... Полевой дневник военного врача. 1914–1916 гг. Воронеж, 2014. С. 3.

будучи выпускником Императорской Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, а в 1891 г. получил степень доктора медицины²⁵⁴. Не менее статусное образование имел Фридрих Краузе (1887–1973), окончивший медицинский факультет Московского университета²⁵⁵. Их взгляд дополняется свидетельствами Ивана Арямова (1884–1958), не успевшего получить полного медицинского образования и мобилизованного на фронт Первой мировой войны с V курса медицинского факультета Московского университета²⁵⁶.

Уровень медицинского образования сестер милосердия характеризует ситуацию Первой мировой войны в целом, когда размах фронтов потребовал срочного привлечения медиков-женщин и срочной организации их хотя бы первоначальной медицинской подготовки. Так, Флоренс Фармборо (1887–1978) перед началом работы в полевых госпиталях и лазаретах прошла соответствующий полугодовой курс, недолго работала в тыловом госпитале для раненых солдат и сдала экзамен в Обществе Красного креста²⁵⁷. Юлия Буторова (1885–1946) также в начале войны прошла ускоренные курсы по подготовке сестер милосердия при Кауфманской общине в Санкт-Петербурге и получила назначение во 2-й передовой санитарный поезд Красного Креста, курсировавший в составе санитарной поездной бригады²⁵⁸. Татьяна Варнек (1894–1990) также поступила в Кауфманскую общину на курсы запасных сестер милосердия после окончания гимназии в 1912 г., но окончила их и получила назначение в лазарет в 1914 г.²⁵⁹ Елизавета Кропоткина (1897–1981) после прохождения курсов и сдачи экзамена в Петербурге была направлена в Галицию, а затем в Румынию в составе т.н. летучих отрядов Красного

²⁵⁴ *Узбекова Д.Г.* В.П. Кравков — санитарный врач Русской Императорской армии (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. Т. 22. № 4. С. 51–54.

²⁵⁵ *Краузе Ф.* Письма с Первой мировой / отв. ред. Л.А. Булгакова. СПб., 2013. С. 3.

²⁵⁶ Воспоминания зауряд-врача И.А. Арямова о Первой мировой войне. 1914–1915 гг. // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 89.

²⁵⁷ *Фармборо Ф.* Первая мировая война: дневники с фронта. М., 2014. С. 12.

²⁵⁸ *Жердева Ю.А., Сумбурова Е.И., Черкасова М.В.* Восприятие российской политики в Галиции в дневниках и мемуарах участников Первой мировой войны // Научный диалог. 2021. № 8. С. 307–322.

²⁵⁹ Там же.

Креста²⁶⁰. В исследовании используются также изданные в 1915 г. дневниковые записи сестры милосердия Лидии Захаровой (даты жизни не установлены). Ее подробной биографии пока не найдено, при реконструкции довоенного опыта данного автора мы можем опираться лишь на представления о распространенных механизмах попадания на фронт сестер милосердия. Кроме того, необходимо учитывать факт публикации дневника Захаровой в условиях военной цензуры и пропаганды.

Для анализа восприятия милитаризированной природы важен предшествующий опыт исследуемой группы врачей и сестер милосердия. Долгое время специализировавшийся на военной медицине Кравков имел огромный стаж работы в качестве младшего врача 26-го пехотного Могилевского полка и 159-й пехотного Гурийского полка, старшего врача Оренбургского местного батальона, Казанского военного госпиталя, руководителя полевым госпиталем в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.²⁶¹, участником которой в качестве военного хирурга являлся еще один анализируемый автор — Егор Гар (1870–1948)²⁶². До Первой мировой войны Ткачев принимал участие в борьбе с эпидемией холеры, являлся организатором санитарного дела в Воронежской губернии, где с 1912 по 1914 г. он работал земским санитарным врачом²⁶³.

Довоенная карьера Краузе не была связана с военными подразделениями и ограничивалась работой врачом-ассистентом в Морозовской городской детской больнице²⁶⁴. Ракурс восприятия военизированных ландшафтов Галиции кадровыми врачами расширяется за счет впечатлений медсестер, не имевших опыта военно-медицинской деятельности. Так, Фармборо прибыла на Восточный фронт добровольно, а до войны занималась обучением

²⁶⁰ *Elisabeth Prinzessin Kropotkin. Kriegserinnerungen. April 1915 — Januar 1919 // Privatbesitz Jörg Roszbach, Berlin.*

²⁶¹ *Узбекова Д.Г. Указ. соч.*

²⁶² Гар Егор (Георгий) Лукич // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/5996> (дата обращения: 10.02.2024)

²⁶³ *Ткачёв Т.Я. Указ. соч. С. 4.*

²⁶⁴ *Краузе Ф. Указ. соч. С. 3.*

воспитанниц английскому языку в качестве гувернантки²⁶⁵. Высокое дворянское происхождение объединяет остальных сестер милосердия. Буторова являлась представителем дворянского рода Буторовых и правнучкой известного героя Отечественной войны 1812 г. Дениса Давыдова²⁶⁶, Варнек также происходила из дворянской семьи генерала А. Варнека, Е. Кропоткина принадлежала семье поместных остзейских немцев, будучи дочерью высокопоставленного чиновника Красного Креста на Юго-Западном фронте. Документы свидетельствуют, что все девушки обладали хорошим образованием, многочисленными связями внутри российской элиты и оказались на фронте по собственному желанию.

Степень соприкосновения медиков с реальными боевыми действиями на территории Галиции и их последствиями различна. Кравков прибыл на Юго-Западный фронт в августе-сентябре 1914 г. в составе XXV армейского корпуса и стал свидетелем Галицийской битвы²⁶⁷. Позже он занимал должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии и корпусного врача нескольких армейских корпусов. Свои дневниковые записи он создавал с 1914 по 1917 г. Ткачев служил старшим врачом 142-й технической дружины²⁶⁸ и описал в полевом дневнике свою деятельность во фронтовых лазаретах в период с 1914 по 1916 г. Гар служил военным хирургом в 404-м военно-полевом госпитале, специфика его дневниковых записей состоит в регулярной фиксации впечатлений от перемещения по ландшафтам Галиции и Юго-Западного фронта²⁶⁹.

В полной мере с милитаризованными ландшафтами столкнулся Краузе, в мае 1915 г. назначенный старшим врачом летучего санитарно-

²⁶⁵ Фармборо Ф. Первая мировая война: дневники с фронта. С. 4.

²⁶⁶ Сумбурова Е.И. Сестры милосердия Первой мировой войны: на материалах автодокументальных текстов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 2(2). С. 100–108.

²⁶⁷ Узбекова Д. Г. Указ. соч.

²⁶⁸ Ткачёв Т.Я. Указ. соч. С. 3.

²⁶⁹ Гар Егор (Георгий) Лукич // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/5996> (дата обращения: 10.02.2024)

дезинфекционного отряда и командированный на фронт в Восточную Галицию²⁷⁰. Его будничная деятельность заключалась в обеспечении санитарно-эпидемического благополучия армии, предотвращении и борьбе с эпидемиями. Осуществление данных функций было связано с частыми перемещениями по ходу наступления и отступления армии (Радзивилов, Броды, Радехов, Дубно), о чем свидетельствуют письма Краузе из Галиции своей невесте, отправленные в 1914–1917 гг.

Арямов прибыл в Галицию в качестве зауряд-врача (категория военнослужащих Российской императорской армии, которая была задействована при недостатке соответствующего персонала в условиях военного времени) и находился там на протяжении 1914–1915 гг., фиксируя свои наблюдения в личном дневнике²⁷¹. Профессиональный функционал зауряд-врача ограничивался выполнением простейших медицинских процедур и несложных операций.

Сестры милосердия Фармборо, Варнек, Захарова работали в госпиталях и лазаретах за линией фронта, осуществляя медицинскую помощь раненым. Их нарративы были созданы также непосредственно во время боевых действий, отражая наблюдения в жанре дневника. Записи Фармборо датируются 1914–1918 гг., в то время как текст Захаровой был опубликован уже в 1915 г. Кропоткина, напротив, работала в составе т.н. «летучек» и часто оказывалась в непосредственной близости боевых действий, вывозя раненых и погибших на двуколках прямо с передовой. Ее тексты наполнены сюжетами о разрушениях, незахороненных телах, раненых случайными пулями и взрывами мирных жителей на линии фронта. Текст Кропоткиной прошел более позднюю обработку: автор дописала к своим подробным дневниковым записям общее вступление и выходящую за пределы войны концовку, однако, центральная часть текста продолжала отражать уникальные включенные наблюдения участника боевых действий.

²⁷⁰ Краузе Ф. Указ. соч. С. 4.

²⁷¹ Воспоминания зауряд-врача И.А. Арямова о Первой мировой войне.

Важным источниковедческим выводом исследования является установление факта создания некоторыми авторами и вербальных, и визуальных нарративов. В текстах дневников и писем Краузе, Ильина, Ткачева, Буторовой и Кропоткиной присутствуют множественные упоминания обладания ими фотоаппаратурой и фиксации происходящего, прежде всего военизированных ландшафтов и их акторов, на камеру. Так, в дневнике Ильина поводом для фотографии выступают городские и природные достопримечательности: «Приобрел также за 70 рублей хорошую камеру Эрнемана девять на двенадцать и хочу снимать и Люблин, да и вообще все места, где побываю»²⁷². В дневнике Кропоткиной часто описываются заснятые ею на фотопластины визиты почетных гостей или многочисленных знакомых. Но 26 августа 1916 г. она делает весьма показательную для нашего исследования запись: «...На высоте от предшествовавшего боя осталось много погибших. Я взяла с собой свой фотоаппарат и пошла туда. Это было ужасно, на поле все еще лежала масса мертвых, наших и вражеских. Они начали разлагаться на жаре последних четырех дней, воздух был невыносим»²⁷³. К сожалению, как пишет сама автор, военные снимки, которые она возила с собой во время пребывания на двух фронтах, были утрачены уже после войны в оккупированной большевистскими армиями Одессе. Единственная из сохранившихся и приложенных к ее дневникам фотографий изображает ее на Румынском фронте вместе с ее постоянной фронтовой спутницей — кобылой Берлиот.

* * *

Разделение авторов, создававших вербальные и визуальные нарративы о Первой мировой войне в Галиции, на опосредованных наблюдателей, непосредственных наблюдателей и участников представляется продуктивным подходом для выявления взаимозависимости горизонта ожиданий и пространств военного опыта сквозь призму военизированных ландшафтов.

²⁷² Ильин И.С. Указ. соч. С. 68.

²⁷³ Elisabeth Prinzessin Kropotkin. Op. cit. С. 36.

Воображаемые путешествия, включенные наблюдения и вовлеченность в насильственное преобразование местности, как представляется, требовали использования разных повествовательных моделей и развивались в разных динамиках. Научный интерес представляет выявление взаимовлияния трех типов нарративизации военизированных ландшафтов.

В процессе реконструкции просопографии авторов визуальных и вербальных нарративов об опыте взаимодействия русской армии с милитаризованными пространствами Галиции и в целом Юго-Западного фронта Первой мировой были заявлены и относительно компенсированы пробелы источниковой базы. В силу отсутствия подтвержденных сведений о биографии в анализ не включены такие авторы, как Л.В. Саянский²⁷⁴ и А.А. Зарубин²⁷⁵, а также несколько солдат и унтер-офицеров²⁷⁶. Отсутствие сведений объясняется проблемами с сохранностью документов об участниках Первой мировой войны, наличием большого числа однофамильцев, в силу чего идентифицировать того или иного автора не представляется возможным. Принимая во внимание данные содержательные пробелы, в этой части работы описаны и классифицированы авторы тех нарративов, социальное происхождение и довоенный опыт которых верифицируемы. Однако основания для классификации и объединения всех авторов нарративов в те или иные категории мы проводим по принципу экстраполяции, обосновывая это наличием коммуникационных пространств и обмена военным опытом комбатантов или медицинского персонала на фронте.

Важна установленная нами взаимосвязь вербальных и визуальных повествований о военизированных ландшафтах Галиции: демократизация фототехники позволила авторам текстовых повествований дополнить их

²⁷⁴ Саянский Л.В. Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера // Великая война. 1914 г.: Сборник историко-литературных произведений / сост. Р.Г. Гагкуев. М., 2014.

²⁷⁵ Зарубин А.А. Воспоминания о первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войне // Военно-медицинский музей. ВФ-7327.

²⁷⁶ Рассказы солдат и унтер-офицеров царской армии о боевых эпизодах во время 1-й мировой войны 1914–1915 годов // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 605.

фотографическими изображениями. И, хотя в нашей источниковой базе мы имеем лишь один снимок автора дневника (медсестры Кропоткиной), выявленную тенденцию мы можем учитывать при анализе иных вербальных и визуальных материалов.

Подобранный комплекс источников отражает весьма широкую палитру классификации по поколенческому, гендерному, образовательному, профессиональному и ранговому признакам, что будет учтено при последующем анализе самих текстовых и фотографических конструкций Галиции.

Авторами вербальных и визуальных нарративов являлись представители разных *поколений*: кадровых офицеров, вольноопределяющихся и вторично мобилизованных, что позволяет отследить влияние жизненного, профессионального и военного опыта на восприятия чуждых ландшафтов Галиции и их мощнейшей милитаризации в годы Первой мировой войны. К примеру, Русско-японская война, затронувшая значительную часть русского кадрового офицерства, выступила весьма экзотическим опытом и сформировала устойчивые ожидания столкновения с чужеродной средой, которые артикулировались в индивидуальных и групповых нарративах.

Достаточно высокий *уровень образования* у большинства выявленных авторов и высокая степень начитанности позволяет предположить влияние литературных канонов довоенного периода на стиль, форму и содержание собственных повествований. Подобное предположение позволяет нам выдвинуть тезис об использовании различных форм травелогов для обработки переживаний постоянных и дальних перемещений по чуждым военизированным ландшафтам. Каноны романтической и реалистической литературы при описании войны, юношеские повествования, иллюстрированные (до)военные публикации могли повлиять на романтизацию природы, чувство ужаса от лицезрения военных разрушений, жалость к погибшим животным и т.д.

Особенности *профессиональной деятельности* на фронте влияют на ракурс восприятия происходящего и определяют специфику дискурса каждой группы. Медицинский взгляд на окружающую среду оккупированной в годы Первой мировой войны Галиции был обусловлен сформированным в довоенный период горизонтом ожиданий данной профессиональной групп: колониальный характер представлений об отсталой и даже опасной в эпидемиологическом отношении местности обуславливал стратегии санитарной культивации окружающей среды и ее населения. Маркировка местности как опасной, природы и населения как угроз жизни и здоровью различным категориям военнослужащих русской армии формировали представление о необходимости контроля над территорией посредством повсеместной дезинфекции. Масштабные задачи, структурные дефициты, невозможность противостоять эпидемиологическим угрозам в чуждой местности обуславливала среди медиков постепенное распространение особого вида профессионального цинизма, отсутствие любой эмоциональной оценки происходящему.

Включение нарративов медиков, в том числе женского взгляд на войну, три перспективы близости к местам сражений: опосредованных наблюдателей, непосредственных наблюдателей и непосредственных участников Первой мировой войны в Галиции, — предоставят возможность выявления специфики конструирования военизированных ландшафтов, определившего горизонт ожиданий, пространство опыта и коммуникативную память об этом конфликте.

ГЛАВА 2. Военизированные ландшафты Галиции в публикациях опосредованных и непосредственных наблюдателей

§ 1. Воображаемые путешествия по Галиции в русской военной пропаганде

Начало Первой мировой войны ознаменовалось первоначальными успехами русской армии в Галиции и в Восточной Пруссии. И если военные действия против Германии неоднозначно воспринимались населением Российской империи, привычным к представлениям о превосходстве немецких технологий и порядка, то освобождение славянских народов, находящихся под пятой Австро-Венгрии и Османской империи, стало прочным основанием горизонта ожиданий²⁷⁷. К тому же, вторжение на территорию населенной русинами Галиции обосновывалось преимущественно через идею исторического единства присоединяемых по праву войны территорий²⁷⁸. Тем не менее, дальнейшая успешная интеграция австрийской провинции в состав Российской империи непосредственно в условиях военного времени зависела не только от качества реализации административных и экономических мер на оккупированной территории, но и от эффективной пропагандисткой деятельности по формированию представлений населения в тылу о послевоенном будущем империи и выгод от приобретения новых территорий.

Конструирование образа Галиции как потенциального театра военных действий и воображаемое присвоение территории читающей публикой в Российской империи началось задолго до начала Первой мировой войны. Процесс получил институциональное оформление еще в 1902 г., когда было основано Галицко-русское благотворительное общество. Одним из направлений его работы стал выпуск публицистических материалов национально-консервативного славянофильского содержания,

²⁷⁷ *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918): дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

²⁷⁸ *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 9.

направленных на пропаганду интеграции австрийской провинции в состав Российской империи²⁷⁹. Политический пафос многочисленных изданий базировался на образе освободительной войны, необходимости спасения населения Галиции от австрийского гнета. Ключевыми аргументами пропагандистских материалов выступали этническое родство восточнославянских народов, куда включались галицийские русины, общность их исторического пути с Россией. Авторы настойчиво предлагали воображаемому читателю «вспомнить историю этой части исконно русской, православной земли и ознакомиться с состоянием ее в наши дни перед войной»²⁸⁰.

Однако историческая и культурная тождественность России и Галиции не являлась единственной смысловой доминантой агитационных изданий: решающим признаком родства выступила природа. Естественно-географическая риторика играла значительную роль в русской военной пропаганде в начале XX в. и тем более после начала войны. Книжный рынок Российской империи в 1914–1915 гг. заполнился брошюрами, памфлетами, конспектами публичных лекций, важную часть которых составляли описания климата, речных систем, флоры и фауны, полезных ископаемых и других природных ресурсов. Образы ландшафтов и животного мира выступали важным инструментом мобилизации национального сообщества на цели войны, далеко не всегда очевидные не только жителям русской глубинки, но и представителям просвещенных городских кругов.

Создателями нарративов военной пропаганды и колонизации выступали преимущественно ученые (географы, биологи, геологи, экономисты) и публицисты. Данное (псевдо)экспертное знание, обличенное в научную риторику и художественные образы, сформировало горизонт

²⁷⁹ Бахтурина А.Ю. Галицко-русское благотворительное общество и галицкие «москвофилы» в начале XX в. // Труды Историко-архивного института. М., 2014. Т. 40. С. 17–28.

²⁸⁰ Бурчак Л.И. Галиция, ее прошлое и настоящее. М., 1914. С. 1.

ожиданий комбатантов русской армии и тылового населения по отношению к целям России в мировой войне и ведущимся военным действиям, а также непосредственные поведенческие практики войны и оккупации. Более того, описание милитаризированных пространств Галиции в пропаганде оказало влияние на коммеморацию событий Первой мировой войны в советской и эмигрантской публицистике, на подготовку к будущему вооруженному конфликту. В данном параграфе предполагается выявить специфику конструирования военных ландшафтов Галиции до и в ходе Первой мировой войны, формирование ментальных карт оккупированной местности, использования образа природы в целях военной пропаганды и духовной мобилизации населения Российской империи.

Авторы многочисленных пропагандистских брошюр предлагали читателям возможность совершить воображаемые путешествия по Галиции. В публицистических материалах окружающая среда австрийской провинции представлялась читателю признаком сходства с привычными для него природой и ландшафтом. С помощью подобных образов присоединенные территории лишались угрожающего и враждебного характера, им приписывалась безопасность и ощущение родства: «Кажется, что как только перейдешь границу, так сейчас же все даст почувствовать, что ты в другой стране, среди чужих людей. Эти ожидания и представления никак уж не оправдаются ... всюду будет знакомый пейзаж, несколько не чуждые нам фигуры и обличья людей и понятный говор. Разве уж вглубь края заберетесь и засинеют перед вами громады Карпат, тогда только заметите, что попали к соседям»²⁸¹.

Через конструирование ментальной карты Галиции укреплялась лояльность читателей по отношению к новой провинции. Топонимика представлялись неопровержимым доказательством необходимости интеграции новой территории в империю: «Путешествуя по Карпатским

²⁸¹ Бурчак Л.И. Указ. соч. С. 5.

горам, русский человек будет повсюду наткаться на свое, на родное. Как приятно будут ласкать его слух родственные названия гор...»²⁸². Представляемая авторами семантическая близость названий природных объектов вполне может трактоваться как попытка «изобретения традиций»²⁸³: «Карпаты — это единственный горный хребет русской земли, где почти все названия гор и холмов, рек и долин звучат по-родному, где каждая травка и каждый кустик обвеяны воспоминаниями нашего племени»²⁸⁴. При этом этимология названий некоторых мест подвергалась искусственной руссификации: вместо признания польских корней в «именах» рек и горных хребтов им приписывалось восточнославянское происхождение.

Материальность тектонической структуры Восточноевропейской равнины в пропагандистской интерпретации превратилась в аргумент географической легитимации присоединения Галиции: «Все пространство на севере Карпат можно считать равниной, принадлежащей к обширной русской низменности»²⁸⁵. Именно карпатские перевалы объявлялись истинным рубежом русских территорий: «...Естественная граница Галиции только на юге — Карпаты. Граница же ее с Россией — чисто условная, не оправданная естественными данными»²⁸⁶. Подобная аргументация рефреном повторяется во многих изданиях: «Эта область — часть великой европейской равнины, лежащей между Балтийским и Черным морем. Таким образом, по устройству поверхности она является естественным продолжением нашей русской территории»²⁸⁷. Естественно-географические особенности территории Галиции превращались в главное обоснование ее противоположности Австро-Венгрии: «Галиция с севера и с северо-востока не богата естественными границами. Со стороны России ее отделяет на большом протяжении условная

²⁸² *Вергун Д.Н.* Что такое Галиция? Пг., 1915. С. 54.

²⁸³ *Hobsbawm E.* Terence Ranger: The Invention of Tradition. Cambridge, 1992.

²⁸⁴ *Вергун Д.Н.* Указ. соч. С. 54.

²⁸⁵ *Бурчак Л.И.* Указ. соч. С. 6.

²⁸⁶ *Зубковский В.* Галиция. Харьков, 1914. С. 3.

²⁸⁷ *Муринов И.* Галичина. М., 1915. С. 1.

граница; лишь со стороны Подольской губернии Галицию отделяет от России река Збруч, а от Царства Польского-верхнее течение Вислы. Южная и юго-западная границы тянутся по гребню Карпатских гор и представляют естественную границу»²⁸⁸.

В отличие от военной реальности публицистические описания горных пейзажей абсолютно лишены какой-либо серьезной угрозы: «Западная часть Карпатских гор (Татры), самая живописная, покрыта лесом и изобилует множеством уютных долин, ущелий, горных рек и привлекает много туристов»²⁸⁹. Даже непроходимые горные чащи представлялись как часть волшебной сказки: «И в летнюю пору отличается девственный Карпатский лес дивною красотой, когда густые серые тучи затянут небосвод, висят над долинами и окутывают вершины гор синим туманом, когда мрак лег всюду, а горы дымят, как будто кто-то затопил тысячи очагов..»²⁹⁰. Читателям настойчиво предлагалось совершить увлекательное турне по буколическим речным и лесным пейзажам: «Величественные пихты, вышиною до 60 саж., толщиной до сажени, подымают свои зеленые пирамиды вверх над скалистыми обрывами... Буйный кустарник покрывает опушки, в густом бору едва кое-где покажется мох на скалистой почве, застланной засохшими частицами земли»²⁹¹. Конструируемые образы живописного пространства не рассматриваются в качестве места ожесточенных боев, потенциальные стратегические и тактические трудности, связанные, к примеру, с войной в горах, исключаются из повествования.

Обоснованием перемещения государственной границы в западном направлении выступало отсутствие природных препятствий между территориями России и Галиции: «К северу и северо-востоку эта предкарпатская страна не имеет естественных границ, а является прямым

²⁸⁸ *Фещенко-Чоповский И.* Промышленность и природные богатства Галиции. Киев, 1915. С. 5.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ *Зубковский В.* Галиция. Харьков, 1914. С. 9.

²⁹¹ Там же.

продолжением восточно-европейской равнины, все главнейшие особенности которой отчетливо выражены и вдоль подножия Карпат. И причины равнинности здесь те же, что и в России»²⁹². Именно отсутствие естественных преград ставило под вопрос правильность векового разделения территорий между государствами: «Разъединенное политически русское население Австро-Венгрии представляет одну географическую полосу, которая непосредственно примыкает на востоке к Холмской, Волынской, Подольской и Бессарабской губерниям. Таким образом, никаких географических препятствий для полного соединения русского племени мы здесь не находим»²⁹³. В подобных цитатах границы, установленные самой природой, признавались более легитимными, чем ошибочные исторические решения, присоединившие конкретные территории к государствам по политическим или иным мотивам.

Помимо особенностей рельефа, основанием «естественного продолжения» территории Российской империи на юго-запад авторам брошюр представлялась речная сеть провинции: «Все главные реки Галиции принадлежат ей лишь верховьями и затем входят в пределы России, чтобы там превратиться в большие судоходные артерии. В пределах же Галиции эти реки, за исключением Вислы, являются лишь сплавными»²⁹⁴. В материалах пропаганды речные угодья Галиции признаются незавершенными в своем австрийском варианте: функциональное значение они приобретают только в единстве со своими русскими частями.

Естественно-географическое и происходящее из него почвенное единство находило свое отражение, по мнению пропагандистских публикаций, в схожести хозяйственной специализации Галиции и западных российских регионов: «Галиция — естественное географическое и этнографическое продолжение нашего Юго-Западного края (Волынской и

²⁹² Танфильев Г. И. Галиция и Буковина: Географический очерк. Одесса, 1915. С. 5.

²⁹³ Погодин А.Л. Зарубежная Русь. Пг., 1915. С. 7.

²⁹⁴ Зубковский В. Указ. соч. С. 8.

Каменец-Подольской губернии). Примыкающие к русской границе части Галиции (Полесье, Ополе и Подолье) в почвенном и хозяйственном отношении вполне соответствуют соседним с ними русским губерниям»²⁹⁵.

Анализ изданий Галицко-русского общества и других публикаций демонстрирует, что важным инструментом мобилизации населения на цели войны выступали апелляция к родственности природных сред России и Галиции, провозглашение идентичности и неразрывность лесных, степных, речных ландшафтов. Общий повествовательный посыл дополнялся средствами художественной выразительности: рефреном, множественными однородными дополнениями, призванными закрепить желаемые интерпретации естественного родства империи и провинции через следующие образы:

— соседних регионов, разделенных искусственной политической границей вопреки естественным данным: «В восточной Галиции область распространения лесса также одета черноземом, ничем существенным не отличающимся от чернозема соседних с Галицией частей Подольской губернии»²⁹⁶, «Холмистые поля; луга и лужайки; небольшие речки, окаймленные густым лозняком; чернолесье или темно-зеленая хвоя, села с неизменною вишнею и тянущимися к небу тополями... Ничего особенно примечательного. Ландшафт, сильно напоминающий Волынский или Подольский»²⁹⁷;

— единства природных сред: «Как и у нас, степи изрезаны в Галиции обширную сетью оврагов ... Как и у нас, обширные междуречные пространства обыкновенно заняты полями и редко имеют селения, которые, как и у нас, расположены большею частью по берегам речек и рек»²⁹⁸;

— схожести флоры и фауны: «В общем больших уклонений от флоры нашего Юго-западного края и Подолии нет, равно как не замечается этих

²⁹⁵ Уланов В.Я. Галиция в ее прошлом и настоящем. М., 1914. С. 2.

²⁹⁶ Танфильев Г.И. Указ. соч. С. 11.

²⁹⁷ Кусницкий Л. Червонная Русь (Галиция). М., 1914. С. 3.

²⁹⁸ Танфильев Г.И. Указ. соч. С. 12.

уклонений и в царстве животном. В горах — медведи, рыси, дикие кошки, олени; на равнинах — волки, барсуки, кабаны...»²⁹⁹.

Необходимость духовного сплочения в рамках пространства, отграниченного от населенных немцами и венграми территорий, обосновывалась и через неразрывную связь новой провинции с биографией русской нации: «Чем же должна быть родною нам эта Галиция? Как взрослому бывает дорога колыбель, в которой его нянчили, так нам должны быть интересны те Карпатские горы, где стояла «колыска» нашего народа, откуда, по мнению ученых «русская земля пошла есть»»³⁰⁰. Метафоричное усиление аргументации автора достигается здесь за счет воображаемой незыблемости и неизменности карпатских твердынь, а геополитический подтекст формируется через местоположение горного хребта и тем самым колыбели восточных славян в центре Европы. Русские читатели призывались вернуться к своим истокам, но уже как переросшая свою колыбель, умудренная опытом, созревшая нация.

В публицистических работах, мотивировавших население на войну, систематически формировалось представление о Галиции как о плодородном крае, природные ресурсы которого имеют значительный экономический потенциал: «Условия торгового развития Галиции нельзя не признать прямо блестящими»³⁰¹. Детально описывалось богатство залежей полезных ископаемых: «Минеральными богатствами отличается северо-западный угол Галиции: здесь находятся залежи цинковой руды, свинцовой, железной, серной; довольно велики залежи каменного угля»³⁰². Не только подземные, но и наземные ресурсы оценивались с точки зрения экономического прироста от интеграции этой территории в структуры империи: «Галиция имеет плодородную почву, разнообразную флору, много лесов — лучших в

²⁹⁹ Бурчак Л.И. Указ. соч. С. 8.

³⁰⁰ Вергун Д.Н. Указ. соч. С. 54.

³⁰¹ Там же. С. 59.

³⁰² Уланов В.Я. Указ. соч. С. 10.

Европе...»³⁰³, «Галиция обладает большим количеством минеральных источников: щелочных (Буркут), углекислых, железисто-борных (Крыница, Трускавец), радиоактивных (Щавница), йодобромных (Рабко, Дыманив), серных (Люблин-Великий, Немиров) и климатических станций»³⁰⁴. Не остался без внимания и рекреационный потенциал природы Галиции: «По обоим склонам Карпат имеется целый ряд минеральных источников, пользование которыми давно уже налажено. Лечебные места, как Шавница, Криница, Ивонич, Дорна-Ватра и др. стяжали себе известность в Средней Европе»³⁰⁵. Созданная на основе природных ресурсов инфраструктура противопоставлялась излюбленным традиционной русской элитой, но недоступным в ситуации войны, западноевропейским лечебницам: «Курорты Галиции недороги, благоустроены, расположены в большинстве случаев в живописных местностях и вполне заслуживают внимания»³⁰⁶.

Нередко описание природных ресурсов содержало прогнозирование будущих экономических успехов Галиции уже в составе Российской империи: «Значительные минеральные богатства края должны бы обуславливать довольно развитую горно-заводскую промышленность», «Галиция имеет данные развить в будущем значительную каменноугольную промышленность»³⁰⁷.

* * *

Горизонт ожидания русской общественности по отношению к Первой мировой войне формировался под влиянием научно-популярных публикаций университетской профессуры, разделявшей русофильские взгляды на историю австрийской провинции, и предлагавшей читателю совершить «воображаемое путешествие» по Галиции. В русской военной пропаганде признавалось не только общее прошлое России и Галиции, но и единство пространственных

³⁰³ *Фещенко-Чоповский И.* Указ. соч. С. 5.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ *Вергун Д.Н.* Указ. соч. С. 54.

³⁰⁶ *Фещенко-Чоповский И.* Указ. соч. С. 16.

³⁰⁷ Там же. С. 12–14.

измерений, неестественность разделения родственных природных сред, а через формирование ментальных карт провозглашалось и потенциальное общее будущее. Территория провинции, особенно восточной ее части, позитивно описывалась в публицистических материалах и искусственно отделялась от враждебной местности проживания австрийских немцев и венгров, в том числе через естественную границу — Карпатские горы. Наряду с многочисленными апелляциями к этническому и конфессиональному фактору в агитационных изданиях принадлежность местности постулировалась через пространственно-экологическое измерение.

Природа и ландшафты предназначенной к включению в структуры империи территории приобрели в материалах пропагандистских публикациях важное значение и выполняли сразу несколько функций: оправдание целей войны, поддержание духовной мобилизации общества, нагнетание эйфории интеграции в глазах не только публики, но и потенциальных предпринимателей. Естественно-географическая аргументация позволила заново сконструировать пространство Галиции в воображении тылового читателя: поставить под вопрос политические границы, не совпадающие с естественными объектами в виде рек, речных долин и гор, продлить территории проживания «русского» населения по тектоническим признакам до Венгерской равнины, руссифицировать польскую по своей этимологии топонимику. Через речевые приемы Галиция была лишена самостоятельности, ей была приписана изначально подчиненная роль продолжения (зеркального отражения) основной (русской) части рельефа, речных бассейнов, животного мира.

Безопасная дистанция, на которой публицисты и пропагандисты как опосредованные наблюдатели находились по отношению к театру военных действий, позволяла им приглашать своего читателя в столь же безопасное воображаемое путешествие по богатым в природном, ресурсном и хозяйственном отношении потенциальным русским территориям. Как показывает анализ источников, к примеру, письма Степуна, подобные

конструкции оказали очень сильное воздействие на горизонт ожидания будущих комбатантов, практически дословно воспроизводившим пропагандистские обороты в своих нарративах. И тем разительнее выглядят отличия риторики воображаемых путешествий от восприятия милитаризированных ландшафтов Галиции из непосредственной близости маневренной войны.

§ 2. Война и природа Галиции в заметках военных корреспондентов

Помимо публицистических материалов, создававшихся славянофильскими пропагандистами в виде самостоятельных научно-популярных изданий, транслировавших читающей общественности цели борьбы за Галицию и экономические выгоды присоединения ее территории, жители Российской империи получали информацию о положении дел на Юго-Западном фронте через периодические издания с их новостной повесткой. Крупные газеты и журналы, например, «Биржевые ведомости», «Речь», «Русское слово», и «Русские ведомости» направляли на фронт своих корреспондентов. Их допуск на линию фронта и нарративизация войны в печатных изданиях осуществлялись на основе «Положения о военных корреспондентах в военное время» (1912), согласно которому в период ведения боевых действий в действующей армии могло пребывать не более 20 корреспондентов³⁰⁸. Помимо заметок о положении на фронтах на страницах периодической печати в свет выходили и отдельные издания в авторстве корреспондентов, созданные в жанре путевого дневника и отражающие непосредственные впечатления о длительном пребывании в ландшафтах смерти.

Ярким примером выступают публикации А.Н. Толстого (1883–1945), объединенные под одной обложкой описания его военных путешествий по разным странам и регионам. В 1914 г. писатель посетил оккупированную

³⁰⁸ Положения о военных корреспондентах в военное время, 1912 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 78–84.

русскими войсками Галицию в качестве журналиста газеты «Русские ведомости»³⁰⁹. Та же схема травелога лежала в основе военных заметок журналиста А.С. Панкратова (1872–1922)³¹⁰, в которых автор описывает свои впечатления о перемещении по Галиции вслед за русской армией, охватывая период от завоевания Львова до отступления в 1915 г. (включая переход реки Сан, осаду Перемышля и бои за Карпаты) и путевых заметок в дневниках М.М. Пришвина (1873–1954), также работавшего военным корреспондентом газет «Русские ведомости» и «Речь» на территории Галиции в осень 1914 г. и весной 1915 г. Опыт непосредственного пребывания в милитаризованном пространстве накладывает неизгладимый отпечаток на средства художественной нарративизации военизированных ландшафтов и описания фронтовой действительности. Подчиняясь литературным канонам, тексты фронтовых корреспондентов постепенно лишаются стерильности и обезличенности, характерной для опосредованных наблюдателей. Включенное наблюдение создало в итоге иные модели конструирования военизированных ландшафтов Галиции.

Нарративам военных корреспондентов, созданным на основе реального пребывания в Галиции вместе с действующей армией, свойственно «туристическое» восприятие окружающей среды и природы: «Версты четыре мы ехали частью домами местечка Волочиск, частью полями и так прибыли на границу России и Австрии: граница естественная, речка, направо широкая — пруд, мельница, налево ручеек и в нем удильщики, как будто и не бывало войны, удят рыбу. Наш столб, австрийский столб, сломанная «рогатка», сломанная граница, и мы в завоеванной стране»³¹¹. Помимо динамики продвижения по территории в описаниях отражено традиционное для нарративов русских путешественников подчеркнутое внимание к красоте и

³⁰⁹ Толстой А.Н. Указ. соч.

³¹⁰ Панкратов А.С. Кровавое зарево. Ярославль, 1915.

³¹¹ Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. Книга первая.

ухоженности заграничных ландшафтов: «Дороги прекрасны и живописны, плотины и дамбы обсажены ивами, ровно наклоненными направо и налево»³¹².

В записях Д. Корсунского настойчиво воспроизводится проанализированное выше отрицание естественно-физической границы между Российской и Австро-Венгерской империями: «Мы отыскиваем ее, эту черту еще недавней обособленности двух государств, величайших государств Европы — России и Австро-Венгрии. Ее нет. Стерты и уничтожены все ее признаки. Она существует только военно-юридически ... Может быть пока нет никакой разниц между русскими пейзажами, по которым мы проезжали ранее и галицийскими»³¹³. Записи Пришвина также демонстрируют усвоенность военными корреспондентами пропагандистского дискурса, автор воспринимает и описывает пограничные с Россией территории Галиции как идентичные по характеру местности и типу почвы, не пострадавшие от военных действий: «Чем дальше, тем озими меньше, у Тарнополя еще только что взошли, пейзаж — чернозем, взволнованная русская губерния. Следов боя нет, только у самого Тарнополя у дорог братские могилы, убранные цветами»³¹⁴. И только Толстой подчеркивает неоднородность территории, ее разделение на отдельные части по природному, этническому и экономическому признакам: «Там, на севере Галиции, — скудная земля, частые, убогие деревеньки, глухое, забитое население. На юг же от Львова, у подножия Карпат, лежат промышленные районы, богатые города и горные курорты. Да и война здесь не столь жестока; только в Николаеве да в Старом Самборе я видел разрушенные дома»³¹⁵. Хотя и его первоначальный нарратив встраивается в пропагандистские представления о провинции, намеренно лишенной внимания и административных усилий венских властей. Именно у него мы находим описание галицийских нефтяных месторождений не как сосредоточие будущего экономического потенциала Российской империи, а

³¹² Толстой А.Н. Указ. соч. С. 179.

³¹³ Корсунский Д. Из поездки в Галицию. Нахичевань, 1915. С. 9.

³¹⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. Книга первая.

³¹⁵ Толстой А.Н. Указ. соч. С. 217.

как проявление повсеместного загрязнения природы, свидетельство нерадивого хозяйствования австрийцев: «У подножия и по склонам Карпат раскинулся грязный, черный Борислав. Деревянные квадратные, как обелиски, нефтяные башни торчат повсюду, где только можно приткнуться; их несколько тысяч. Нефтью покрыто все дно обмелевшей широкой речки с торчащими, словно обугленными, сваями; нефтью пропитана глубокая грязь на улице, деревянные, гнилые тротуары; нефтью и грязью забрызганы облупленные стены низеньких домишек ... и вдоль этих одноэтажных прогнивших домиков по грязи и нефти движется густая, такая же черная и грязная, толпа»³¹⁶. Создавая образ провинции, где венские власти намеренно поддерживали нищету и запустение, корреспонденты, например, Пришвин, охотно прибегали к антисемитским по своему характеру описаниям мест проживания еврейского меньшинства Галиции: «Местечко обыкновенное, грязное местечко юго-запада, где ютится всякая еврейская беднота»³¹⁷.

Тем не менее, нарратив военных корреспондентов, побывавших на местах боев и на оккупированных территориях, постепенно начинает отличаться от массива пропагандистских публикаций. Несмотря на военную цензуру, в этих текстах более четко и наглядно отражена военная действительность, ее последствия для окружающей среды, животного мира и самого человека. Исходным тезисом для нас является предположение, что нарративный поворот в описании военизированных ландшафтов Галиции произошел под воздействием потока визуальных образов с фронта, логики развития иллюстрированной периодической печати в предшествующий период, а также под влиянием пацифистских по своему характеру произведений творческих деятелей в Российской империи (например, Л. Толстого, А. Верещагина).

Сложившаяся еще в довоенные годы традиция иллюстрированных изданий способствовала возникновению у читающей публикой ожидания

³¹⁶ Толстой А.Н. Указ. соч. С. 219.

³¹⁷ Пришвин М.М. На братскую линию. Бой махорки с консервами // Речь. 1914. № 296. С. 2.

аутентичных образов с мест событий, отражения их такими, «какими они были на самом деле»³¹⁸. Создававшиеся военными корреспондентами тексты, претендовавшие на отражение истинного положения дел, не могли противоречить этой тенденции, скорее, они вписывались в новые эстетические конвенции описания войны. И природа здесь становилась фактором смягчения эффекта и преодоления цензуры — перенос акцента на разрушения окружающей среды и гибель природы позволял авторам текстов рассказать об ужасах войны без противоречий с визуальными образами и ограничениями цензурных норм.

Пребывание авторов на линии фронта не только изменило парадные образы пропаганды (живописная природа, горные пейзажи, полезные ископаемые) и отразилось на специфике описания окружающей среды, но и потребовало включения в нарратив очевидных примет военного времени: разрушений гражданских и военных сооружений, загрязнения окружающей среды техническими отходами, деформации пространства при строительстве укреплений, повсеместных завалов останков людей и животных: «По обе стороны дороги — картина разрушения. Сгорели громадное депо и мастерские. Остались железные балки, искривленные и порыжевшие. Сгорела даже маленькая стрелочная будка, торчавшая между рельсовых путей. От нее остались фундамент и несколько опаленных досок»³¹⁹. Цензурные ограничения не исключали свидетельств о разрушениях инфраструктуры и транспортной сети: «Мы проехали мост. Одна половина его (русская) была взорвана и беспомощно висела над рекой на громадной высоте. А другая (австрийская) цела. По ней мы и ехали»³²⁰.

Журналистские заметки Пришвина фиксируют не только непосредственное влияние боевых действий и прямого столкновения противников на окружающую среду, но и целенаправленное разрушение

³¹⁸ Paul G. Bilder des Krieges. Krieg der Bilder. Die Visualisierung des modernen Krieges. Paderborn, 2004. S. 107.

³¹⁹ Панкратов А.С. Указ. соч. С. 6.

³²⁰ Там же. С. 7.

инфраструктуры и уничтожение продовольствия обеими отступающими армиями: «Дальше дома этой несчастной деревни были вовсе разрушены: отступая, австрийцы, не жалея, стреляли по своей же деревне; при свете звезд в полной тишине эти пахнувшие гарью развалины щемили душу невыразимо»³²¹. Автор подчеркивает, однако, что политика опустошения реализовывалась на местности всеми армиями: «Таможня, водочка и несколько других казенных зданий, взорванных нами при первом известии о наступлении австрийцев, от взрыва погибло множество сельскохозяйственных орудий»³²².

При этом, тактика уничтожения антропогенных объектов русской армией, отступающей из Перемышля, представлялась без особой эмоционализации, как воплощение рациональности и порядка: «Ночью воздух был потрясен страшными взрывами, которые были слышны за шестьдесят верст... Взрывали склады амуниции крепостные магазины, форты. Пироксилиновыми шашками взрывали пушки, отрывали у них казенные части, делали негодными, снимали замки. Часть пушек была сброшены в реку Сан. Взорвали блиндированный поезд. У речки Вихоры сожгли оставшиеся аэропланы. Наконец, рухнули взорванные мосты, всего пять: два — через речку Вихору, три — через Сан. Ила взрыва была так велика, что все дома на набережной обеих рек остались без стекол. Весь город, все форты покрылись дымом»³²³. Описания сходных по своему целеполаганию действий противника использовались как средство ужесточения образа врага, его демонизации особенно способствует описание беспричинной жестокости при уничтожении лошадей: «...Мы, люди, бьем друг друга — это так. Но чем виноваты несчастные животные?... Мерзавцы! Последний эпитет относился к австрийцам. Они совершили это варварство перед сдачей. Вывели оставшихся кавалерийских лошадей и перестреляли, чтобы не достались русским»³²⁴.

³²¹ *Пришвин М.М.* На братскую линию. Бой махорки с консервами. С. 2.

³²² *Он же.* Дневники. 1914–1917. Книга первая.

³²³ *Панкратов А.С.* Указ. соч. С. 188.

³²⁴ *Там же.* С. 196.

Заметки о пребывании корреспондентов в оккупированной Галиции фиксируют возникновение особого вида милитаризированной окружающей среды, трансформированной с помощью уплотненной фортификации, воздействия осадной артиллерии на ландшафты, намеренных разрушений технических объектов при отступлениях обеих армий: «Николаев — небольшой городок с чрезвычайно сильными позициями, расположенными в горах, за колючими проволоками; мост взорван...»³²⁵. Множественные и разветвленные линии укреплений возникали по мере продвижения русской армии по территории противника. И, несмотря на маневренный характер военных действий и стремительные многокилометровые марши, окопы разной глубины и обустроенности превратились в неотъемлемый признак охваченной боями местности: «От насыпи по обе стороны разбегаются окопы, извиваясь по полю змеей»³²⁶. Исходя из описаний военных корреспондентов, для которых в укреплениях отсутствовали элементы системного планирования и понятной обычному человеку логики, материалы для обустройства окопов заимствовались из когда-то мирных и теперь разрушенных войной пространств галицийских деревень и городов: «Все бока полотна дороги, весь низ горы, около которой вился железнодорожный путь, усеян самыми разнохарактерными окопами: от простых, в которых еле поместишь голову, до крепких блиндажей, на крышку которых были употреблены двери домов, оконные рамы, доски мостов, и т.п. Окоп на окопе. Удивительно это хитросплетение ходов и переходов, извилин»³²⁷.

В отличие от военных пропагандистов метафора границы в текстах корреспондентов служит не для обоснования принадлежности территории, а для обозначения перехода из мирного пространства в угрожающее «ничто» военного ландшафт (К. Левин) или в область беспощадного уничтожения: «Какие-то колышки. Проволочные заграждения, форт. Четыре ряда

³²⁵ Толстой А.Н. Указ. соч. С. 217.

³²⁶ Панкратов А.С. Указ. соч. С. 46.

³²⁷ Там же. С. 122.

проволами, проход — там траншеи, патроны, бетонная избушка. Тут *мертвое пространство*³²⁸. Следы войны и опустошения видны повсюду: «Гарнополь — взорванные казармы, следы пуль. Город как город, но вот по движению этих странных кучек людей на улице вдруг догадываешься, что пусты дома»³²⁹. Авторы регистрируют частотность проявлений признаков военного времени, преобладание в пространствах разрушений или, напротив, свидетельств отсутствия войны: «Картин разрушения мы пока не встречали за исключением двух-трех сгоревших домов. Над всем царит успокоенное биение жизни и приветливо играет солнце»³³⁰.

Техника уничтожения, которой были наполнены милитаризированные ландшафты, сравнивались с различными категориями животных, чаще — с неведомыми чудовищами: «Горы застланы лиловым сумраком, который постепенно переходит в злоеший мрак. Но в темноте нет покоя, — не погасла жизнь. По-прежнему бешено, хотя и редко, рвутся чудовища, и бурей разносится их рев»³³¹. Реагируя на анонимизацию военных действий, когда смерть подстерегала воюющих не столько в ближнем бою, сколько из неопределенной дистанции винтовочного выстрела или артиллерийского залпа, корреспонденты выражали происходящее через обезчеловечивание новых механизмов, анонимизировавших саму смерть на войне: «Звук снаряда ... ревет на все ущелье, словно раненое, слепое железное чудовище, и снаряд с остервенением ревет землю и людей, мешая грязь с человеческой кровью»³³². В сравнении с крупнокалиберными пушками Толстой представляет пулемет «как ядовитое, серенькое насекомое, попавшее в комнату, полную народа; все знают, что оно здесь, и ждут, чтобы пискнуло, и кидаются на писк, чтобы раздавить его...»³³³.

³²⁸ *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. Книга первая.

³²⁹ Там же.

³³⁰ *Корсунский Д.* Указ. соч. С. 10

³³¹ *Панкратов А.С.* Указ. соч. С. 216.

³³² Там же. С. 128.

³³³ *Толстой А.Н.* Указ. соч. С. 215.

В повествованиях о военизированных ландшафтах корреспонденты стремились нарисовать эпичную картину происходящего и донести до читателя невиданный ранее масштаб нового типа военных действий. С одной стороны, при подборе рамок и риторики описания, авторы использовали привычные метафоры работы человека над местностью: «Поля вспаханы снарядами...»³³⁴. С другой, подчеркивали, что результаты данной работы разрушительны, неплодотворны и бессмысленно терзают первозданную природу: «...вся земля вокруг была истыкана, изодрана, покрыта стальными осколками»³³⁵. Огромный ущерб был нанесен не только почве, но и растительности: «Все деревья у дороги порублены; голые, огромные их стволы валяются на пашне»³³⁶. Можно предположить, что подобные описания не являлись преувеличением и только риторическими приемами, а действительно отражали эмоциональные впечатления самих свидетелей при контакте с пространствами войны и оккупации: «Лес скошен снарядами. Даже когда шрапнель летела через большие строевые деревья, то и тогда ломала деревья вверх»³³⁷. Информативными для современных экологических исследований являются описания возникновения вторичных биотопов на местах сражений: «Видел я поля, покрытые большими ямами от бризантных снарядов, теперь залитыми водой; однажды все поле было покрыто озерками, словно большими глазами»³³⁸.

На этапе первых военных поражений весны 1915 г. и начала отступления русской армии с территории Галиции в военной корреспонденции все чаще появлялись критические осмысления феномена войны. Через образ военизированных людьми пространств и пострадавшей природы война приобретает истинный облик, отличный от идеализированной картины воссоединения «утраченной» провинции с Российской империей. В

³³⁴ Панкратов А.С. Указ. соч. С. 180.

³³⁵ Толстой А.Н. Указ. соч. С. 225.

³³⁶ Там же. С. 190.

³³⁷ Панкратов А.С. Указ. соч. С. 89.

³³⁸ Пришвин М. На братскую линию. Птицы // Речь. 1914. № 293. С. 2.

условиях военных неудач процветающая и живописная местность, воспетая военной пропагандой, превратилась в текстах публицистов в «загрязненный»³³⁹ обломками оружия, порохом, человеческими и животными останками ландшафт: «Земля взрыта на протяжении многих верст, — от села Скурахова до Сана и далее, за Саном. На поблекшей зелени луга чернели, как могилы, ямы. Это рвались снаряды и в злобе бороздили землю. Висела оборванная телеграфная проволока, валялись телеграфные столбы. Около железнодорожной насыпи навалены целыми ящиками обоймы с патронами. Тут же осколки снарядов. Наш шрапнельный стакан с развороченными краями, медные австрийские стаканы, коробки от консервов, рваные австрийские башмаки, ранцы из телячьей кожи, клочки бумаги из какого-то разбитого австрийского архива. По полю разбросаны сломанные и увязшие в грязи зарядные ящики»³⁴⁰. Естественная нетронутость природы сменяется описаниями плотного присутствия в присоединенных пространствах военной техники и ее отходов, что полностью совпадает с визуальными свидетельствами о войне и подтверждает выдвинутый выше тезис о взаимопроникновении вербальных и визуальных нарративов.

Негативную трансформацию претерпевает и описывавшийся до этого в экзотических терминах образ Карпат. Пребывание в условиях горной местности высвечивает иную перспективу в описаниях непосредственных наблюдателей войны на этом участке фронта. Синева скалистых гор теряет свою романтичность и становится смертельной угрозой: «В Вышнево-Синево-Синево-Синево-Синево Карпаты висят над нами ответными скалами и готовы раздавить». Горы превращаются в антропоморфизированную силу, приобретают персонифицированные черты: «Карпаты начинают к нам сразу и быстро приближаться. Окружают, коварные, с обеих сторон. Заманили нас в западню и теперь думают задушить в ущелье»³⁴¹, «Горы раздвинулись и заманили нас

³³⁹ *Peeples J.A.* Toxic Sublime: Imaging Contaminated Landscapes // *Environmental Communication*. 2011. Vol. 5(4). P. 373–392.

³⁴⁰ *Панкратов А.С.* Указ. соч. С. 45.

³⁴¹ Там же. С. 227.

к себе, а потом закрыли все выходы и бросили в котел, обложив все огнем»³⁴², «Карпаты-обманщики пугали нас призраками. Мы слышали выстрелы кругом себя, а самая сильная канонада раздавалась в той стороне, куда мы ехали»³⁴³. Коварство, обман, предательство — все эти человеческие качества приписывались горному хребту, приравненному к истинному врагу или даже превосходившему его.

Новым сюжетом вербальных нарративов непосредственных наблюдателей, который был порожден фронтовой действительностью и свидетельствовал об ослаблении цензурных рамок военного повествования, стала гибель людей и животных. В ситуации вынужденного отступления пространства наполнялись образами массовой смерти. Тем не менее, авторы не заставляют своего читателя противостоять описаниям убитых людей, заменяя их метафорами непогребенных останков животного мира: «В лесу дорога стала ухабистее и тяжелее, и сейчас же вдоль нее в глубоких канавах мы стали считать застывшие трупы лошадей; но их было столько, что мы оставили это занятие. ... На ветвях еще виднеются обрывки одежды; повсюду окопы, следы бивуаков и торчащая вытянутыми ногами конская падаль»³⁴⁴. Вводя в описание словосочетание «обрывки одежды», Толстой дает понять внимательному читателю, что та же участь постигла в этой местности и сражающихся людей.

Дороги и поля Галиции с рубежа 1914–1915 г. оказались буквально усеяны плохо погребенными телами погибших. Многочисленные свидетельства корреспондентов фиксировали страшную и весьма распространенную картину торчащих из земли останков, которые нельзя было качественно захоронить в условиях зимы и продолжающихся военных действий: «Трупы еще лежат. Не было времени их подобрать. Мела метель и похоронила их под снегом. Торчат лишь руки, ноги, головы. Все кладбище

³⁴² Панкратов А.С. Указ. соч. С. 119.

³⁴³ Там же. С. 129.

³⁴⁴ Толстой А.Н. Указ. соч. С. 191.

замерзло, обледенело и перестало быть страшным»³⁴⁵. Ненадлежащим образом оформленные захоронения после таяния снегов представляли и эпидемиологическую угрозу: «Когда санитары пришли подбирать трупы, то оказалось, что ни трупов, ни окопов не видать, — за ночь выпал густой снег и похоронил мертвецов. Засыпали землей, кого заметили. Трупы лежали под снегом всю зиму, а с весной открылись и стали издавать запах»³⁴⁶.

Образ погибших животных и повсеместности присутствия их незахороненных останков появлялся в текстах фронтовых корреспондентов достаточно часто: «Около полотна дороги, по карьере и далее по полю валяются трупы лошадей. Головы их в засохшей луже крови. Бока вскрыты и поражают своим ужасным кровавым видом. У многих лошадей вырваны внутренности. Сотни трупов. Лежат они друг около друга: белые, черные, черные, коричневые... И все поднимают в душе одно чувство: жалость»³⁴⁷. Эмоционально нагруженные описания гибели и страданий животных авторы использовали в качестве иносказания для описания гибели всего живого, в том числе людей, в военизированных ландшафтах: «В канавах все больше и больше виднелось трупов лошадей, замученных в обозах, павших в пути. Я помню одного жеребенка, брошенного на погибель: стоит неподвижно возле зелени с полузакрытыми глазами, покачивается и опять стоит по-прежнему с одной подогнутой ногой; мы почти час спускались и поднимались, когда поднялись наверх, я посмотрел: он лежал, вытянув ноги, пал»³⁴⁸.

В материалах военных корреспондентов детально описывалось загрязнение естественных объектов (почвы, водоемов) военными отходами: «В Сан была брошена два дня назад масса ружей, револьверов, сабель патронов, сумок. Бросали, чтобы не досталось русским. В одном месте из воды виднелся ствол пушки»³⁴⁹. Но не только вынужденно затопленное оружие, но

³⁴⁵ Толстой А.Н. Указ. соч. С. 168.

³⁴⁶ Там же. С. 218.

³⁴⁷ Там же. С. 195.

³⁴⁸ Пришивин М.М. На братскую линию. Бой махорки с консервами. С. 2.

³⁴⁹ Панкратов А.С. Указ. соч. С. 203.

и человеческие останки во множестве оказывались на дне водоемов в случае артиллерийского обстрела мостов и переправ: «По сторонам плотины в воде и в камышах валялись окровавленные носилки, разбитые зарядные ящики, жестянки из-под пуль, ранцы, обрывки платья»³⁵⁰. Обилие отходов подчеркивало хаотичный характер боевых действий, которые не позволяли привести в порядок даже ключевые транспортные пункты: «На путях везде мусор, тряпки, бумага, палки. Очищать станцию, видно, пока некогда»³⁵¹.

Такими же беззащитными жертвами войны, как и окружающая среда, представлялось Пришвинным местное население, страдавшее как от насыщенности местности смертельно опасным вооружением, так и от нехватки продовольствия: «Фугасные взрывы, бабу разорвало: потянула проволоку»³⁵², «Мальчик шалил с ружейной пулей и глаза сжег — всюду усеяна земля»³⁵³, «Здесь еще не оправились от сражения, здесь просто массами люди бродили по полям, выкапывали себе где картошку, где капусту, тут же в полях что-то глодали собаки и клевали вороны»³⁵⁴. Толстой в своих текстах зафиксировал, как влачащее жалкое существование в условиях военной катастрофы местное население пыталось демилитаризировать местность своего проживания, рекультивировать ее и восстановить сельскохозяйственную деятельность: «Мужики, бабы и дети пахали по всей этой равнине, выкапывали картофель, равнодушные к пушкам и войне, точно те старые зайцы, и хотя постоянно доставляют в лазареты раненых крестьян, все же они продолжают работать под пулями и шрапнелью, потому что не все ли равно, от чего умереть, от голода или от пушки»³⁵⁵. Даже под угрозой гибели, крестьяне, включая женщин и детей, самовольно пытались

³⁵⁰ Толстой А.Н. Указ. соч. С. 144.

³⁵¹ Панкратов А.С. Указ. соч. С. 8.

³⁵² Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. Книга первая.

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Пришвин М. На братскую линию. Бой махорки с консервами. С. 2.

³⁵⁵ Толстой А.Н. Указ. соч. С.215.

восстановить хозяйственный цикл и вернуть милитаризованным ландшафтам утраченный мирный облик.

* * *

Вербальные нарративы непосредственных наблюдателей Первой мировой войны в Галиции — военных корреспондентов, прибывших на Юго-Западный фронт по заданию редакций и описывавших впечатления от боевых действий и милитаризации ландшафтов, — демонстрируют отличную от пропагандистов динамику. Несомненно, в начальный период корреспонденты воспроизводили каноны военной пропаганды, общепринятые шаблоны описания бедности и отсталости населения Галиции вследствие австрийского гнета, отсутствия естественных границ с Российской империей, ресурсные богатства и живописную природу провинции. Однако, по мере складывания в Галиции милитаризованных ландшафтов и углубления в них корреспондентов, идеализированный образ природы претерпевает серьезные изменения. Смещение канонов цензуры в связи с затяжным характером войны, фронтовая действительность и ожидания тыловой читающей публики испытать эмоции прикосновения к такой войне, «как она выглядит на самом деле», обязывало корреспондентов включить в свои нарративы очевидные признаки смертельной угрозы: картины разрушений инфраструктуры, масштабных экологических загрязнений, пострадавшей природы и страждущего мирного населения. Корреспонденты-литераторы стремились преодолеть военный хаос через структурирование и эстетизацию толкований, описывая военную технику как чудовище, антропоморфизуя Карпатские горы как коварного предателя, эмоционально живописуя трагичные сцены гибели лошадей. Результаты сравнения материалов русской военной пропаганды и нарративов военных корреспондентов позволяют говорить о смещении коммуникационных стандартов говорения о войне и изменении в стратегиях описания милитаризованной окружающей среды в зависимости от близости к ней.

§ 3. Визуализация военизированных ландшафтов Галиции в официальной военной фотографии

Развитие техники фотографирования в начале XX в. привело к демократизации практик визуального запечатления индивидуальных и коллективных переживаний экстремальных событий «эпохи катастроф». Распространение доступных по цене и компактных камер обусловило плотную фотофиксацию событий Первой мировой войны, впервые превратив военный конфликт в столь массовое зрелище³⁵⁶. Именно фотографии разоренных полей Фландрии и разрушенных городов Франции и Бельгии положили начало формированию визуального канона войны в мемориальных традициях стран-участниц. В отличие от Западного фронта, где основным жанром фотографии уже стала любительская съемка, на Восточном фронте ведущие позиции продолжал сохранять военный репортаж. Опасаясь организованного противником шпионажа, командование русской армии и цензурирующие органы бдительно контролировали процедуры фронтовой фото- и киносъемки. Допуск военных фотографов на линию фронта и визуализация войны в печатных изданиях осуществлялись на основе «Положения о военных корреспондентах в военное время» (1912), согласно которому в период ведения боевых действий в действующей армии могло пребывать не более 20 корреспондентов, в том числе 10 иностранцев и 3 российских фотографа, которым разрешалось снабжать фотоснимки краткими подписями³⁵⁷. Длительность конфликта и разнообразие задач фотофиксации привели к ослаблению ограничений и увеличению количества съемочных групп и их продукции.

Фотографии самих военных действий и их последствий предполагалось использовать для иллюстрирования отчетов и докладов в вышестоящие военные ведомства о продвижении войск и материальном

³⁵⁶ *Bremm K.J.* Propaganda im Ersten Weltkrieg. Darmstadt, 2013. С. 188.

³⁵⁷ Положение о военных корреспондентах в военное время, 1912 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 78–84.

состоянии армии, для воздушной разведки и разработки топографических карт местности путем аэрофотосъемки и ее дешифровки, для создания пропагандистских публикаций, ориентированных на тыловое население и международную общественность. Однако, особенности визуальной репрезентации военного опыта Первой мировой войны не ограничиваются рамками идеологической пропаганды и жесткого цензурирования. Фотофиксация военных действий и фронтового быта также служила целям запечатления, осмысления, действительности и конструирования представлений о пространствах войны комбатантами и гражданским населением. После окончания войны фотографии, сделанные на Западном и на Восточном фронтах, стали неотъемлемой частью военно-стратегических трудов, агитационных публикаций об «империалистической» войне в Советской России. Именно они сформировали коммуникативную и культурную память о ландшафтах смерти и разрушения в XX в.

В ходе наступательных операций Первой мировой войны, прежде всего, при продвижении по Галиции и Буковине и последующей относительно длительной оккупации этих территорий, комбатанты русской армии оказались в чуждой местности, которую предстояло интегрировать в состав Российской империи. Несмотря на заверения военной пропаганды, постулировавшей родство русской и галицийской природы, естественный и рукотворный ландшафты австрийских провинций значительно отличались от привычного среднерусского пейзажа: это касалось и городских территорий, и горных массивов Карпат. Новые технологии уничтожения, недружественное население, неблагоприятная эпидемиологическая ситуация придавали окружающей среде характер пространств постоянной смертельной угрозы, в которых даже природные силы были возведены в статус врага. Образ природы как неконтролируемой силы и объекта воздействия красной нитью проходит через широкий спектр визуальных источников от пропагандистской кинохроники до частных фотографий. На первый взгляд, фотоснимки с изображением военизированных ландшафтов — это лишь незначимый фон

общей картины событий, но в то же время, они занимают одной из центральных мест в общем массиве устоявшихся фотосюжетов батальных сцен, парадов, фронтового быта, во многом отражая особенности фотографической ситуации. Отсутствие технической возможности фотомонтажа и редактирования готовых снимков ставило фотографов перед необходимостью тщательно продумывать общую композицию кадра и его элементы в отдельности. Тем более, что именно окружающая среда в ее милитаризованном варианте часто становилась главным объектом фотографирования.

Визуальная репрезентация фронтового опыта также осуществлялась фоторепортерами периодических печатных изданий. Военные репортажи, дополненные фотоснимками с Северо-Западного, Кавказского, Румынских фронтов регулярно публиковались на страницах популярных газет и журналов, однако, особенное внимание уделялось Юго-Западному фронту и непосредственно территории Галиции. Устойчивый интерес к визуализации этих территорий был обусловлен проведением в довоенный период масштабных пропагандистских кампаний, постулирующих исконную принадлежность Галиции Российской империи, а также приездом императора Николая II в качестве верховного главнокомандующего на территорию Юго-Западного фронта в 1915 году. Среди фотографов, как непосредственных наблюдателей вооруженного столкновения в Галиции, можно назвать такие известные имена, как Сергей Корсаков (годы жизни неизвестны) и Александр Булла (1881 — между 1942–1944). Их визуальные свидетельства с места событий публиковались в известных российской общественности журналах, в том числе, «Солнце России» и издательстве Д.Я. Маковского, выпускавшего серию альбомов «Великая война в образах и картинках». Стратегии и модели описания военизированных ландшафтов Галиции фоторепортерами во многом определялись их уровнем образования, профессиональной подготовки и спецификой довоенного жизненного опыта: кадровый офицер Корсаков в годы Русско-Японской войны был офицером 12-й роты Квантунской крепостной

артиллерии и участвовал в обороне Порт-Артура, а Булла являлся представителем творческой интеллигенции Петербурга и до Первой мировой войны занимался созданием документальных фильмов в товариществе «Аполлон».

На этапе успешных военных действий в Галиции, до поздней весны 1915 г., в фотографических изображениях однозначно проявляется влияние ключевых пропагандистских идей войны и обоснований вторжения русских армий в Галицию. Фотографии, в силу специфики их восприятия как достоверного отражения реальности, закрепляли конструируемый государством образ войны в широких общественных кругах. Например, процесс продвижения русских войск на юго-запад и установление в Галиции оккупационного режима обусловили отражение в фотографических образах экономического потенциала занятой территории, сельскохозяйственной специализацией, воплощенной в образах распаханых полей, поголовья крупного рогатого скота³⁵⁸, богатства природных (водных и лесных) ресурсов³⁵⁹.

Свидетельства изобразительных источников перекликаются с пафосом публицистических работ, мотивировавших население на войну и систематически формировавших представление о Галиции как о плодотворном крае, природные ресурсы которого имеют значительный экономический потенциал для Российской империи³⁶⁰.

Фотоснимки свидетельствовали идеологическую составляющую целей войны России с Австро-Венгрией — освобождение славянского (православного) населения из-под немецкого ига. Конструировавшийся фотографами образ галицийских пространств складывался из отражения

³⁵⁸ Дети-подростки из деревни Ракитно пашут землю конным плугом, 27 марта 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 35; Бойня. Скот, приготовленный к убою, б/д // РГАКФД. Сн. 233466.

³⁵⁹ Водопад в окрестностях деревни Ржавинцы в Буковине, 19 мая 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 56.

³⁶⁰ Уланов В.Я. Указ. соч. С. 10.

обычаев и нравов крестьянской жизни, их повседневного труда, подчеркивалось этническое и конфессиональное родство русских и русинов³⁶¹.

В центре внимания фотокорреспондентов оказалась географическая среда Галиции, ими запечатлевались нехарактерные для основной части российских природных и климатических поясов явления, среди которых особенно выделялись Карпатские горы — наиболее значимое физическое препятствие между Галицией и остальной частью Австро-Венгерской империи. Фотографы зафиксировали экзотические для русского читателя приметы природных ландшафтов: «лесистость» горных массивов, особенности биологической среды Карпат, сопряженность горного и речного пейзажа³⁶². Снимки отражали основной пропагандистский мотив изображения Карпат как незыблемой колыбели славянской цивилизации, экзотизировали пространство, придавая ему монументальный и почти сказочный характер.

Естественно-географические образы завоеванных русской армией территорий дополнялись многочисленными урбанистическими пейзажами. Фотографии, размещенные в официальных альбомах фронта, представляют собой последовательное повествование, своеобразный визуальный травелог³⁶³. Подобные кадры схожи с приемами создания записок путешественников через невербальные средства, цель которых заключалась в визуальной фиксации русского присутствия на завоеванной территории. Образы городов были представлены в двух состояниях: нетронутые войной сооружения и изувеченные боевыми действиями пространства.

Первая группа снимков демонстрировала зрителю узнаваемые архитектурные и исторические достопримечательности галицийских городов (в частности, Львов и Перемышль), что перекликается с вербальными

³⁶¹ Вид на бивак 1-й батареи в деревне Воскресенцы под городком Коломыя в Галиции, 17 июня 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 67; Крестьянская хата, дети, б/д // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 201.

³⁶² Вид гор под местечком Дегтенцами в лесистых Карпатах, 14 августа 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 85–95.

³⁶³ Виды зданий и окрестностей Львова, улицы Львова в первые дни его занятия, б/д // РГАКФД. Ал. 121. Сн. 57–59.

проявлениями любопытства по отношению к диковинкам завоеванного пространства комбатантов Восточного фронта: «Штаб теперь переехал ... сюда гораздо ближе. И то интересно: новые места посмотрим»³⁶⁴. В пространствах оккупированной Галиции визуально запечатлены приметы военного времени: фотокамера фиксирует русские казачьи патрули на улицах г. Львова и закрытые магазины на городской площади³⁶⁵. В то же время образы городских военизированных ландшафтов конструировался в соответствии с живописными канонами: тщательно продуманный ракурс, проработанная композиция, отсутствие серьезных технических разрушений или жертв. Данная группа фотографий скорее всего была предназначена для русской общественности и нацелена на демонстрацию упорядочивания, обуздания русскими армиями хаоса войны и быстрого восстановления мирной жизни.

Для другой группы снимков характерно преимущественное внимание к запечатлению разрушенных зданий и сооружений³⁶⁶. Данные фотографии могли служить материалом для отчетности местной администрации в вышестоящие государственные учреждения и оценки масштаба затрат на восстановление необходимых объектов. Возможно также, они свидетельствовали о впечатлительности самих фотографов от разрушительной силой нового оружия, способного уничтожить целые здания и огромные инфраструктурные объекты в виде железнодорожных мостов. Затяжной характер военных действий, стратегические изменения первоначальных планов повлияли на смену модуса визуальной репрезентации Галиции русскими военными фотографами. Количество преувеличенно героических картин сокращалось, а в ходе военной кампании 1915 г. на

³⁶⁴ Письма Огнева И.Н. Николаю Васильевичу и Татьяне Ивановне Огневым, 1916–1917 гг. // Российская национальная библиотека. Ф. 1139 Д. 340. Л. 34.

³⁶⁵ Виды зданий и окрестностей Львова, улицы Львова в первые дни его занятия, [Львов, б/д] // РГАКФД. Ал. 104. Сн. 38, 39.

³⁶⁶ Разрушенный железнодорожный мост, [Галиция, б/д] // РГАКФД. Ал. 996. Сн. 23; Развалины в местечке Гусятине, [Гусятин, 1916 г.] // РГАКФД. Ал. 996. Сн. 415670; Разрушенный мост через Вислу, [Галиция, 1915 г.] // РГАКФД. Сн. 243320; Взорванный русскими войсками мост по дороге Тремовля, Струсов, Коровяки, [Галиция, 1915 г.] // РГАКФД. Ал. 32. Сн. 41.

Восточном фронте в объектив фотокамеры все чаще попадали разрушения мирных объектов и городских построек. Панорамная съемка пространства, больше похожего на многометровые завалы строительного мусора, чем на кварталы всеми узнаваемых городов, направлена на дегуманизацию образа врага через документальные отражения его злодеяний, а также на формирование представлений зрителя о цене победы русской армии при захвате Перемышля³⁶⁷.

«Великое отступление» русских армий в 1915 г., утрата практически всех завоеванных территорий и перенесение военных действий в пределы России повлекли за собой смену визуального нарратива. Очевидны изменения в содержательной направленности: герои и атаки на врага были практически полностью заменены кадрами, в которых на первый план вышли социальная ответственность, благотворительная деятельность, вопросы питания или поддержки армии в полевых условиях³⁶⁸.

Ранее пустые на фотоснимках пространства с этого момента наполнились очевидными «маркерами» войны. Каноничными символами отображения трагических последствий постепенно стало пострадавшее мирное население, женщины, дети. Например, осуществление общественных работ по возведению плотины на галицийском театре военных действий является примером запечатления работы над военизированным пространством и ее фиксации в качестве отчетности³⁶⁹. Среди людей, задействованных на строительстве плотины и земляных работах, присутствуют женщины, автор снимка демонстрирует масштаб и сложность работы за счет широкого ракурса съемки. Возведение технологического объекта говорит о разрушении прежнего и отсылает к взаимодействию населения и оккупационной

³⁶⁷ Яковлев В.В. Перемышль. Пг., 1915.

³⁶⁸ Сходные тенденции прослеживает в австрийской военной фотографии Х. Ляйдингер: *Leidinger H. Visualisierung des Krieges. Die Ostfront in oesterreichisch-ungarischen Fotografien und Filmproduktion // Jenseits des Schuetzengrabens. Der Erste Weltkrieg im Osten: Erfahrung-Wahrnehmung-Kontext. Innsbruck-Wien-Bozen, 2013. S. 451–466.*

³⁶⁹ Фотографические снимки из боевой и походной жизни Штаба и частей войск, входящих в состав IX Армии, [Галиция], 1914–1916 гг. // РГАКФД. Ал. 92. Сн. 2, 6, 65, 76, 753.

администрации, вынужденной привлекать имеющиеся ресурсы в ситуации отсутствия более трудоспособных работников.

Сама практика фотографирования военизированных ландшафтов выполняла терапевтическую функцию. Фотофиксация выступает психологической реакцией на ужас войны. В рамках проработки травматического опыта фотография функционирует как некий портал входа в новую/чуждую реальность. Когда в условиях войны социальные явления переходят в изобразительные, происходит дистанцирование через привыкание. Например, коннотативным сообщением снимков, демонстрирующих убитые тела, является «нормальность» и распространенность данного опыта.

Фотоснимки начального периода Первой мировой войны продолжали художественные каноны отображения героической смерти в батальной живописи XIX в., преобладание снимков с изображением одного убитого предполагало как бы единичность смертельного исхода пребывания на фронте³⁷⁰. В дальнейшем, в связи с затяжным и позиционным характером вооруженного столкновения, данный континуитет разрывается, и свидетельством нормализации массовой смерти на фронте в новых условиях индустриальной войны, становится запечатление многочисленных жертв военных действий. Специфика снимков состоит в том, что в общую картину смерти включаются и выжившие люди, они позируют в фотокамеру на фоне разложенных трупов, например, на снимке из Буковины 1916 г.³⁷¹, что подтверждает трансформации, произошедшие в визуальной (само)цензуре. Запечатление погибших, редкое в начале военного вторжения, явно уже никого не удивляло к 1916 г.: многие кадры были постановочными, о чем говорят такие детали, как выстроенный горизонт, зеркальная композиция,

³⁷⁰ Трупы убитых русских солдат на позициях в районе Ярослава, Галиция, 1914–1916 гг. // РГАКФД. Сн. 34107.

³⁷¹ Трупы солдат на поле боя под Хыровым, Хыров, 1916 г. // РГАКФД. Ал. 966. Сн. 74.

четкая симметрия расположенных объектов, фиксация взглядов изображаемых на объективе³⁷².

Массовая гибель комбатантов на фронте, а также сложная эпидемиологическая ситуация на полях сражений обуславливали необходимость организации упорядоченных захоронений на захваченной территории. Оформление братских и индивидуальных могил превратилось в отдельный сюжет фотографических практик на Восточном фронте. Снимкам похоронных церемоний и отпеваний свойственно запечатление присутствия сослуживцев, представителей православного духовенства, нередко в кадр попадала походная церковь подразделений русской армии³⁷³. Панорамные, широкоформатные снимки кладбищ, акцентирование внимания на религиозной символике свидетельствовали о стремлении фотографов зафиксировать сохранение православных традиций и выполнения даже на фронте священного долга перед умершими³⁷⁴. С другой стороны, в этих фотографиях документировалось выполнение распоряжений командования о порядке погребения убитых на полях сражений: «Солдатские могилы обозначаются числом погребенных, на офицерских — имена»³⁷⁵. Важность фиксации захоронений подтверждается и картографическим материалом русско-австрийского фронта.

Неотъемлемым элементом фотографий военизированных ландшафтов выступили новые виды вооружений (тяжелые орудия³⁷⁶, крупные снаряды³⁷⁷,

³⁷² Трупы солдат у заграждения, [Галиция], 1914 г. // РГАКФД. Сн. 2-48400.

³⁷³ У города Ярослава: могилы, скончавшихся в госпиталях и у австрийского фронта, [Галиция], 1915 г. // Мультимедиа Арт музей. URL: <https://russiainphoto.ru/photos/118796/> (дата обращения: 20.11.2023).

³⁷⁴ Церковь на фронте: постройка из еловых ветвей церкви на передовых позициях, [Галиция], 1914–1916 гг. // РГАКФД. Сн. 2-100-481.

³⁷⁵ Выписка из наставлений о порядке погребения убитых на полях сражений и оздоровления этих полей // ГАРФ. Ф. 13216. Оп. 1. Д. 42. Л. 70.

³⁷⁶ Моторизация армии. Танк во время войны, [Галиция], 1914 г. // РГАКФД. Сн. 2-48350.

³⁷⁷ Бомбы и шрапнели 12-дюймовые, захваченные русскими войсками в р-не станции Окна. Буковина, 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 62.

а также разведывательные самолеты и цеппелины³⁷⁸). Очевидно проявление «студийного подхода» и доминирование статичных снимков: военные «диковинки» выступают объектами, с которыми солдатам нужно сфотографироваться, показать сопричастность³⁷⁹. Неслучаен отсюда эмоциональный настрой постановочных фотографий — достаточно часто солдаты улыбались на камеру. Помимо очевидного смысла демонстрации техники и вооружения, снимки имели коннотативное значение, образ фиксируемых технических объектов многофункционален. Русская техника³⁸⁰ всегда запечатлевалась в идеальном рабочем состоянии, что подтверждало оснащенность и боевой настрой армии. Вражеская техника и вооружение в большинстве случаев представляли в статусе трофеев³⁸¹, часто в поврежденном или брошенном состоянии, как материальное воплощение и символ победы над противником.

Одним из латентных слоев фотографий Первой мировой войны, который был неведом авторам, но очевиден для нас, стали экологические последствия сражений. Создавая композицию снимка, фотографы попутно запечатлели масштабы негативных последствий экологического влияния войны на природу, например, через несоразмерность человеческого роста и образовавшейся земляной воронки³⁸². Приемом насыщения изображения

³⁷⁸ Солдаты и офицеры русской армии наблюдают за полетом дирижабля, [Галиция], б/д // РГАКФД. Ал. ii-203. Индекс 3010.

³⁷⁹ Русские солдаты у немецкого 3-дюймового орудия, захваченного в бою под Грушками, Западная Украина, 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 78.

³⁸⁰ 1-я батарея на позиции зимой вблизи деревни Ракитно, [Галиция], 2 февраля 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 1; Пулеметчик стреляет и пулемета системы «Максим» из пулеметной ниши окопа Азовского полка против деревни Должка, [Галиция], 11 марта 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 17; Пулеметчики обстреливают аэроплан противника из окопа Азовского полка, [Галиция], 11 марта 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 19; Бронированный паровоз, [Галиция, б/д] // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 36.

³⁸¹ Солдаты складывают захваченные австрийские винтовки в штабеля, район Черновиц, 1916 г. // РГАКФД. Ал. 37. Сн. 31; Бомбы и шрапнели 12-дюймовые, захваченные русскими войсками в р-не станции Окна, Буковина, 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 62; Русские солдаты у немецкого 3-дюймового орудия, захваченного в бою под Грушками, Западная Украина, 1916 г. // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 78.

³⁸² Офицеры стоят в воронке от взрыва крупнокалиберного снаряда, [Галиция, б/д] // РГАКФД. Сн. 2-113533.

коннотативным сообщением выступает поза запечатленных людей и ракурс съемки. Передний план изображения концентрирует внимание на стоящих военнослужащих, тогда как фон представляет масштабы завершившегося сражения и его влияния на природный ландшафт. Кроме того, воздействия на природу раскрывается путем запечатления запасов баллонов газа на линии фронта³⁸³, завалов гильз от снарядов³⁸⁴, количества крупного металлического мусора на разных участках ведения боевых действий³⁸⁵, бомбтурбации почв.

На полях Первой мировой войны впервые появилось оружие массового поражения. Вместе с применением ядовитых газов, как при атаке, так и при обороне, совершенствовались и средства защиты. Фотографии демонстрируют снабжение угольными противогазами не только военнослужащих, но и животных³⁸⁶. Представленный в Приложении 3 кадр с лошадьми в газовых масках предствляет для нас ценную иллюстрацию органичного сочетания экологического и технического аспектов войны. Его предположительный функционал многозначен: он мог предназначаться для отчетности о проведенных испытаниях средств защиты, которые послужили в данном случае реквизитом для фотосъемки, либо стать свидетельством готовности армии к новым ужасам коварного врага в глазах тыловой общественности.

Во время Первой мировой войны широкое распространение получила аэрофотосъемка местности. Первоначально применяемая для корректировки артиллерийского огня, разведывательных операций по выявлению устройства укреплений противника, подавления огневых точек, аэрофотосъемка стала неотъемлемой частью картографических работ и значимым инструментом для формирования представлений о пространстве военных действий. Кроме того,

³⁸³ Батарея баллонов с газами на позиции, [Галиция, б/д] // РГАКФД. Сн. 232942.

³⁸⁴ Гильзы от снарядов около железнодорожной линии на русско германском фронте, [Галиция, б/д] // РГАКФД. Сн. 243296.

³⁸⁵ Разбитые автомобили и танки на месте боя на дороге в лесу, Австрийский фронт, 1914 г. // РГАКФД. Сн. 257876.

³⁸⁶ Альбом, посвященный разрушениям (альбом Дембицкого П.О. передан в архив в 1966 году), [б/м, б/д] // РГАКФД. Ал. 1243. Сн. 185.

в широкоформатных фотоснимках с летательных аппаратов также можно увидеть экологические последствия бомбардировок. В объектив фотоаппарата попадают изувеченные карпатские леса, пострадавшие населенные пункты, подвергшиеся обстрелу почвенные ресурсы³⁸⁷.

* * *

Таким образом, создание фотоснимков в годы Первой мировой войны, и, в частности, во время пребывания русской армии на территории Галиции, носило очевидно прикладной характер и служило целям документирования продвижения и состояния армии, отчетности в военные ведомства, проведения рекогносцировки территории, репрезентации войны для тыловой общественности. На сегодняшний день данные фотографии являются важными источниками при изучении пространственной и экологической истории первого индустриального конфликта. Военизированные пространства Галиции, запечатленные на снимках в 1914–1916 гг., условно можно объединить в несколько групп: природные ландшафты, экзотизирующие территорию; урбанистические ландшафты, закрепляющие присутствие русских армий на оккупированной территории; милитаризованные ландшафты, отражающие характер и последствия военного конфликта.

Документальная сущность фотографии не может быть автоматически перенесена на описание функционирования фотографического языка и восприятия фотографии зрителем. Напротив, необходимо учитывать ее особые взаимоотношения с реальными объектами и событиями в качестве способа их конструирования в непосредственной коммуникации и последующей коммеморации. Для современного исследователя ландшафты Галиции в фотографиях представляются феноменологическим конструктом, а не прямым отражением реальности или неоспоримым свидетельством: на

³⁸⁷ Съёмки местности с самолета «Илья Муромец», [Галиция], 1915 г. // Мультимедиа Арт Музей. URL: <https://russiainphoto.ru/photos/7747/?ysclid=lxm7hdw2md264810809> (дата обращения: 15.04.2024).

первый план выходит возможность реконструкции опыта участия русской армии в индустриальной войне. Снимки служат актом интерпретации, т. к. фотографии следовали императивам собственного (довоенного) жизненного опыта и сформированным господствующими дискурсами представлениям. Отображение приобретенного опыта интеграции в незнакомый прежде ландшафт сопряжено с идеологическими установками, культурным багажом военных корреспондентов. Сравнение визуальных и вербальных источников позволило выявить первоначальное совпадение фотографических образов с транслировавшимися военной пропагандой паролями, индивидуальными нарративами участников боевых действий, внутриведомственными дискурсами военной и оккупационной администраций.

При анализе фотографических источников выявлена динамическая взаимосвязь стратегий запечатления военного опыта с ходом боевых действий. В связи с переходом от оккупации Галиции к отступлению русской армии произошел тематический и композиционный поворот от героизации войны к фиксации негативных, в том числе социальных, последствий вооруженных столкновений в целом. Аналогичным образом наблюдаются изменения в практике фотографирования погибших и мест захоронения, в связи с затяжным характером войны фиксировались многочисленные, а не единичные трупы.

Фотографические альбомы, выполненные официальными военными фотографами и посвященные жизни отдельных подразделений русской армии в Галиции, продуктивнее всего рассматривать как фотодокументальный травелог, вербальный нарратив непосредственных наблюдателей. Визуальный рассказ характеризуется всеми признаками «классического» повествования путешественника. Использование фотокамеры как технического средства позволяет расширить вербальное описание до динамичного повествования о перемещении по оккупированной территории, локализовать события путешествия в пространственно-временных координатах, более наглядно

представить военные трудности и препятствия, тем самым образно освоить и ментально присоединить территорию Галиции к Российской империи.

ГЛАВА 3. Переживания милитаризованных пространств Галиции в вербальных и визуальных нарративах комбатантов русской армии

§ 1. Ландшафты Галиции в эго-документах солдат и офицеров русской армии

Первая мировая война и последовавший за ней крах имперских порядков в Центральной и Восточной Европе способствовали тотализации военных действий и становлению нового типа войны в целом³⁸⁸. Тотальные цели стран-участниц по отношению к противнику, становление милитаризованных экономик, масштабная мобилизация демографических ресурсов усилили деструктивный характер взаимодействия человека и окружающей среды, изменили биологический, геологический и культурный облик ландшафтов. Если в эпоху индустриализации расход природных ресурсов многократно увеличился, но оставался в пределах расчетных мощностей производства, то после начала войны огромные площади фронтовых и оккупированных территорий подверглись целенаправленному, но бессмысленному с точки зрения потребления и долгосрочных последствий уничтожению.

Параллельно с небывалыми разрушениями природных и урбанных сред происходила интенсивная модернизация и технизация пространств. В пределах фронта, на прифронтовых и оккупированных территориях происходило возведение и уплотнение инфраструктуры, внедрялись новые технологии освоения ресурсов. Кроме того, активизировались практики санитарного контроля местности при ликвидации эпидемиологических угроз. Подобные изменения создавали совершенно новый опыт для всех категорий участников войны: непосредственных комбатантов, обслуживающего нужды фронта персонала (инженеров, медиков, гидротехников), насильственно вовлеченного в происходящее гражданского населения. Восприятие и толкование увиденного и пережитого наложило неизгладимый отпечаток на

³⁸⁸ *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 12–27; *Great war, total war: combat and mobilization on the Western front, 1914–1918.* Cambridge, 2006.

структуры коммуникативной памяти о Первой мировой войне, а также на становление новых институтов и практик ведения военных действий и преодоления их последствий в долгосрочной перспективе.

Оккупация Галиции русскими войсками в 1914–1915 гг. и затем повторное занятие восточной ее части в 1916–1917 гг. являются показательным примером для исследования рецепции длительного и плотного контакта многотысячных армий с чуждой местностью. В коммуникации свидетелей военных событий чужеродная окружающая среда Галиции превратилась в многомерную социальную конструкцию, сложившуюся из образов сокровищницы природы, когда-то утраченной и вновь обретенной родины, подлежащего колонизации и интеграции в империю пространства. В то же время представления о нетронутой человеческим присутствием природе в условиях смертельной угрозы выполняли психолого-терапевтическую функцию для солдат и офицеров, служили местом воображаемого и реального спасения. Изучение образов милитаризированной окружающей среды в индивидуальных нарративах комбатантов позволит описать взаимосвязь довоенного горизонта ожиданий и пространств нового опыта, специфику конструирования военных ландшафтов, выработку поведенческих стратегий, формирования ментальных карт оккупированной местности³⁸⁹.

Реконструировать модели восприятия природы солдатами и офицерами русской армии и выявить значение ландшафтов в формировании специфического экзистенциального опыта участников Великой войны предполагается на основе междисциплинарного анализа индивидуальных нарративов комбатантов как части непосредственной коммуникации военных переживаний. Как отмечалось выше, одним из тезисов нашего исследования стало предположение, что восприятие беллигеративных ландшафтов и их конструирование в индивидуальных переживаниях зависело от культурного

³⁸⁹ Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

багажа автора, его предшествующего и последующего военного опыта, принадлежности к определенному роду войск, плотности контактов с гражданскими лицами, населявшими милитаризированные пространства. Все перечисленные факторы определяли приемы, способствующие осмыслению комбатантами с военизированной природой.

Первоначальной реакцией участников войны на Юго-Западном фронте на попадание в пространства милитаризированных ландшафтов выступала романтизация галицийской природы, оформленная в вербальные нарративы «туристов» и путешественников. Так, письма Ивана Огнева из Галиции родителям отличаются фотографичностью, детальным описанием увиденного и пережитого. Автор настойчиво романтизирует местность, лишает ее присутствия людей, изымает ее из условий боевых действий: «Вот уже месяц живем мы здесь, в Галиции, ... командир с артиллеристом охотятся, в здешних прекрасных лесах: лисичек и зайцев бьют постоянно ... Леса здесь уже вовсю осыпаются, только дубы еще курчавые, ... под ногами толстый ковер из листьев, при каждом шаге шуршащий невероятно, так как погода все еще сухая», — подобное буколическое описание начального периода русской оккупации австрийских территорий в 1914 г. выходит из под пера Огнева³⁹⁰.

Если абстрагироваться от нашего знания обстоятельств создания источника, сложно поверить, что эти строки написаны в эпицентре военных действий: «Погода стоит чудесная; летают однако редко, так как верхние слои беспокойны. Деревья начинают отцветать, зато луга пестреют, и зелень везде становится ... особенно после нескольких гроз. Делать буквально нечего; шатаемся по окрестностям, купаемся в реке ... отличная река; стоишь по горло в воде-пальцы на ногах видно, быстрая, по камешкам течет, а пески — крупные»³⁹¹. Зачастую письма представляют собой полную противоположность устоявшемуся стандарту описания ужасов войны:

³⁹⁰ Письма Огнева И.Н. Николаю Васильевичу и Татьяне Ивановне Огневой, 1916–1917 гг. // РНБ. Ф. 1139. Д. 340. Л. 30.

³⁹¹ Там же. Л. 19.

«Уйдешь этак вечером подальше и усядешься около ручья на склоне; заяц ли пробежит к воде, или лисица пробирается — далеко разносится в тишине. Луна взойдет — все видно станет, удивительно прозрачные ночи...»³⁹². Огнев настоятельно избегает отражения непосредственного контакта не только с реальными сражениями, но и с военным бытом. Можно с достаточной долей вероятности предположить, что он пытается уберечь родных от волнения и поэтому наполняет содержательные пустоты коммуникации с тылом образами мирной природы. Еще одним объяснением отсутствия войны в создаваемом Огневом нарративе является характер занимаемой должности: в обязанности механика биплана «Илья Муромец» входили ремонтно-эксплуатационные работы, он не принимал непосредственного участия в уничтожении противника и бомбардировании территории. Обе эти трактовки не исключают, а скорее дополняют друг друга.

Помимо конструирования идиллического характера местности, в которой они поневоле оказались, комбатантами генерировался «нарратив путешественников»³⁹³ — восприятие и описание происходящего в понятных и привычных канонах травелогов, записок путешественников. Маневренный характер войны способствовал постоянным и длительным перемещениям частей вглубь неведомой и потому неизбежно экзотизируемой территории. При наступлении или отступлении пешие дневные марши составляли десятки километров, не говоря уже о транспортировке на лошадях, в автомобилях или по железным дорогам. При этом авторы нарративов не скрывают собственных эмоций любопытства по отношению к окружающему их пространству. Так, Огнев признается: «Штаб теперь переехал ... сюда гораздо ближе. И то интересно: новые места посмотрим»³⁹⁴. Тот же мотив перемещения в пространстве и сбора новых впечатлений превращается в центральный в

³⁹² Там же. Л. 30.

³⁹³ Stein O. «Orientfahrten». Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918 // Militaergeschichtliche Zeitschrift. 2016. Vol. 75. №. 2. P. 327–358.

³⁹⁴ Письма Огнева И.Н. Николаю Васильевичу и Татьяне Ивановне Огневым, 1916–1917 гг. // РНБ. Ф. 1139. Д. 340. Л. 34.

описаниях беллигеративных ландшафтов Галиции в авторстве Иосифа Ильина: «Проходил Бржежаны, замечательно чистенький, милый городок...»³⁹⁵. С лексико-стилистической точки зрения, примечательными в его текстах становятся уменьшительно-ласкательные наименования по отношению к галицийским населенным пунктам: «Залещики — полуразрушенный городок на берегу Днестра»³⁹⁶. На фоне этого риторического приема военные разрушения приобретают значение традиционных для туристических путешествий романтических развалин. Тем самым они лишаются образа печальных последствий войны, изымаются из ее насильственного и деструктивного характера, лишаются временной привязки к происходящим событиям.

Соприкосновение с незнакомой местностью укладывалось в привычные для мирных поездок осмотры архитектурных памятников. Братонович записывает в своем дневнике впечатления от посещения Львова: «Тем временем мы дошли до Главного почтамта. Здание грандиозное, красивой архитектуры. Когда вошёл в середину, мне показалось, что я вошёл не на почту, а в писчебумажный магазин»³⁹⁷, аналогично Щеглов описывает обычный день туриста: «Быстро оделся умылся, и с одним всадником отправился в город. Чудный город, какие магазины, мостовые, откровенно говоря первый раз вижу такой. Зашел [в] Кавиарню (кофейная) напился кофею (кави) с булычками, напоил и всадника. Пошел по магазинам»³⁹⁸.

Внимание к инаковости заграничных заведений соответствовало традиционным канонам литературы путешествий. Усилению экзотизации при этом способствовали надписи на чужих языках, маркировавшие завоеванное

³⁹⁵ Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 117.

³⁹⁶ Там же. С. 119.

³⁹⁷ Морозов О.В. Личный фронтовой дневник Л.С. Братановича. 1914–1915 годы // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2018. №1(34). С. 67.

³⁹⁸ «...Сейчас же ясно представилось что меня убьют»: дневник Владимира Николаевича Щеглова, корнета // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2019. С. 135.

пространство: «19. XI. 1914 ...Приехал во Львов. Улица довольно длинная. Но кривая с красивыми домами старинной архитектурой. Много магазинов, все они открыты, над ними вывески с польскими и немецкими надписями, и видел даже на одной вывеске еврейскую надпись»³⁹⁹. Делопроизводственные источники оккупационных властей свидетельствуют, что смена надписей и вывесок в оккупированных галицийских городах осуществлялась и воспринималась военной администрацией как важная часть русификации пространства в целом, присвоения территории и переозначивания ее из «чужой» в «свою».

В той же степени, что и архитектурным достопримечательностям, комбатанты уделяли внимание пейзажам Галиции, подчеркивали их красоту: «Положение довольно красивое с юго-западной стороны: горы, покрытые лесом, у подошвы озерца с протекающей речкой»⁴⁰⁰. При этом вмешательство человека в облик нетронутой природы оценивалось как органичная составляющая и дополнительное свидетельство заграничного (в данном случае, австрийского) порядка. Иван Карпов восхищается лесами провинции: «Идем на Львов. Местность, которую нам приходится проходить, очень живописна и красива. Всюду с одной стороны, южной, тянутся к западу большие холмистые возвышенности, заросшие высоким ровным саженным сосновым лесом. Точно узоры в парках, зеленеют ровные правильные геометрические просеки»⁴⁰¹. Человеческое вторжение в девственную природу оценивалось в позитивных метафорах ее окультуривания, придания ей праздничного, цивилизованного характера.

В письмах Огнева милитаризованное пространство Галиции также стилизовалось под природные и исторические достопримечательности: «Жаль, что вас нет здесь! А то уже очень интересные места есть: громадные овраги с окаменелостями, леса непохожие на наши, в которых много белок,

³⁹⁹ Морозов О.В. Указ. соч. С. 67.

⁴⁰⁰ Ильин И.С. Указ. соч. С. 117.

⁴⁰¹ Дневник И.В. Карпова, запись 24 августа 1914 г. // Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003 (дата обращения: 06.12.2023).

зайцев, и прочего зверья; в некоторых местах целые лабиринты оставленных и полузаросших окопов с землянками и блиндажами, где ютятся дикие козы»⁴⁰². Окружающие ландшафты лишались смертельной угрозы через описание богатства животного мира, который мог благополучно размножаться только в невоенное время, в нетронутой разрывами снарядов природе. Более того, даже сооружения, имеющие прямое военное назначение, превращались в нарративах в воображаемые древние развалины, достойные медленного и внимательного созерцания. Автор письма как бы приглашал своих родителей совершить вместе с ним познавательную прогулку как продолжение их семейных традиций мирного времени.

Попытки единения с природой, побега от неприглядной военной действительности к привычным культурным практикам чтения и одиночества демонстрируют устойчивость канонов не только написания травелогов, но и прочтения юношеской литературы довоенного периода: «За полверсты от нас есть пещера ... лабиринт целый, некоторые осыпались ... я случайно чуть не провалился в ее заросший вход; пролез туда: большое такое помещение; думал сделать там «очагъ», да дым не уходит, тут же остается; думаю, однако кой-что устроить: хорошо будет уходить туда книжку читать, тишина абсолютная»⁴⁰³. Огнев прямо описывал найденное место как дарованное самой природой укрытие от происходящего снаружи военного ужаса. Естественная среда предпочиталась им общению с сослуживцами, выступала убежищем и способом обретения себя.

Заметки Карпова позволяют нам определить круг художественных произведений, которые читали образованные комбатанты во время пребывания в Галиции. Автор перечислил в своих письмах произведения, чтением которых он увлекся в ходе военных действий: «...читаю немецкие книжки, которые я закупил еще во Львове / купил Гете «Фауст», Шиллера

⁴⁰² Письма Огнева И.Н. Николаю Васильевичу и Татьяне Ивановне Огневым, 1916–1917 гг. // РНБ. Ф. 1139. Д. 340. Л. 40.

⁴⁰³ Там же. Л. 31.

«Валленштейн» и друг. /, да часто пишу заметки»⁴⁰⁴. Примечателен не только его интерес к немецким классикам, которых он читал в оригинале, но и романтический характер художественных текстов, несомненно накладывавший отпечаток на восприятие (романтизацию) происходивших в начальный период успешного наступления событий.

Характерной чертой индивидуальных нарративов комбатантов, имевших высокий образовательный ценз, стало воображаемое узнавание галицийского ландшафта через сравнение с местностями, знакомыми по произведениям культуры или по предшествующему личному опыту. Студент философского факультета Карпов описывал свое пребывание в одном из галицийских городов следующим образом: «Мы дошли до г. Злочева, в 46 километрах от Брод. Заночевали. Город приличный, старый, улицы узки, чисты и напоминают собою улицы испанских городков, как их рисуют»⁴⁰⁵. Прапорщик-артиллерист и будущий религиозный философ Федор Степун в юности провел несколько лет в Германии, изучая философию в Гейдельбергском университете. Его дневниковые записи на войне содержат ностальгическую апелляцию к этому опыту, несмотря на расположения описываемых им объектов на территории нынешнего военного противника: «И было так странно видеть привычную русскую тройку среди романтического ландшафта Галиции, живо напоминавшего мне гейдельбергские горы и тихую долину Неккара»⁴⁰⁶. В нарративах офицерского состава явно выражена склонность к поэтическим формам, любопытство, пространство и культурный контекст связываются здесь со знакомыми образами: «Около четырех часов перешел широкий и быстрый Сан. Очень

⁴⁰⁴ Дневник И.В. Карпова, запись 14 сентября 1914 г. // Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003 (дата обращения: 06.12.2023).

⁴⁰⁵ Дневник И.В. Карпова, запись 24 августа 1914 г. // Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003 (дата обращения: 06.12.2023).

⁴⁰⁶ *Степун Ф.А.* Из писем прапорщика артиллериста. Прага, 1926. С. 24.

красивая река, особенно среди этого величественного горного пейзажа с крутыми обрывистыми берегами. Вспомнил детство и Кавказ...»⁴⁰⁷.

Чуждая и притягательная для комбатантов русской армии горная природа, восприятие которой было подготовлено предвоенными публикациями и канонами литературных произведений, с самого начала войны вызывала у офицерского состава трепет первооткрывателя: «...мы вновь двинулись наверх, на перевалы таинственных Карпат. Что за чудные, лунные ночи сверкали сине-белыми тенями на гранях и ребрах старых утесов! Как замороженные стояли в игольчатых, плетенных из снежных пушинок рюшах деревья, сонные и безучастные...»⁴⁰⁸. Экзотизация гор определила типичное для наступающей русской армии восприятие походов по чуждым территориям в качестве путешествия, где в перерывах сражений можно полюбоваться природными достопримечательностями и даже поохотиться. Так, Иосиф Ильин с восторгом упоминает коллекцию охотничьих трофеев своего сослуживца, собранную в горах: «У Юркевича масса оленьих рогов — оказывается, в Карпатах много оленей, да каких! Вот бы словчиться да поохотиться!»⁴⁰⁹ И если в солдатском опыте мотив охоты стал свидетельством попыток пополнить скудный рацион, особенно на более поздних этапах войны, то в офицерских нарративах, контакты с чуждой фауной оставались видом привычного досуга довоенного периода.

Природа и ее объекты: горы, реки, луга, — служили офицерам источником эстетического наслаждения: «Очень красива Висла — быстроходна и широка»⁴¹⁰. При этом, описания органического сочетания природного и рукотворного ландшафта наполнены традиционными для литературы устойчивыми тропами. Так, Ильин, возводил тополя в клишированный образ гордых стражей: «Панорама оттуда чудесная: все как

⁴⁰⁷ Ильин И.С. Указ. соч. С. 87.

⁴⁰⁸ Саянский Л.В. Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера // Великая война. 1914 г.: Сборник историко-литературных произведений. М., 2014. С. 131.

⁴⁰⁹ Ильин И.С. Указ. соч. С. 96.

⁴¹⁰ Там же. С. 70.

на ладони на многие версты. Городок раскинулся на полуострове, который круто огибает Днестр, делая излучину, он весь в шапке зелени, среди которой то там, то здесь как стражи высятся гордые тополя»⁴¹¹.

Настойчивый мотив смены прекрасных пейзажей и детальное внимание не к сложностям полной опасности военной дороги, а к прелестям природы свидетельствовал о попытках удержать иллюзию мирной жизни в изменившихся условиях. Описания природы превратились в средство эскапизма. Пышные метафоры, стилизация пейзажа в сказочных мотивах, стремление отразить свои переживания в литературных канонах романтического символизма лакировали неприглядные военные будни: «Дорога после Бржежан делается прямо сказочной: шоссе вьется по горам между лесами и долинами. Влезешь на хребет, а оттуда дивная панорама: наше шоссе, которым мы шли, вьется, словно белая лента, опоясано курчавыми головами великанов-деревьев. То пропадет, то снова вынырнет в зеленом море. Лес самый разнообразный, много чернолесья, много дубовых рощ»⁴¹².

В нарративах Е.В. Тумиловича романтизации подверглось даже очевидное разрушительное воздействие войны на природу. При характеристике ландшафта автор создавал литературные образы, используя величественные метафоры и эпитеты, придав происходящему с человеком и окружающими ландшафтами грандиозную значимость: «Австрийская артиллерия пыталась беспорядочно отвечать ... линия австрийских укреплений постепенно превращалась в подобие свежевспаханной пашни, поднятой невидимым колоссальным плугом»⁴¹³. Воздействие войны на природные ландшафты облекалось в привычные образы сельскохозяйственного или промышленного труда, только в невиданных доселе масштабах. Далекое от сочувствия по отношению к природе описание скорее выражало скрытое восхищение возможностями разработанной

⁴¹¹ Там же. С. 120.

⁴¹² Ильин И.С. Указ. соч. С. 117.

⁴¹³ Первая мировая. Взгляд из окопа / предисл., сост. и коммент. К.А. Пахалюка. М., СПб., 2014. С. 72.

человеком техники, даже если она в настоящий момент несла с собой разрушения и смерть.

Характерным для многих нарративов стал прием изъятия окружающей местности из военных действий, «обесчеловечивание» пространств. И здесь вербальные описания полностью противоречили визуальным свидетельствам: многочисленные снимки, напротив, запечатлели плотные контакты комбатантов с гражданскими лицами в городских и сельских пространствах, в домах на постое, на рынках⁴¹⁴. Из текстов люди, особенно местное население, исчезли как помеха, как живые воплощения лишений, страданий и разрушенного нищетой быта: «Ничего осязаемого, живого. Безмолвно. Гора наша похожа на одинокий маленький островок посреди безбрежного океана, а мы на нем были единственными уцелевшими от кораблекрушения людьми, так грустно и одиноко»⁴¹⁵.

Анализируемые тексты участников войны начального периода наступления в Галиции не включали пока четкого антивоенного посыла, лишь легкое сожаление, что приходится наблюдать великолепие природы в условиях войны, а не мира. Н. Яковлев в своем письме признается: «По природе Галиция великолепна. Только бы на деле здесь жить да отдыхать душой и телом, а не воевать»⁴¹⁶.

Даже если в этот период в эго-документах наиболее впечатлительных офицеров появились описания негативных сторон военных действий, они компенсировались пропагандистскими шаблонами. Природные и человеческие жертвы оправдывались перед лицом национального противостояния и спасения братьев-славян из-под немецкого ярма: «1 октября. ... Вот замелькали снятые крыши, пробитые и обгорелые стены юго-западных местечек и деревушек. На каждой пяди земли, затоптанной тысячами ног, вы

⁴¹⁴ Базар в Дунаевцах, торговля гусями, [Галиция], 1915 г. // РГАКФД. Ал. 92. Сн. 34.

⁴¹⁵ Дневник И.В. Карпова, запись 24 августа 1914 г. // Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003 (дата обращения: 06.12.2023).

⁴¹⁶ Письмо Н.Я. Яковлева. 16-й стрелковый Императора Александра III полк, Галиция, 21 мая 1915 г. // ЯМЗ-65780.

найдете с добрый фунт свинцовых брызг и железных осколков. Тут дрались. И вот эта канавка приняла в свою зловонную и сырую глубину не одно последнее дыхание разбитых и распоротых людей. Теперь тут тихо и мрачно. Бои ушли далеко вперед. Здесь уже Российская империя. На этих полях, орошенных слезами и потом рабов-словаков и русин, стонавших долго и горько под вонючей и жесткой подошвой шваба»⁴¹⁷.

Параллельно с романтизацией окружающей среды Галиции в ее традиционном восприятии как объекта человеческих усилий или предмета созерцания в индивидуальных нарративах комбатантов происходила ее антропоморфизация. Данные описательные модели выходят за пределы утилитарной стратегической и тактической оценки местности военными, восприятия пространства как ресурса и театра боевых действий. Хотя даже в традиционно сухих военных репортажах, пока еще в единичном порядке, природа обозначалась в качестве активного субъекта: «...центр тяжести работ и использование сил и материала продолжают лежать на выдвинутом участке ... ведется непосильная борьба с болотом в стремлении создать прочную передовую позицию....В результате — болота победить не удалось, громадные усилия и груды материала столь ценного при трудности подвоза, затрачены без пользы, а главная позиция и по сейчас не готова»⁴¹⁸. Документы командования армий и отдельных соединений полны примеров описания бессилия частей перед природными стихиями: паводками и наводнениями, болотистой и горной почвой, дождями и снегом.

С момента первых военных поражений в индивидуальных нарративах комбатантов русской армии окружающая природа Галиции была превращена в реальное действующее лицо, которое либо оказывало сопротивление, препятствовало реализации планов, сводило на нет предпринимаемые усилия, либо способствовало военному успеху, выступив союзником — выгодным тактическим плацдармом для наступления или обороны, а также

⁴¹⁷ Саянский Л.В. Указ. соч. С. 90.

⁴¹⁸ Приказ по особой армии, 15 декабря 1916 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп .1. Д. 704. Л. 51.

одушевленным помощником. Подобные образы природы выполняли важные компенсаторные функции для участников войны, особенно при переработке негативного военного опыта. Сопротивление неконтролируемых природных сил Галиции, при условии изначального представления австрийцев в качестве слабого противника, позволяло смягчить моральную тяжесть поражения, сместить собственную вину вовне. Чаще всего подобная конструкция дополнялась апелляцией к недостатке боеприпасов или конспирологическими теориями о предательстве или некомпетентности командования.

В момент крупных военных поражений полностью утратили свою значимость пропагандистские шаблоны и каноны романтической символизации природы. Среда и пространства приобрели однозначно враждебный характер, более того, они характеризовались авторами в логике демонизации, были превращены в более опасного врага, чем австрийские и немецкие армии. В подобном ключе негативной антропоморфизации описывал опыт оставления Галиции Степун: «Отступление было крайне тяжелое: сзади австрийцы, спереди австрийцы, сбоку австрийцы. Но кроме австрийцев еще два злейших врага: полная нераспорядительность начальства и обозлившаяся на нас природа»⁴¹⁹.

Горные ландшафты Карпат в условиях масштабных военных операций и особенно после начала отступления утратили свою сказочную привлекательность. С этого момента они представлялись как препятствие для перемещения войск и проведения наступательных операций: «10 октября. ... Да и в правду надо сказать, не очень-то раскочешься на этих горных, скользких тропинках и скатах. Леса, овраги, бурелом, камни — вот театр для кого угодно, то только не для конницы»⁴²⁰. Неравная борьба с высотой в условиях отсутствия технического обеспечения представлялась в качестве непосильной и для человека, и для его помощника лошади задачи: «И полезли мы на гору крутую — версты две шли, все в гору. На лошадях никак нельзя

⁴¹⁹ Степун Ф.А. Указ. соч. С. 37.

⁴²⁰ Саянский Л.В. Указ. соч. С. 102.

было влезть. Пулеметы сначала везли на себе пулеметчики, а потом нельзя было везти — разобрали на части и понесли на себе, потому что гора крутая и на дороге лед, никак нельзя влезть. Походные кухни и обоз остался весь внизу у подошвы гор»⁴²¹.

Восприятие природной среды Галиции трансформировалось под влиянием негативных погодных условий на военные действия и даже окопный быт. Карпов, прибывший на Юго-Западный фронт в статусе вольноопределяющегося, при первом опыте участия в боевых действиях и холодных ночей, определяет климатические условия Галиции в качестве более значимой опасности, чем стрельба противника: «Две-три таких ночи, и пропаду я со всеми своими потрохами ни за понюшку табаку. Такая погода в тысячи раз страшнее австрийских пуль и шрапнелей»⁴²². Анисимов противопоставлял враждебное пространство Галиции безопасности родного дома, одушевляя и природу, и погодные условия: «На старомъ Биваке, а погода холодная стоять, такъ и пронизываетъ до костей. ...Природа заставлятъ миритца совсеми неудобствами, невольню спомнишь о Домашней Жизни...»⁴²³. Осиновских также поставил в один ряд опасность от огня неприятеля с неблагоприятным температурным режимом и продовольственными проблемами в русской армии: «12 дней под пушками стоим и не знаем сколько еще пробудем, ночи холодные, дождь, все замерзли, 4 сутки хлеба не кушали, потому что нельзя было достать»⁴²⁴, «Хлеба выдавали сначала ½ ф. потом ¼ ф., а сейчас совсем не выдают, вместо хлеба выдают рис и крупу и

⁴²¹ Кудрявцев А.Н., Соколов А.В. В окопах и в плену. Солдатский дневник Первой Мировой войны старшего унтер-офицера 130-го пехотного Херсонского полка Мурсатова Н.Д. // Запад — Восток. 2014. № 7. С. 136–152.

⁴²² Дневник И.В. Карпова, запись 24 августа 1914г. // Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003 (дата обращения: 06.12.2023).

⁴²³ Анисимов М. Дневник, запись 2 ноября (20 октября) 1914 г. // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479451> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴²⁴ «Смерть ожидаю каждую минуту...»: письма Максима Степановича Осиновских, рядового (младшего унтер-офицера) // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 48.

картошку, совсем даже заморили, спим в конюшнях, и на улице в палатках очень холодно, все испростыли, а все двигаемся в перед»⁴²⁵

Еще более усугублялось воздействие климата на горных склонах Карпат в зимних условиях ведения военных действий 1914–1915 гг. Непривычный даже для русских армий холод превратился в ключевую составляющую телесного опыта на высоте и его запечатления в текстах эго-документов: «Очень сильный ветер и холод, покрылось везде льдом, обвозы и орудия вытаскиваем на себе ... Ноги скользят, тащит и на желудке нет ничего, а ветер так и сечет. Нет терпения, сапоги застыли, а об ногах говорить не осталось»⁴²⁶. При этом, экстремальность погодных условий, их резкая смена связывались именно с горными ландшафтами, уже лишенными своей романтической составляющей: «Переходили Карпатские горы, которые очень высоки так что с утра и до вечера идем в гору и не можешь подняться спали в горах на снегу ночи были холодные ветры сильные, сами знаете, что на горах»⁴²⁷. В дневниковых записях Брадиса горы превращены в основного противника, на котором концентрируется вся злость и бессилие: «Ну и погодка. Чтоб их разорвало, эти Карпаты. С вечера дождь. Ночью ветер страшный, так и рвал. Под утро снег пошел и сейчас так бело, как зимой. Продрог сегодня в окопе...»⁴²⁸.

Быстро трансформировавшись из приключенческих рассказов в описания физиологического кошмара, дневники и письма комбатантов сформировали устойчивый образ гор, покрытых снегом вперемешку с кровью: «Не даром Карпаты нашим героям достались. Много очень народу легло, и все

⁴²⁵ Там же. С. 49.

⁴²⁶ Анисимов М. Дневник, запись 20 ноября (7 ноября) 1914 г. // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479464> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴²⁷ «Смерть ожидаю каждую минуту...»: письма Максима Степановича Осиновских, рядового (младшего унтер-офицера) // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 52.

⁴²⁸ Дневник Николая Модестовича Брадиса, участника Первой мировой войны (1915 год, март–май) // Псков. 2016. № 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-nikolaya-modestovicha-bradisa-uchastnika-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (дата обращения: 14.10.2023).

Карпатские горы в солдатской крови, а реки и ключи из солдатских слез»⁴²⁹. Пропагандистский образ Карпат как исторической «колыбели русского народа» был перетолкован в место гибели его лучших представителей: «Только надо сознаться: весь наш кадровый состав остался в Галиции. Недаром австрийцы говорят, что „Карпаты — могила русской армии“. Так оно и получилось»⁴³⁰. Примечательно, что противник в лице австрийцев был исключен из роли виновника поражения, основная его тяжесть приписывается именно непреодолимым природным условиям.

Напротив, не столь часто встречающееся в эго-документах представление природы в качестве одушевленного союзника обеспечивало позитивный эмоциональный настрой и надежду на изменение боевой ситуации в лучшую сторону. Л. Саянский комбинирует в своих записках мотив природы как союзника и одновременно жертвы войны: «Застонала земля пред окопами нашими и, не смогшие остановить огнем близящийся вал стрелки, поспешно ушли из окопов по опушку леса сзади, чтоб там с помощью толстых деревьев остановить бешеный прилив рыцарей»⁴³¹. Невиданная доселе мощь артиллерийских орудий заставляла «стонать» даже землю, но лес выступил на стороне русской армии и защитил ее от наступающего противника.

С момента начала «великого отступления» 1915 г. восприятие растительного и животного мира в качестве жертвы войны встречалось все чаще, сами ландшафты утратили свою естественность, через техническое и антропогенное воздействие они превратились в жертву милитаризации. По мере продвижения по Галиции и развития военных действий окружающая среда Галиции нарративизировалась комбатантами в качестве жертвы, искалеченной серьезным техногенным вмешательством и перемещениями обеих армий: «Снаряды пушечные рвались чуть не на сто саж[еней] от нас

⁴²⁹ *Анисимов М.* Дневник, запись 10 мая (27 апреля) 1915 г. // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479464> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴³⁰ *Фурманов Д.А.* Дневник, 1914–1916. М., 1930. С. 121.

⁴³¹ *Саянский Л.В.* Указ. соч. С. 103.

всего, стрельба из ружей и пулеметов все равно было веку представление земля тряслась от выстрелов»⁴³². Участниками войны подчеркивалась насыщенность пространств техникой и отходами: «... часто встречаются разбросанными массы амуниции, как русской, так и австрийской, брошенной в бою, масса поломанных и пожженных ружей, разстреляных гильз»⁴³³. Щеглов добавил к подобным описаниям картину гибели мобилизованных животных: «По дороге везде встречаю масса брошенных патронных двуколок автр[ийских] с их снарядами, масса всевозможных повозок, но больше всего убитых лошадей, всю дорогу они устилают»⁴³⁴. При этом степень загрязнения территории военными отходами сравнивается с непроходимыми лесами: «Пулеметной ленты множество и в каждой ленте 10 шт. разрывныхъ пуль. Винтовокъ, Карабиновъ, Кинжаловъ, какъ чащи навалено»⁴³⁵. Описывая видимый и осязаемый экологический аспект загрязнения авторы фиксировали количество крупного металлического мусора на разных участках ведения боевых действий, последствия промышленного загрязнения и военного ущерба окружающей среде: «1 часъ дня приехали на пограничную Таможню, Станція Радзивилово, в глаза бросаютца развалины обгорелого Сельскохозяйственного Склада, разныя машины, разнова рода железа — чево, чево здесь не сгорело»⁴³⁶. Степун добавляет к картине загрязнения ландшафтов множественные медицинские отходы: «... всюду мерзость запустения. Всюду

⁴³² «Смерть ожидаю каждую минуту...»: письма Максима Степановича Осиновских, рядового (младшего унтер-офицера) // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 44.

⁴³³ Дневник И.В. Карпова, запись 24 августа 1914 г. // Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Zc_1003&eid=Zc_0001_0008 (дата обращения: 06.12.2023)

⁴³⁴ «...Сейчас же ясно представилось что меня убьют»: дневник Владимира Николаевича Щеглова, корнета // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 140–141. Запись от 2 сентября 1914 г.

⁴³⁵ Анисимов М. Дневник, запись 6 ноября (24 октября) 1914 г. // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479455> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴³⁶ Анисимов М. Дневник, запись 26 октября (13 октября) 1914 г. // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479445> (дата обращения: 14.10.2023).

вокруг церкви и вокруг нашего дома окопы, заваленные всяким мусором, кровавой ватой и бинтами»⁴³⁷.

В данных текстах раны и травмы, нанесенные войной природе, одновременно играли роль символизации человеческих страданий, тех сложностей, с которыми столкнулась русская армия. Мирная, даже праздная картина в нарративах комбатантов, не принимавших непосредственное участие в военных операциях, либо в нарративах, созданных до активной фазы вооруженного столкновения, полностью диссонировала с более поздним отражением опыта пребывания в завоеванной австрийской провинции, содержащим максимальное количество натуралистических, страшных подробностей: «наша Мортрная угодила въ Австрискую яму, где похоронено множество Австрицевъ. Очень на ихъ было смотреть Ужасно, у ково головы нетъ, у ково внутренности вывалились, кто глаза вылупилъ, у ково повылопали, землей перепачкались. Сильное зловоние, Боже мой, такъ волосы дыбомъ и становятца, а по телу — дрожь...»⁴³⁸. В описаниях комбатантов более частыми становятся техногенные загрязнения и следы пребывания многотысячных армий на ограниченной территории. Некоторые авторы, к примеру Карпов, даже рефлексировали разницу между эйфорией приключенческого восприятия начала войны и более поздними этапами, наполненными отступлением и поражениями: «Боялись, когда ехали, как бы нам не опоздать, как бы без нас не кончили войны, боялись, что нам не придется понюхать пороха, увидеть вблизи врага... А тут с первых же пор и прежде всего грязь, дождь, изныванье в окопах, голод...»⁴³⁹.

И если в период наступления мотив движения и перемещения по ландшафтам вызывал любопытство, эмоциональный отклик открытия нового,

⁴³⁷ *Стелун Ф.А.* Указ. соч. С. 112.

⁴³⁸ *Анисимов М.* Дневник, запись 6 ноября (24 октября) 1914 г. // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479455> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴³⁹ Дневник И.В. Карпова, запись 14 сентября 1914 г. // Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Zc_1003&eid=Zc_0001_0008 (дата обращения: 06.12.2023).

воспринимался как путешествие, то на этапе отступления природа полностью была замещена описаниями максимально милитаризированных антропогенных пространств: «1 октября ... С утра и до ухода дня в глазах мелькали остатки окопов, укреплений, волчьих ям и тысячи братских могил»⁴⁴⁰. Здесь все еще присутствуют пропагандистские интерпретации, однако, они утратили однозначно глорифицирующий характер: «Снова перед нами величественный Дунай. Сколько раз в прошлые столетия русские войска пересекали Дунай, выручали своих младших братьев-славян. А теперь с позором отступаем. Горько сознавать свое бессилие»⁴⁴¹. С этого момента в нарративах все чаще встречаются антивоенные настроения в целом: «Вот где ужасное, смрадное, отчаянно-уродливое, дико-жестокое лицо войны. Одичавшие псы с кровавыми мордами, жрущие зловонное разлагающееся мясо и при приближении только отбегающие на десяток шагов и злобно глядящие — когда можно опять подбежать и жрать труп...»⁴⁴². Кажется, сама природа начала жестоко мстить людям за их разрушения.

Примечательно, что именно с момента военного поражения и начала отступления из Галиции в описаниях милитаризированных ландшафтов появились люди: местное население и противник. Очень ярко поворот в описаниях беллигеративных ландшафтов виден в дневниковых записях Ильина, который в конце мая 1915 г. вместе с отступающей армией покидал Галицию: груз утраченных военных иллюзий транслируется на восприятие окружающих его пространств и попытки компенсировать нелестное сравнение родных просторов и вражеской территории: «Да, родина! Как я понимаю это слово теперь. Так и повеяло Русью: плохое шоссе, неустроенность. Где чистота и культура Галиции? Но все это родное. И еврей-то здесь другие, как-то лучше и симпатичнее»⁴⁴³. Антисемитские образцы толкования в нарративах русских комбатантов были достаточно распространенным шаблоном

⁴⁴⁰ Саянский Л.В. Указ. соч. С. 92.

⁴⁴¹ Степун Ф.А. Указ. соч. С. 37.

⁴⁴² Ильин И.С. Указ. соч. С. 88.

⁴⁴³ Там же. С. 12.

описания Галиции, выполняя разные функции, к примеру, в данном случае, обнаружения неприглядной изнанки в ухоженных галицийских пространствах. Антисемитизм был в равной степени характерен и для текстов офицеров: «Грязь же от массы евреев, здесь как-то особенно грязных и забитых, да и постоянное движение наших обозов порядочно делает киселя на дорогах»⁴⁴⁴, и для редких текстов нижних чинов: «Пріехали въ Жидовскій грязный Городокъ Луковъ»⁴⁴⁵. Многозначный термин «грязь» используется для обозначения физического состояния почвы, а также для обозначения необустроенности жилищ, отсутствия цивилизации и эпидемиологической опасности.

Одним из наиболее разрушительных примеров антропогенного воздействия на ландшафт в пределах оккупированных территорий стала политика выжженной земли, фиксация которой уже на первоначальных этапах войны находила отражение в нарративах комбатантов. Однако, первоначально описывался опыт применения тактики только противником: «Говорят, что немцы, отступая перед русскими войсками, отравляют стрихнином фураж»⁴⁴⁶, «Подъехал к реке увидел разрушенный австрийцами мост. Нигде не вижу переправы. Сильно начали палить из орудий, въехал в город»⁴⁴⁷. Серьезным моральным обоснованием тактических действий, наносивших значительный урон окружающей среде со стороны собственной армии выступали в индивидуальных нарративах комбатантов демонизация природы и возведение милитаризированного ландшафта в статус реального врага: «Отход происходил планомерно и в большом порядке. Ни пленных, ни раненых мы за собой не оставляли. Местность, через которую проходили наши войска, была

⁴⁴⁴ Дневник И.В. Карпова, запись 5 сентября 1914 г.// Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003 (дата обращения: 06.12.2023).

⁴⁴⁵ Анисимов М. Дневник, запись 18 октября (5 октября) 1914 г. // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479437> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴⁴⁶ Смирнов-Рунский А. На войне: Записки строевого офицера. Пг., 1914. С. 24.

⁴⁴⁷ «...Сейчас же ясно представилось что меня убьют»: дневник Владимира Николаевича Щеглова, корнета // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 149.

предана огню. Сжигались деревни, скирды с хлебом, а скот либо уничтожался, либо угонялся вслед за войсками»⁴⁴⁸.

В мемуарах, отражавших воздействие войны на окружающую среду, прямо указывалось на то, что непосредственная цель оказания воздействия на ландшафт — причинение максимально ущерба ресурсам противника и затруднение его перемещений: «Все таки оставш[иеся] перебили заставу. Как только открыли по нам огонь, мы перешли железнодорож[ную] насыпь. Взорвали рельсы. Перерез[али] телегр[афные] провода»⁴⁴⁹. При этом, масштабы разрушений часто превышали ожидаемый результат и, более того, выходили из-под контроля военных: «Когда же весной 1915 года было приказано начать отход с Карпат — лесной склад в Турках и нефтяные промыслы в районе Дрогобыча распоряжением штаба армии были подожжены. От пылавшего лесного склада получилась такая раскаленная атмосфера, что едва не загорелся г. Турка. От горевшей же нефти над всей окрестной местностью стояло колоссальное черное облако и было трудно дышать на несколько верст кругом»⁴⁵⁰. Разрушению подвергались и стратегически важные объекты: «... мы приступили к уничтожению моста, заложили заряды, подожгли и мост взлетел на воздух, береговые остатки моста облили смолой и подожгли»⁴⁵¹. Последствия подобной политики опустынивания местности со стороны русской армии фиксировались в нарративах, созданных в ходе повторной оккупации Восточной Галиции: «Мы опять в австрийской земле ниже Томашева. Стояли возле замка Сапеги; конечно, русские его в достаточной мере разграбили. Не говоря о том, что коляски, лошади, во дворе цветы палисадника испортили; все внутри ценное

⁴⁴⁸ Торнау С.А. С родным полком (1914–1917 гг.). Берлин, 1923. С. 73.

⁴⁴⁹ «...Сейчас же ясно представилось что меня убьют»: дневник Владимира Николаевича Щеглова, корнета // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 150.

⁴⁵⁰ Экк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе, 1868–1918. М., 2014. С. 559.

⁴⁵¹ Рассказы солдат и унтер-офицеров царской армии о боевых эпизодах во время 1-й мировой войны 1914–1915 годов // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 605. Л. 15.

забрали. ... Что пишут про австрийцев на счет погромов-применимо и к русским... Пасеки всюду поразбиты. ... Стыдно за русским, несущих с собой разгром»⁴⁵². Показательно, что в описаниях высокопоставленных офицеров русской армии отсутствует личностное отношение к подобного рода действиям, стратегическое значение уничтоженных ресурсов при захвате его противником в системе военных приоритетов оказывалось выше вопросов сохранения природных ресурсов и технических сооружений для вчерашних братьев — русин.

Описания ландшафта периода отступления русских армий Галиции служили для комбатантов средством демонстрации масштабов обезчеловечивания войны, отчётливее всего выразившегося в практике массового воздействия новых типов оружия. В текстах офицеров и нижних чинов появляется множество натуралистичных подробностей, описания слепой в своем выборе смерти: «Трупы лежали и слева, и справа, лежали и наши, и вражьи, лежали свежие и многодневные, цельные и изуродованные. Особенно тяжело было смотреть на волосы, проборы, ногти, руки... Кое-где из земли торчали недостаточно глубоко зарытые ноги»⁴⁵³, «Убило мертвые тела лежат на поле несхороненные потому что нельзя ихние лежат и наши солдаты когда пойдут собирать так по ним стреляют»⁴⁵⁴. Нарративы нижних чинов зафиксировали эффект постепенного привыкания к смерти в окружающих их пространствах: «Мы идем все вперед и вперед верст 30 и 40 когда и больше, грязно, ночи темные, беда чистая идешь бывало по суткам и не сколько не отдыхаешь по пути валяются убитые австрийцы на поле и на дороге сперва было страшно, а сейчас ничего привыкли»⁴⁵⁵.

⁴⁵² Письма с войны 1914–1917 / сост., коммент. и вступ. статья А.Б. Асташова и П.А. Симмонса. М., 2015. С. 334.

⁴⁵³ *Стенун Ф.А.* Указ. соч. С.19.

⁴⁵⁴ «Смерть ожидаю каждую минуту...»: письма Максима Степановича Осиновских, рядового (младшего унтер-офицера) // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 48.

⁴⁵⁵ Там же. С. 45.

Окружавшие комбатантов ландшафты постепенно наполнялись картинами массовой смерти, которые вытесняли предшествующие описания живой и красочной природы. Падеж лошадей очевидно принял столь ужасающий размах, что мимо описания непогребенных останков животных, их предсмертных страданий не проходит ни один автор изучавшихся нарративов: «Двинулись на Ярославль. По дороге масса павших от истощ[ения] лошадей. Стали уже бросать повозки. Видно сразу отступление. У Ярославля спешно возводились укрепления ... Прямо у нас на глазах падали лошади»⁴⁵⁶. Вчершнего крестьянина Анисимова подобный расход ценных ресурсов приводит в состояние повышенной эмоциональной реакции: «6 ноября (24 октября) 1914 г. 6 Чес[ов] утра снесли с позиции, поехали вперед по трактовой дороге. По дороге и въ окопах валяютца еще не прибраны Нашихъ Героевъ тела. Боже мой, а сколько Лошадей убито! Далее идешь, смотришь въ окопе придавило Человекъ несколько»⁴⁵⁷.

В своих записках В. Белов, явно пытавшийся литературизировать описание катастрофы отступления и многотысячных потерь русской армии, обратился к узнаваемой для русского читателя метафоре кровавых рек: «Ухватившись за ствол склонившейся к озеру старой, печальной ивы и придерживаясь за ветку больной рукой, наклонился, зачерпнуть ладонью благодетельной влаги, помочил горящий лоб и виски, и поднес другую пригоршню ко рту. Необычайно-солончатый вкус и слабый посторонний запах поразил его. Он взглянул на свою ладонь и мгновенно разжал ее в ужасе, взглянул перед собой, и одинокий растерянный, отчаянный крик потряс безмолвие старого леса. Между ветвей дерев, более редких в этом месте прорывались медные косые прощальные лучи солнца. Они скользнули по медлительной будто маслянистой ряби обширного озера, в котором вода была

⁴⁵⁶ «...Сейчас же ясно представилось что меня убьют»: дневник Владимира Николаевича Щеглова, корнета // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 185.

⁴⁵⁷ Анисимов М. Дневник, запись 6 ноября (24 октября) 1914 г. // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479455> (дата обращения: 14.10.2023).

алого цвета....»⁴⁵⁸. Стоит обратить внимание на контекст публикации данного источника: записки офицера, увидевшие свет в разгар военной кампании, не могли не содержать пропагандистских посланий. Расхожая метафора «кровавых рек» способствует эмоциональному воздействию на читателя с целью поддержания патриотических настроений через концентрацию внимания на принесенных жертвах освободительной войны.

В тех же приемах демонической романтизации Саянский описал карпатскую катастрофу русской армии: «...целый аккорд звуков, сплетающихся и отскакивающих от каменных троп и в диссонансах и в гармоничных консонажах... Поет, мечется и плачет горное эхо... А не смолкнувшее еще эхо далеко по перевалам и запутанным ущельям стонет и служит успокойную, мистическую мессу по прерванным внезапно молодым жизням»⁴⁵⁹.

В важный художественный прием описания нового опыта превратилась фиксация звуков и запахов милитаризированных ландшафтов: «Отчетливо слышен одуряющий запах крови»⁴⁶⁰, «Ужасный стоит запах от присутствия множества раненых»⁴⁶¹. С достаточной степенью вероятностью можно предположить, что ольфакторные метафоры были связаны со смертью и страхом перед ней: «На дорогах видим массу отбитых нами у австрийцев повозок, зарядных ящиков, патронов, снарядов валяются трупы лошадей, которых никому нет никакой нужды закапывать. Воздух вблизи этих трупов ужасен»⁴⁶². Именно небрежные массовые захоронения, которые невозможно было устраивать в соответствии с санитарными стандартами в ходе военных действий, вызывали наибольшие эмоции: «Ужасно, у ково головы неть, у ково

⁴⁵⁸ Белов В.М. Лицо войны: Записки офицера. Пг., 1915. С. 123.

⁴⁵⁹ Саянский Л.В. Указ. соч. С.132.

⁴⁶⁰ Дневник И.В. Карпова // Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003 (дата обращения: 06.12.2023).

⁴⁶¹ «...Сейчас же ясно представилось что меня убьют»: дневник Владимира Николаевича Щеглова, корнета // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. С. 138.

⁴⁶² Дневник И.В. Карпова, запись 2 сентября 1914 г. // Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_1003 (дата обращения: 06.12.2023).

внутренности вывалились, кто глаза вылупилъ, у ково повылопали, землей перепачкались. Сильное зловоние»⁴⁶³. Комбатанты не просто фиксировали загрязнение водных источников человеческими останками и трупами животных, но и неизбежность употребления этой воды при приготовлении пищи: «6 ноября (24 октября) 1914 г. В рекахъ и ключахъ валяютца убитыя Лошади, а ты на чай воду берешь, сперва противно было, но въ силу необходимости, пришлось помиритца с судьбой и смотреть на всё хладнокровно»⁴⁶⁴.

* * *

В индивидуальных нарративах (письмах, дневниках, мемуарах) русских комбатантов Великой войны когда-то речные, горные, лесные, а теперь в равной степени милитаризированные ландшафты конструировались в широком спектре приемов антропоморфизации природных объектов и явлений: от их романтизации до демонизации, от лишения загрязняющего человеческого присутствия до отражения практик выжженной земли и подчеркнутого антисемитизма. Наиболее распространенными шаблонами описания новых впечатлений от чужеродной окружающей среды стали литературные, пароли, закрепившиеся как каноны описания нового опыта уже в преддверии новой мировой войны.

Романтическое восприятие галицийских ландшафтов доминирует в источниках, созданных на начальном этапе военных операций в Галиции. Авторов, использовавших буколический образ природы в коммуникации с оставшимися в тылу родственниками или в саморефлексиях, объединял высокий уровень образования, начитанность, в отдельных случаях, наличие опыта пребывания в чуждой местности. При романтическом описании галицийской природы из повествования исключались очевидные приметы военного времени, пейзажи лишены даже человеческого присутствия:

⁴⁶³ Анисимов М. Дневник, запись 6 ноября (24 октября) 1914 г. // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479455> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴⁶⁴ Там же.

воображаемое пространство принудительно освобождено от разоренного и пострадавшего населения как живого свидетельства трагичных событий. Созерцание и описание живописных ландшафтов в нарративах стали формами фронтального эскапизма. Свидетельства комбатантов об окружающей среде соответствуют канонам юношеской литературы путешествий и приключений, изобилуют художественными приемами. Природные объекты стилизовались под достопримечательности, а перемещение между ними — под экскурсию по незнакомой, но притягательной местности. Романтизации подвергалось даже разрушительное индустриальное воздействие войны на природные ландшафты, авторов удивляли и восхищали невиданные ранее технические возможности человека по переустройству природы.

Напротив, конструирование демонизированных образов галицийских ландшафтов было обусловлено необходимостью осмысления негативного военного опыта — катастрофы отступления русской армии 1915 г. В этот момент полностью утрачивают свою значимость пропагандистские шаблоны, и демонизация природного мира позволяла преодолеть противоречия между горизонтом ожидания и личными переживаниями, обусловленными травматическим военным опытом. Характерными чертами нарративизации военного опыта стали свидетельства милитаризации природных и антропогенных ландшафтов, произвольная фиксация экологического ущерба окружающей среде вследствие перемещений многочисленных армий Юго-Западного по территории Галиции.

Отметив первоначальную схожесть в описаниях ландшафтов Галиции непосредственными наблюдателями и участниками войны, следует подчеркнуть их более позднее принципиальное расхождение. Вербльное конструирование милитаризированных ландшафтов военными корреспондентами вернуло их в каноны антивоенного письма русской творческой интеллигенции. В текстах же комбатантов, взявшихся за перо исключительно под влиянием войны, мобилизованная на ее цели окружающая среда была возведена в ранг действующей наравне с противником силы,

непреодолимый характер которой и обусловил военное поражение. Обозначение природных сил и климатических условий окружающей среды как причины стратегического провала способствовало компенсации чувства вины комбатантов. Примечательно, что даже повторная оккупация восточных территорий Галиции не вернула в нарративы ощущения первоначальной эйфории. Милитаризированные ландшафты остались пространством смертельной угрозы.

§ 2. Оккупированная Галиция в свидетельствах русских военных медиков

Особую группу носителей галицийского опыта Первой мировой составили военные медики: корпусные доктора, сестры милосердия, врачи оккупационной администрации, эпидемиологи и бактериологи, специально приглашенные из столичных университетов. Во-первых, особенности природы и климата провинции влияли на практическую деятельность медицинского персонала (малоизвестные штаммы болезней, высокая вероятность распространения инфекций при плотности размещения комбатантов, отсутствие данных об источниках воды). Во-вторых, бегство на запад австрийских медиков, более осведомленных о санитарно-медицинских угрозах в Галиции, создавало минимальные возможности трансфера знаний и коммуникации для русских специалистов. С одной стороны, это закрепляло сформированные еще до оккупации представления, с другой — требовало собственных эпидемиологических исследований. В-третьих, в отличие от солдат и оставивших мемуарное наследие офицеров, медики соприкасались непосредственно с местным населением, у них была возможность плотного профессионального контакта с жителями Галиции. Наконец, на примере именно этой профессиональной группы военных мы получаем возможность проанализировать женский взгляд на войну и природу, что практически невозможно в других источниковых массивах о пребывании русских армий в Галиции.

Пропагандистский образ галицийской природы в самом начале войны вступил в противоречие с непосредственными переживаниями оккупации: окружающая среда в целом и ее отдельные элементы подверглись антропоморфизации и были интегрированы в образ врага. Сама местность, позитивно описываемая в публицистических материалах в перспективе будущей интеграции, в эпидемиологическом ракурсе оценивалась как загрязненное болезнями пространство, на котором проживает заразное население, особенно, если речь шла о т.н. «еврейских местечках». Согласно русским публикациям, населенная родственными русинами австрийская провинция, где венские власти намеренно поддерживали нищету и запустение, нуждалась в помощи и культивировании со стороны Российской империи как отсталая в санитарно-медицинском плане территория. Колониальное по своему характеру представление медиков об отсталости провинции и связи эпидемиологических угроз с природой и климатом выступало в этой ситуации как более подходящий образец толкования. Восприятие военным командованием и оккупационной администрацией паролей медикализации природы и их интеграция в ведомственный язык и практики создавали структуры воображаемого контроля над ситуацией. Соответствующий индустриальной эпохе технократический подход к обеспечению эпидемиологической безопасности окружающей среды распространился на практики оккупации. Официальные и индивидуальные нарративы медиков, находившихся в Галиции в этот период, позволяют выявить конфликтные стороны этого процесса, реконструировать эффекты медикализации оккупированных пространств, их окружающей среды и населения.

На основе анализа индивидуальных нарративов и экспертных материалов, созданных врачами и сестрами милосердия Юго-Западного фронта в период оккупации австрийской провинции Галиция, в данном параграфе предполагается реконструировать модели описания беллигеративных ландшафтов и практики их освоения медицинским персоналом.

Значительную часть медицинского персонала, оказавшегося в Галиции в период с 1914–1915 гг. и позже в 1916 г., составляли корпусные доктора подразделений русской армии. Их непосредственная деятельность ограничивалась работой с пострадавшими на поле боя офицерами и солдатами Российской империи. Однако, необходимость организации системы медицинских учреждений на территории завоеванной австрийской провинции требовала присутствия значительного количества врачей и сестер милосердия из Российской империи, которые участвовали в деятельности оккупационной администрации. Так, публикация в Вестнике Красного Креста за февраль 1915 г., свидетельствовала о нехватке персонала на местах при проведении вакцинации населениях новых провинций, что говорит о больших объемах работы: «Согласно сообщению главноуполномоченного юго-западного района, сенатора Иваницкого, гражданские власти южных губерний Польши и Галиции нуждаются во врачах, фельдшерах и сестрах милосердия для обеспечения населения медицинской помощью в борьбе с эпидемиями. ... Фельдшерицы нужны, главным образом, для оспопрививания»⁴⁶⁵.

Обозначение данной проблемы встречается также в отчетной документации Военно-санитарного управления генерал-губернаторства Галиции за 1915 г.: «деятельность управления вызвала настоятельную необходимость увеличения существующего штата его...»⁴⁶⁶. В качестве главной организационной сложности деятельности Военно-санитарного управления назывались, во-первых, двойственность направлений деятельности (работа как с военными подразделениями, так и с гражданским населением): «В генерал-губернаторстве было сосредоточено значительное количество войсковых частей, а также тыловых учреждений и заведений»⁴⁶⁷, во-вторых, широким кругом обязанностей медицинского персонала:

⁴⁶⁵ Медицинская помощь Галиции // Вестник Красного Креста. 1915. № 2. С. 535.

⁴⁶⁶ Отчет о деятельности военно-санитарного Управления генерал-губернаторства Галиции с 6 октября 1914 года по 1 июля 1915 г. Киев, 1915. С. 3.

⁴⁶⁷ Там же. С. 2.

«наблюдать за состоянием запаса медицинского имущества»⁴⁶⁸, «снабжать дезинфекционными средствами войсковые части и учреждения всех армий, оперирующих в Галиции», «организовать планомерную борьбу со вспышками заразных заболеваний среди местного населения»⁴⁶⁹.

В восприятии военного командования и оккупационной администрации медицина создавала иллюзию безопасности и выступала дополнительным средством контроля территории наряду с военными мероприятиями. Медицинские практики поддерживались, в первую очередь, с утилитарной целью создания благоприятных условий для пребывания воинских подразделений в период войны: «...пагубные антигигиенические условия, порождающие многочисленные заболевания, которые выводят из строя часто большее количество людей, чем сами бои»⁴⁷⁰. Во-вторых, с целью защиты основной территории империи: «Очень важно не допускать проникновения бактерий и зараженных ими насекомых из армии внутрь страны»⁴⁷¹. Но значимой характеристикой специфического опыта Юго-Западного фронта представлялось осуществление очистки и дезинфекции Галиции в перспективе долгосрочной интеграции новых губерний в структуры империи: «Требуется устройство колодцев, проведение дренажей, устранение загрязненных вод и целый ряд технических работ не только для оздоровления данной местности, но и для предупреждения заразных болезней»⁴⁷². Термин «оздоровление» принимал в данном контексте двойное значение: местность нуждалась не только в санации, но и в очищении от своего немецкого наследия.

Специфика профессиональной деятельности на фронте не могла не повлиять на смену модуса восприятия медиками милитаризованной природы. Из статуса молчаливого свидетеля происходившего она перешла в статус

⁴⁶⁸ Там же. С. 3.

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ Оздоровление районов военных действий // Медицинское обозрение. 1914. № 16. С. 397–398.

⁴⁷¹ Общественно-медицинское обозрение // Медицинское обозрение. 1914. № 18–19. С. 558.

⁴⁷² Оздоровление районов военных действий. С. 397–398.

субъекта, определявшего специфику медицинской деятельности в условиях войны. Исходившие санитарные угрозы от территории Галиции активно обсуждались в профессиональном сообществе врачей Российской империи, основным каналом коммуникации которого в годы Первой мировой войны являлись профессиональные журналы. В экспертных публикациях признавалось, что медицина имеет в наличии средства стабилизации сложившейся ситуации, однако откровенно не готова к предлагаемым обстоятельствами объемам работы и новым условиям войны. Основными факторами распространения инфекций уже в 1914 г. признавался масштаб вооруженного столкновения, индустриальный характер войны, небывалое доселе скопление человеческих ресурсов на линии фронта: «В настоящее время прогресс человеческого знания и предусмотрительности значительно уменьшил опасность от разного рода эпидемий, даже и войсках, но небывалое количество участников войны не может не парализовать в значительной степени результатов успехов науки и опыта»⁴⁷³. Подчеркивание профессионального мастерства и возможностей медицинского персонала закладывало в экспертной коммуникации интерпретационные модели оправдания на случай военного краха. Позднее, в условиях начавшегося отступления русской армии, в отчете о деятельности Военно-санитарного управления в Галиции 1915 г., был представлен более развернутый перечень проблем, способствовавших распространению заболеваний, что подчеркивает стремление медицинского персонала продемонстрировать всю сложность ситуации, в которой им приходилось работать и оправдать тем самым уже свершившееся поражение: «война, разорившая край, разогнавшая местный врачебный персонал и прекратившая деятельность местных лечебных заведений, подготовила почву для развития среди голодающего и лишенного крова населения всякого рода заболеваний, лишила его в то же время всякой

⁴⁷³ Общественно-медицинское обозрение. С. 558.

медицинской помощи»⁴⁷⁴. Примечательно, что причиной разрушений, оттока местных врачей, голода и неблагоприятных санитарных условий обозначается «война», без внимания к действиям конкретных армий.

На начальном этапе оккупации Галиции в периодической печати, опубликованной на территории Российской империи, появились рекомендации для отъезжающих на территорию только что захваченной провинции. Предлагаемые меры по хлорированию воды создают образ Галиции как опасной, в первую очередь, с санитарной точки зрения местности: «Отъезжающим в Галицию следует запастись и хлорною известью для обеззараживания водяных источников»⁴⁷⁵. Медицинские советы напрямую связаны с формированием оккупационного дискурса. Грядущее столкновение комбатантов и гражданских лиц с окружающей средой, только что «освобожденной» от противника, представляется невозможным без соблюдения мер предосторожности по взаимодействию человека с ландшафтом. Кроме того, в медицинские тексты, в силу отсутствия достоверной экспертной информации, включены сведения из газетных заметок о противнике, якобы лишившем территорию средств дезинфекции: «так как австрийцы, отступая, захватили всю известь с собою. Другой способ обеззараживания воды, впрочем, далеко не совершенный, заключается в подмешивании к питьевой воде марганцево-кислого калия (так, чтобы вода сделалась розовой). (Из Русских Ведомостей)»⁴⁷⁶.

Угроза распространения инфекционных заболеваний стала причиной организации и проведения санитарным руководством далеко не медицинских, технических работ, используя, в том числе, ресурсы приобретенной территории: «7 июля 1915 г. ... Приходилось организовывать чистку помещений, ... ассенизацию. Раньше был недостаток известки, но, наконец, удалось отыскать печь вблизи каменоломни, откуда известка доставалась в

⁴⁷⁴ Отчет о деятельности военно-санитарного Управления генерал-губернаторства Галиции с 6 октября 1914 года по 1 июля 1915 г. Киев, 1915. С. 3.

⁴⁷⁵ Общественно-медицинское обозрение. С. 558.

⁴⁷⁶ Там же.

совершенно достаточном количестве»⁴⁷⁷, «было приступлено к механической очистке городов и других населенных пунктов»⁴⁷⁸. В отчетном докладе Д.К. Заболотного данная мера стерилизации пространства представлялась как как пример успешного медицинского управления, осуществления мер реагирования на вызовы среды и эпидемиологические условия. В период повторной оккупации Галиции в профессиональном медицинском сообществе декларировалась определенная успешность проведенных мероприятий и предпринятых мер по борьбе с распространением инфекций. При этом особо подчеркивалось снижение количества заболеваний по сравнению с дооккупационным периодом, что подтверждало доминирующее восприятие Галиции медицинским персоналом как территории отстающей в медицинском смысле от более прогрессивной Российской империи: «Для дезинфекции применялись ... сулема в таблетках, мыло и известка. Число инфекционных заболеваний мало. Эпидемии сыпного тифа нет, между тем в прошлые годы Галиция часто поражалась эпидемией сыпного тифа»⁴⁷⁹.

Одним из проявлений влияния природных условий на состояние здоровья и гигиены во время войны стало распространение вшей среди военнослужащих, гражданского персонала и местного населения. В актуальных на тот момент профессиональных журналах в качестве превентивных мер, предлагаемых к распространению в зоне риска, названы сложнореализуемые в полевых условиях способы: «Для личной гигиены можно рекомендовать ладанки из серы и шелковое белье, что, однако, при сильном поражении насекомых не дает полной гарантии. Успешно препятствует развитию паразитов пропитывание белья дегтем. Белый, очищенный деготь меньше пачкает белье и не раздражает кожу»⁴⁸⁰. В личных

⁴⁷⁷ Заболотный Д.К. О борьбе с заразными болезнями в местах, пострадавших от военных действий на Юго-Западном фронте // Врачебная газета. 1916. № 3. С. 52.

⁴⁷⁸ Отчет о деятельности военно-санитарного Управления генерал-губернаторства Галиции с 6 октября 1914 года по 1 июля 1915 г. Киев, 1915. С. 9.

⁴⁷⁹ Заболотный Д.К. Указ. соч. С. 52.

⁴⁸⁰ Общественно-медицинское обозрение. С. 558.

письмах комбатантов встречаются свидетельства, демонстрирующие, что в ситуации полной антисанитарии спасали только простейшие, примитивные меры: «... В хате помещается 14 человек ужасно тесно, духота. Чай кипятим в котле, но нужно добавить, в грязном, вода соленая. Благо, что я захватил шелковое белье, а то точно давно бы паразиты заели, в бане не был с Ельца»⁴⁸¹.

В медицинской профессиональной коммуникации после периода оккупации местное население маркировалось как основной источник, в том числе, венерических заболеваний: «Что касается венерических болезней... имеющей источником гражданское население, то несомненно значительное число нижних чинов заразилось ими в Галиции»⁴⁸². Оправдывая значительное количество случаев заражения венерическими инфекциями на фронте, из причин их распространения исключалось заражение местного населения от прибывших из России, а заболевшие местные жители вообще не выступали пострадавшими.

Борьба с природными угрозами требовала создания действующей санитарной и гигиенической инфраструктуры: «Западнее Львова в 4 пунктах имеются холерные госпитали. Там холерные больные задерживаются и обследуются. Выздоровевшие обследуются вторично. Имеются также еще фильтры, одни на пути, другие на границе с Россией»⁴⁸³. Возведение фильтрационных барьеров на путях между Галицией и Россией создавало воображаемую границу между пространством эпидемиологических угроз новой провинции и условно безопасной русской территорией. Успешность медицинских предприятий ставилась в зависимость от согласованности действий военного и гражданского управления на местах, тем самым ответственность за вспышки инфекций или случаи невозможности оказания медицинской помощи целиком перекладывалась на межведомственное взаимодействие и административные проблемы. Кроме того, транспортировка

⁴⁸¹ Письма с войны 1914–1917. С. 384.

⁴⁸² Отчет о деятельности военно-санитарного Управления генерал-губернаторства Галиции с 6 октября 1914 года по 1 июля 1915 г. Киев, 1915. С. 12.

⁴⁸³ *Заболотный Д.К.* Указ. соч. С. 52.

раненых и больных, мобильность дезинфекционных отрядов также подразумевали использование оставшихся ресурсов системы здравоохранения Австро-Венгрии: «недостаточность колесных аппаратов ... спешно отремонтировать австрийские колесные камеры ... заказать возможное количество во Львове»⁴⁸⁴.

Стремление осуществлять контроль за эпидемиологической обстановкой в Галиции не ограничивалось обсуждением лишь реактивных мероприятий. Хотя профилактические меры в виде прививок, как и в других армиях, не оценивались однозначно: «Допустимо также применение некоторых прививок (противохолерных и противотифозных), хотя мнения о них весьма расходятся. Там, где никакие другие меры предупредительные меры невозможны, отказываться от прививок не следует»⁴⁸⁵. Отсутствие точных сведений об эпидемиологических рисках на конкретной территории создавало ситуацию неуверенности в применимости и эффективности традиционных мер, хотя рекомендации по вакцинации сформулированы весьма размыто и не могут расцениваться как однозначная позиция медиков в условиях угроз.

При невозможности системной медицинской деятельности на враждебной территории в ходе войны, которая обуславливалась структурными и профессиональными дефицитами, причиной поражения в борьбе с угрожающей окружающей средой была традиционно объявлена санитарная безграмотность нижних чинов: «дурное качество воздуха в занятых нижними чинами помещениях.. причиной этого явления, помимо скученного размещения нижних чинов, является их неумение, а во многих случаях нежелание пользоваться существующими простейшими вентиляционными приспособлениями в виде форточек и стенных вентиляторов»⁴⁸⁶. Соппротивление солдат медицинским предписаниям

⁴⁸⁴ Верховному начальнику санитарной и эвакуационной части в Галиции. Отчет о поездке в Буковину, 10 февраля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 941. Л. 18.

⁴⁸⁵ Общественно-медицинское обозрение. С. 558.

⁴⁸⁶ Отчет о деятельности военно-санитарного Управления генерал-губернаторства Галиции с 6 октября 1914 года по 1 июля 1915 г. Киев, 1915. С. 6.

умножалось «нераспорядительностью начальства»: «за отсутствием умывальников... нижним чинам приходилось умываться у водоразборных кранов или у колодцев... зимой приводило к тому, что оно проводилось на скорую руку, без мыла, а мытье рук .. практиковалось весьма не часто»⁴⁸⁷. В итоге стремление военных медиков дезинфицировать окружающую среду оккупированной Галиции натолкнулось на сопротивление самих антропогенных ландшафтов войны, состояние и развитие которых не поддавалось контролю и научной логике: «состояние казарменных дворов в большинстве случаев оказывалось в высокой степени антисанитарным. ... большое количество навоза, разного рода мусора, человеческих экскрементов, а также переполнение помойных ям»⁴⁸⁸.

Служебные обязанности врачей и медсестер в условиях Первой мировой войны не ограничивались сугубо медицинской деятельностью. Небывалый масштаб военного конфликта, использование новых средств вооружения, значительное влияние войны на окружающую среду сформировали широкий круг функций и обязанностей медперсонала на фронте. В него входили налаживание работы полевых госпиталей, осуществление сортировки, эвакуации, сопровождения раненых, организация медицинских учреждений для оказания медицинской помощи местному населению, дезинфекция милитаризованного пространства, осуществление массового прививания, работа по распространению норм гигиены и санитарии среди местного населения, и даже ветеринарные функции.

Прибытие медицинского персонала на оккупированную территорию бывшей австрийской провинции для оказания врачебной помощи военнослужащим и местному населению на первоначальном этапе войны совпадало с логикой быстрого продвижения русских армий по завоеванной территории. В ранних записях военного врача Т.Я. Ткачева преобладает

⁴⁸⁷ Там же. С. 7.

⁴⁸⁸ Отчет о деятельности военно-санитарного Управления генерал-губернаторства Галиции с 6 октября 1914 года по 1 июля 1915 г. Киев, 1915. С. 9.

любопытство «туриста», естественный интерес к знакомству с экзотизированной в военной пропаганде местностью: «В первый же день мы ознакомились с окрестностями. Ездили в ближайшее поместье — Демблин. Возле дворца в парке расположилась конная сотня. Здесь же — цветники, дорожки. Дальше — пруд, купальня, на пруду устроены две будочки для лебедей, перед будочками плотики. Гордые белые птицы плавают по пруду и смотрят на то, как солдаты моют здесь свое грязное белье. Бедные лебеди! Что вы видели раньше? И что вы могли бы сказать сейчас, если бы могли говорить?»⁴⁸⁹. Также И.А. Арямов 19 декабря 1914 г. записывает в своем дневнике: «Сегодня путь был очень интересный: начались горные картины предгорья Карпат. Часто покрытые лесом, преимущественно хвойными деревьями, невысокие горы выглядят очень красиво, среди них разбросаны деревни, хутора — вид очень оригинальный»⁴⁹⁰. Еще не соприкоснувшись с работой госпиталей и дезинфекционных отрядов, он описывал свое перемещение по беллигеративным ландшафтам в форме путевых заметок (записок путешественника), используя приемы художественной выразительности и делая основным предметом своего внимания на этапе наступления диковинную для него галицийскую природу. Арямов, как выпускник Пензенской учительской семинарии, воспроизводит романтические каноны художественной литературы довоенного периода при описании своих переживаний. Романтизация галицийской природы одинаково характерна и для медиков, и для рядовых комбатантов⁴⁹¹. В данной стратегии восприятия природы нет специфического, медицинского ракурса. Проявление туристического мотива при соприкосновении с незнакомой местностью свойственно многим личным нарративам участников войны. Как правило, в

⁴⁸⁹ *Ткачёв Т.Я.* Нет конца безумию, нет границы бедствию... Полевой дневник военного врача. 1914–1916 годы. Воронеж, 2014. С. 13.

⁴⁹⁰ Воспоминания зауряд-врача И.А. Арямова о Первой мировой войне // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 93.

⁴⁹¹ *Likhacheva A.* Romanticization and Demonization: Galician Landscapes in Russian Combatants' Narratives During the Great War // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11. № 2. P. 603–616.

довоенном опыте авторов, которые описывают пребывание на милитаризованной территории как увлекательную поездку по естественным достопримечательностям, присутствует высокий образовательный ценз, начитанность и сопричастность культурной среде.

В дневнике Кравкова одно из первых описаний природы в 1914 г. связано с сюжетом перехода границы между Российской империей и Галицией: «Дружный хор галок, крик гусей и уток, быстрый поток ручьев после вчерашнего дождя... Казалось, что и природа ликовала с нами перед перспективой быть скоро за границей. Но вот мы только около 3 часов дня и у пограничного кордона, межевых знаков, проехали нейтральную зону и вступили в австрийскую землю — Червонную Русь-Галицию»⁴⁹². При описании перехода на бывшую вражескую территорию, в чуждую природную среду, литературные метафоры сменяются распространенным в русофильской публицистике пропагандистским штампом «Червонная Русь», кроме того, автор использует стратегию антропоморфизации природных сил, с помощью которой демонстрирует идентификацию собственного душевного состояния с галицийским ландшафтом.

Интересно, что литературные и мифологические эпитеты и метафоры при описании природы возвращаются в нарратив медиков уже в форме переработанных воспоминаний: «Здесь грозная богиня Кали проехала на своей тяжелой колеснице и превратила людей в бездушные трупы. Земля всосала кровь, трупы зарыты. Песчаная почва скрыла следы безумия и удивительной, еще никем не объясненной загадки жизни. Люди жили мирно, не знали ничего друг о друге, но настал момент, и они начали убивать взаимно друг друга. По существу, совершенно не склонные к таким преступлениям, как убийство человека, они посылали друг к другу смертоносные орудия разрушения и сами падали под их разрушительным действием...»⁴⁹³. Также, к примеру, А.А. Зарубин усиливает эффекты описания воздействия

⁴⁹² Кравков В.П. Великая война без ретуши: записки корпусного врача. М., 2014. С. 45.

⁴⁹³ Ткачев Т.Я. Указ. соч. С. 9.

химического оружия на природные объекты с помощью противопоставления естественных и антропогенных явлений: «Мы ехали дальше, и я должен был согласиться со своим ментором — ближе к позиции все листья были «подпалены» ядовитым «дымком» и леса стояли, как в осеннем уборе. Но это была не осень, а химический ожог листьев крепким хлором»⁴⁹⁴. Контрастность природного цикла и уничтожающего человеческого вмешательства демонстрирует читателю противоестественность нового вида оружия.

Деятельность медицинского персонала, направленная на создание благополучной санитарно-гигиенической ситуации в Галиции, была частью освоения оккупированной территории, поскольку предполагала ликвидацию разрушений и последствий вооруженного столкновения. По прибытии к месту службы Краузе узнал, что фронт работ врача дезинфекционного отряда гораздо шире, чем он представлял, и не ограничивался только обеспечением медицинской помощью военных подразделений: «5 июля 1915 г. ... Однако, когда я заикнулся было о нашей роли «наблюдать в санитарном отношении за путями снабжения армии» (как нам указывал в Бродах Сахаров), он достаточно определённо указал мне «не наблюдать, а дезинфицировать по указаниям санитарного врача корпуса»⁴⁹⁵. «Коммунальная» очистка населенных пунктов Галиции от последствий войны занимает в нарративах медперсонала значимую роль как пример работы с пространством, создания благоприятных условий для жизни и здоровья: «13 июля 1915 г. ... Он здесь пока должен заботиться об очистке города и приведении его всех мест в приличный вид»⁴⁹⁶.

Представление о повышенной эпидемиологической опасности в Галиции требовало реализации разнообразных мер, направленных на комплексное уничтожение потенциальных угроз. В письмах Краузе сообщает сведения о масштабах дезинфекционных процессов, в которые попадали как технические

⁴⁹⁴ Зарубин А.А. Воспоминания о первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войне // Военно-медицинский музей. ВФ-7327.

⁴⁹⁵ Краузе Ф. Письма с Первой мировой. СПб., 2013. С. 106.

⁴⁹⁶ Там же.

сооружения для нужд армии: «7 июля 1915г. ...только что мы стали засыпать, как за нами прислал корпусной врач, предписал провести у него в порядок отхожие места!»⁴⁹⁷, так и жилища и хозяйства местного населения: «...произвести там тщательную дезинфекцию в четырёх хатах, в которых среди местного населения было на днях четыре случая холеры»⁴⁹⁸. Природные и антропогенные среды подвергались различным методам воздействия медиков в зависимости от степени загрязнения и эффективности предшествующих мер, вплоть до окончательной ликвидации объектов: «5 июля 1915 г. ... Близко подойти нельзя, смердит отчаянно. Деревянное зданьице, стоящее на столбах. Все отбросы просто бросались в люк, а кровь стекала на землю. Несмотря на обилие неоднократно применённой извёстки, земля насквозь пропитана гниющими массами и зловонием! Хотим сжечь до основания»⁴⁹⁹. Как отмечал Гар, устройство медицинского учреждения в новом помещении требовало предварительной работы медицинского персонала по механической и санитарной очистке пространства: «IX/7. Начали мы развертывать свой госпиталь на месте бывшего казначейства, камера мирового судьи. Грязь ужасная, разгром мебели полный, австрийцы громили все, напр. железная несгораемая касса с громадной дырой в дверце лежала вывернутая при своем месте. Начали все мыть сулемой, чтобы продезинфицировать помещение»⁵⁰⁰.

По мере продвижения по Галиции и развития военных действий деятельность врачей начала определяться окружающей средой, искалеченной серьезным техногенным вмешательством, перемещениями обеих армий. Например, описывая развертывание госпиталя, военный хирург Е.Л. Гар в первую очередь уделял внимание состоянию помещений и инфраструктуры на новом месте: «IX/12. Остановились в Цешанове и стали раскрывать госпиталь

⁴⁹⁷ Там же.

⁴⁹⁸ Там же. С. 108.

⁴⁹⁹ Там же. С. 107.

⁵⁰⁰ Гар Е.Г. Дневник 1914–1918 // «Темные леса». URL: <https://temnyjles.ru/dr/EgorGar.shtml?fbclid=IwAR2RsXg4HMb-kRzAavHmJqxoVxYMQAXTa3ytDdAoSfMfiDK003c1-AiNJuk> (дата обращения: 10.02.2024).

начали поступать ... больные. Первое впечатление от этого города ужасное, вся центральная часть выгорела совершенно, торчат только стены да трубы кое-где дымятся еще. Самые лучшие здания сожжены и разграблены. Уцелело только 2 двухэтажных дома, в которых мы решили открыть свой госпиталь. Но, Боже, что там делалось внутри, когда мы зашли. Вся мебель разбита, диван поломан и разбит, зеркала превращены в мелкие куски, денежные кассы разбиты, бумаги, книги разорваны, и все это загажено; словом чисто нашествие вандалов, бессмысленное уничтожение ценных предметов. Не только искали деньги, но и разрушали бессмысленно предметы, и кто в этом виноват трудно сказать. По одним версиям, когда жители бежали перед приходом русских войск, бедняки начали грабить и поджигать дома богатых, по другим версиям наши казаки грабили и поджигали, и надо сказать, что о грабежах казаков приходится очень часто слышать. По-видимому, это еще действительно дикари. Такое впечатление осталось при остановке в первый день в этом городе, что хотелось бежать поскорее отсюда»⁵⁰¹.

В декабре 1914 г. Арямов также включил в свой военный травелог описание новых населенных пунктов, где наряду с позитивным впечатлением от австрийской городской инфраструктуры в целом подчеркнул неудовлетворительное ее состояние в условиях войны: «Приехали в Ржешов. ... Город не очень большой, хороший, с мостовыми и тротуарами... Сейчас город чрезвычайно загрязнен: на улицах такая грязь, что трудно пройти»⁵⁰²; далее он написал: «Кросно — маленький городок, очевидно, был чистеньким, с хорошими зданиями. Сейчас совершенно загажен и разгромлен, отчасти вследствие обстрела, отчасти усердием солдат, особенно казаков (здесь много говорят об их грабежах)»⁵⁰³; Ткачев отметил, что жертвами солдат повсеместно становились приусадебные благоустроенные парки и благородные ботанические культуры: «Прекрасный фруктовый сад здесь весь

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Воспоминания зауряд-врача И.А. Арямова о Первой мировой войне. С. 92.

⁵⁰³ Там же. С. 93.

вырублен, аллеи сосен срублены. Грустная картина разрушения! Солдаты рубят яблони, расчищают дороги для проезда. Возле дома, где разбиты цветники, валяются выброшенные цветы, все загажено. В доме крашенные полы, обои, кое-какие вещи. Все производит впечатление культурного зажиточного дома»⁵⁰⁴.

Помимо биологических загрязнений, представляющих эпидемиологическую угрозу армии, медицинские работники отмечали повсеместные технические загрязнения местности, препятствовавшие качественной организации медицинской службы на оккупированная местности и прямым следствием начавшихся военных действий: «Массы разбросанных австрийских снарядов со снарядными ящиками. Часа через два прибыли в погоревший и разрушенный Туробин, представляющий собой большею частью одни торчащие трубы, головешки, почерневшие столбы, груды пепла и мусора»⁵⁰⁵, «IX/9. ... По дороге попадаются много разбитых австрийских зарядных ящиков, повозок. Даже целые кучи нерасстрелянных артиллерийских снарядов»⁵⁰⁶. Врачи буднично фиксировали символическое соседство фортификационных сооружений и вооружения с местами захоронения погибших: «IX/7...По дороге попадаетея масса окопов как русских так австрийских, масса расстрелянных гильз патронов. Кое-где здесь братские могилы наших солдат с наскоро срубленными крестами, причем по надписям, кое-где тут на них обозначенным, видно, что похоронены по 20 и меньше солдат и обозначены их полки. Попадаетея масса оторванных погон солдатских, исковерканных чайников, коробок от консервов как наших так и австрийских»⁵⁰⁷. В фокусе внимания медиков уничтоженные гражданские строения и объекты инфраструктуры, главным синонимом Галиции стало выражение «страна разрушения»: «IX/9... Идем до Цешанова, в 35 верстах от Томашева и в 88 верстах от нашей границы. Вот действительно идешь по

⁵⁰⁴ *Ткачёв Т.Я.* Указ. соч. С. 26.

⁵⁰⁵ *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 43.

⁵⁰⁶ *Там же.*

⁵⁰⁷ *Гар Е.Г.* Указ. соч.

стране разрушения. Большой частью усадьбы при шоссе разрушены и сожжены, особенно разрушены совершенно таможенные заставы и русские, и австрийские...»⁵⁰⁸.

Особенности климата, почвы, неконтролируемый доступ солдат к «подножной» пище вызывали опасения медиков, воспринимались как объективная угроза, не менее значимая, чем реальный вооруженный враг. Общими рамками описания завоеванной территории выступает образ Галиции как «грязной» во всех отношениях провинции: «Дорога — сплошная грязь»⁵⁰⁹. Оценивая условия среды еще в августе 1914 г., Кравков опирался на свой богатый предшествующий опыт и перспективно моделирует в своих дневниковых записях грядущие опасности и причины появления заболевших: «Люди измучены, впереди еще много трудностей, предстоит проходить по опустошенным загрязненным местам с загаженными источниками воды, люди в долгом ожидании горячей пищи удовлетворяют чувство голода незрелыми яблоками и грушами!»⁵¹⁰.

Письмо Краузе от 5 июля 1915 г. еще более усиливает этот образ противопоставлением с восхвалением европейских стран в русской довоенной публицистике: «Но, Боже, что за грязная страна эта «заграничная» Галиция!»⁵¹¹ При этом «грязь» абсолютизировалась и не категоризир авторами как проявление профессиональной сферы: из конкретной эпидемиологической угрозы она превращается в угрозу экзистенциальную и колониальный образ.

Особой темой в нарративах медиков выступало взаимодействие с местным населением оккупированных территорий и наблюдение за ним как за неотъемлемой частью окружающей среды: «IX/7. ... И здесь начинаешь понимать весь ужас войны для жителей пограничных сел. Но поля не пустые, то здесь то там пасутся лошади, коровы, кое-где пашут и сеют крестьяне, а в городах (Красностав, Замостов) жители правда беднота уже начинают

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ *Ткачев Т.Я.* Указ. соч. С. 26.

⁵¹⁰ *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 32.

⁵¹¹ *Краузе Ф.* Указ. соч. С. 106.

понемногу жить обычной жизнью»⁵¹². При этом в эго-документах медиков наблюдается условное деление пространства на места расположения войск, где санитарные условия характеризуются как вполне удовлетворительные: «5 июля 1915 г. ... осматривали все стоянки частей войск. Оказалось, что там, где стояли части нашего корпуса, было чисто убрано, все приспособления и удобства согласно правилам и предписаниям»⁵¹³, и пространство жизни гражданского населения Галиции, где процветает антисанитария: «5 июля 1915 г. ... Что делается на задворках! Колодцы рядом, совсем рядом с переполненными отхожими местами! А баня! Внутри гадость, грязь, а все воды стекают без всяких даже канав просто так, по дворам, по лужкам!.. Вонь издали!»⁵¹⁴ С учетом медиализации дискурса, профессиональной специализации авторов, язык нарратива конструирует метафоры «сильного» и «слабого» сообщества через природные условия. Использование данного противопоставления отражает конкретные исторические, политические и социальные контексты и сформированный шаблон восприятия Галиции, маркирующий провинцию как «слабую» или «больную».

Воображаемое картографирование причин болезней, их интенсивности, а также отношение к больным происходило у военных врачей по линии этнической принадлежности жителей Галиции. По отношению к многочисленному еврейскому населению распространяются традиционные для русской армии стереотипы повышенной эпидемиологической опасности, исходящей не только от жителей, но и от самой природы их поселений. Поэтому возникновение эпидемий здесь описывается буднично и скупо: «Холера усиливается. Сегодня среди местного населения (бедный еврейский квартал) было уже 8 случаев»⁵¹⁵; «IX/7. ... Под самым Томашевом дорога была ужасная, по-видимому от бывших здесь боев испорченная. Сам Томашев представляет собой обыкновенный уездный городишко, грязный, населенный

⁵¹² Гар Е.Г. Указ. соч.

⁵¹³ Краузе Ф. Указ. соч. С. 106.

⁵¹⁴ Там же. С. 107.

⁵¹⁵ Там же. С. 116.

евреями»⁵¹⁶. Напротив, этот же автор более чем эмоционально представляет своему корреспонденту страдания «родственных по природе» русинов: «И ещё семьи галичан — угро-русов с Карпат: старуха-мать со всеми признаками цинги, молодой красивый отец семейства, истощённый, с горящими глазами, с начинающимся стоматитом, и его жена, совсем ослабевшая от голода, не в состоянии стоять, лежащая на земле в каком-то пароксизме!.. Уже целую неделю у неё сильные боли в животе и груди, позывы на рвоту, слюнотечение, полное истощение сил... Муж её возил куда-то, показывал какому-то военному доктору. Он мне показал прописанные порошки — салициловой натр! Лечить голодание салицилкой! Нет, Шурочка, до этого я не дойду. У меня совесть есть»⁵¹⁷.

Масштабные задачи, структурные дефициты, невозможность противостоять эпидемиологическим угрозам в чуждой местности обуславливала среди медиков постепенное распространение особого вида профессионального цинизма, отсутствие любой эмоциональной оценки происходящему: «Унылый вид. Разрушенная часовня, вытопные поля с капустой, картофелем и свеклой, срубленные ветлы, обрубленные верхушки. Везде следы разрушения. Навстречу идут казачьи части. Измученные лошади. Они уходят от неприятеля — грязные, серые. Тянутся жители из окружающих деревень»⁵¹⁸. В отличие от комбатантов-военнослужащих, выражающих в своих нарративах в случаях гибели лошади сочувствие и сожаление, трупы павших животных в нарративах врачей воспринимаются лишь как угроза для распространения инфекций, происходит замена эмоциональных категорий сугубо профессиональными: «21 декабря 1914 г. Кросно.... Самое тяжелое впечатление производят трупы павших лошадей, которые валяются на дороге, и нередко по их головам едут повозки. И жестоко, и антисанитарно, и ведь нетрудно было бы их убрать»⁵¹⁹; «IX/12 ... а дорога дальняя, местами очень

⁵¹⁶ Гар Е.Г. Указ. соч.

⁵¹⁷ Краузе Ф. Указ. соч. С. 162.

⁵¹⁸ Ткачёв Т.Я. Указ. соч. С. 13.

⁵¹⁹ Воспоминания зауряд-врача И.А. Арямова о Первой мировой войне. С. 93.

испорченное шоссе, все время грязь, а ночь большей частью они проводили под открытым небом и конечно мерзли. По дороге попадалось еще больше палых лошадей, они пали по-видимому от недостатка корма, даже пришлось видеть еще несколько еще живых еле поднимающих голову из канавы около шоссе. Впрочем, и на наших глазах у одних солдат ехавших с несколькими лошадьми лошадь пристала (приотстала). Они ее недолго думая стащили в прилегающую канаву и бросили. Да и где тут возиться с нею им»⁵²⁰; «Шоссе опустело. Море человеческое и лошадиное схлынуло куда-то. В канавах лежат трупы павших лошадей — худые и загнанные жертвы тяжелых переходов и систематической бескормицы. Влево от шоссе — четыре гаубицы. Вдали желтеет аэростат, корректирующий стрельбу»⁵²¹. Надлежащая утилизация останков, в том числе человеческих, диктуется не моральными или сакральными целями, а описывается все в тех же категориях санитарной очистки пространства: «16 августа 1914 г. «массы павших трупов, как еще хранит нас Господь от всяких эпидемий, но думается — быть беде!»⁵²², «12 апреля. Начался сыпной тиф. Число случаев пока небольшое, но, принимая во внимание санитарную обстановку, можно ждать серьезных событий: совершенно зараженные **всяческими** трупами речки....»⁵²³. Примечательным видится тот факт, что профессиональный взгляд медиков не разделяет в массе останков трупы людей и животных, приписывая им в целом статус эпидемиологической угрозы.

В фокусе внимания сестер милосердия живописные пейзажи Галиции. Сестра милосердия Ю. Буторова, описывая в личном дневнике перемещения по линии фронта осенью 1914 г., использует исключительно позитивно коннотированную поэтическую лексику при описании горных ландшафтов: «Еду дивными Карпатами, виды один лучше другого, масса леса и горы покрыты снегом. После ужина ходила по снегу на горы, было чудно, тепло,

⁵²⁰ *Гар Е.Г.* Указ. соч.

⁵²¹ *Ткачев Т.Я.* Указ. соч. С. 16.

⁵²² *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 32.

⁵²³ Воспоминания зауряд-врача И.А. Арямова о Первой мировой войне. С. 96.

тихо; чудная лунная ночь, горы покрыты соснами, а на них иней. Чудно красиво. Долго дурачились и бегали по снегу»⁵²⁴. Описания урбанистических ландшафтов в нарративах Т. Варнек также соответствуют литературным канонам повествования о путешествии по интересным местам: «Как только у нас снова появилось свободное время, мы стали гулять по Львову и его осматривать. Замечательно красивый, большой европейский город, много зелени, сады, интересный старинный собор»⁵²⁵. Из описаний окружающей среды в «женских» свидетельствах зачастую исключен противник, характерные черты военного времени, объективные опасности пребывания в милитаризованном пространстве. Даже при интеграции объектов военной инфраструктуры и боевых действий в повествование автора, сестры милосердия переключают свое внимание на живописный пейзаж: «Неприятель с горы обстреливал деревню и костел, а мы из-под горы ему отвечали. Вид красивый»⁵²⁶, «Мост через Вислоку. Виды вокруг дивные»⁵²⁷.

Антропоморфизированная природа как жертва войны, вызывающая эмоции сочувствия и траура, удостоивается поэтического описания и у Л. Захаровой: «В природе не было и следа былой радости. Точно она преждевременно состарилась от впитанной части человеческого горя»⁵²⁸, «Лежу на окне и думаю, как неестественно, противно природе все, что делается теперь»⁵²⁹. Учитывая, что дневник Л. Захаровой был опубликован непосредственно в период Первой мировой войны, можно предположить, что дискурсивные особенности ее текста, а именно преимущественное внимание к окружающей среде и коммуникации с коллегами, определяются цензурными рамками и невозможностью транслировать профессиональные трудности и промахи, и служат формой замещения упоминания о человеческих жертвах.

⁵²⁴ Дневник Ю. Буторовой // СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 35 об.

⁵²⁵ Варнек Т.А. Воспоминания сестры милосердия (1912–1922). М., 2001. URL: <https://dk1868.ru/history/varnek/varnek1.htm> (дата обращения: 28.05.2024).

⁵²⁶ Дневник Ю. Буторовой // СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 об.

⁵²⁷ Там же. Л. 56 об.

⁵²⁸ Захарова Л. Дневник сестры милосердия: На передовых позициях. Пг., 1915. С. 57.

⁵²⁹ Дневник Ю. Буторовой // СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.

Напротив же, в дневниковых записях Ю. Буторовой, чьи тексты не создавались с целью демонстрации тыловому населению, образ окружающей среды включает в себя пострадавшее местное население, гражданскую инфраструктуру и природный мир: «Стали попадаться обширные пространства не то вытопанных, не то покинутых полей, странные, будто вымершие деревни, жители которых бежали перед ужасом войны. Проезжали мимо сожженного хутора, где обгорелые деревья без листьев имели какой то неуместный осенний вид, и нелепо торчали вверх длинные, черные трубы пожарища»⁵³⁰, «все гибнет под беспощадной рукой войны. Не только люди, но деревья, животные-все живое. Все смято этою рукою, беспощадной и безжалостной»⁵³¹.

Описание окружающей среды Галиции в нарративах женщин-медиков частично совпадает с «мужским» взглядом, но и имеет принципиальные различия. В мужских нарративах романтические каноны литературы быстро сменяются утилитарными текстами и по стилю становятся похожими на историю болезни, где в качестве пациента выступает окружающая среда, проживающее в ней население и вторгшиеся в это пространство русские армии. У женщин-медиков же природы сохраняет статус фона для философских размышлений и не становится частью медиализированного дискурса: «Воздух был сырой, туманный, но мягкий, и во всей природе, и в печальных, и в черных воронах, гомонившихся на голых ветвях было что-то, наводившее на печальные и серьезные думы»⁵³², «На одном берегу стоит помещичий двухэтажный дом, очень похожий на наш Вязовой. Весь дом разгромлен, стекла выбиты и два флигеля разобраны на кирпичи для починки моста. Грустная картина разрушения!»⁵³³ Художественные формы интерпретаций не поддаются вытеснению темпоральностью и логикой войны, например, в своем дневнике англичанка Ф. Фармборо, служившая в России

⁵³⁰ Захарова Л. Указ. соч. С. 19.

⁵³¹ Дневник Ю. Буторовой // СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Л. 94.

⁵³² Захарова Л. Указ. соч. С. 91.

⁵³³ Дневник Ю. Буторовой // СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 75.

гувернанткой, восклицает: «30 апреля 1915 г. ...Какая чудовищная сцена меня окружала!... Воспаленные небеса рассказывали свою печальную историю. Мы чувствовали отчаяние жителей горящих городов и сел»⁵³⁴. В размышлениях Ю. Буторовой масштаб разрушений окружающей среды несопоставим с целями захвата территории и ведения боевых действий: «Столько видела страха, горя, муки, такое скопление ужаса, которое не может изгладиться из головы. Нет, лучше, 1000 раз лучше уступить кусок земли, чем такая бойня»⁵³⁵.

Совершенно стереотипным для данного вида источников является повышенная эмоционализация описаний медицинского опыта женщинами: «Едем в Волочиск, мне не везет, нагрузили мне, кроме австрийцев, 3 вагона больных пакостными болезнями. Ужасно противно за ними ухаживать»⁵³⁶. В целом, по сравнению с объемом описанных женщинами перемещений по территории Галиции, личных переживаний, проблем по оснащению медицинских структур и огромного количества работы, сестры милосердия уделяют незначительное внимание своей непосредственной деятельности на фронте, в отличие от корпусных врачей и военных хирургов, более содержательно описывающих влияние окружающей среды на практическую деятельность. Однако, влияние климатических условий, например, холода, на здоровье комбатантов и местных жителей в экстренной ситуации недостатка отопительных материалов заставляет сестер милосердия включить в свои нарративы и профессиональные проблемы: «К счастью, кончились сильные морозы, и не будет этих массовых отморожений»⁵³⁷.

В женских нарративах отсутствуют типичные для текстов мужчин-медиков описания полномасштабной дезинфекции пространства как способа контроля и освоения территории, что объясняется профессиональным функционалом сестер милосердия. В условиях полевого госпиталя практика обеззараживания упоминается исключительно как стандартная процедура

⁵³⁴ Фармборо Ф. Первая мировая война: дневники с фронта. М., 2014. С. 39.

⁵³⁵ Дневник Ю. Буторовой // СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

⁵³⁶ Там же. Л. 43.

⁵³⁷ Там же. Л. 87 об.

обработки помещений после больных: «9–30 мая 1915 г. ... Как только помещение было очищено от больных, солома и объедки больных были сожжены, а сараи, в которых они лежали, были обработаны сильным дезинфицирующим раствором»⁵³⁸. Они не приобретают вид тотальной практики. Столь же вездесущей в дневнике сестры милосердия Фармборо выступает грязь наряду с неграмотностью солдат: «30 апреля 1915 г. ... наш незначительный запас белья постоянно использовался, а грязь из-за пыльных дорог и нечистых апартаментов была катастрофической, не говоря уже о постоянных спутниках солдата — вшах, которые несмотря на свой малый размер, более всего досаждали на фронте»⁵³⁹.

Главным способом переживания окружающей среды для сестер милосердия на линии фронта становились звуковые ощущения: «В данный момент слышна такая ужасная трескотня ружей и пулеметов, что прямо страшно ... Шум ужасный. Невольно соединяешь эти звуки с этой массой искалеченных людей, и тогда мурашка по спине проходит»⁵⁴⁰, «но отзвучали последние громы боя, сотрясавшие грудь земли. Воцарился покой, торжественный и глубокий, и только свободно гулявший ветер шевелил над свежими холмиками братских могил...»⁵⁴¹. Сестры милосердия отмечали непривычную какофонию звуков индустриальной войны: «На горизонте — леса, слышен грохот орудий и видны за горкой разрывы тяжелых снарядов, которыми австрийцы обстреливают шоссе на Коломью»⁵⁴², «Грохот и выстрелы будто двигались к нам навстречу, становясь чуть заметно ближе и явственнее»⁵⁴³. Выстрелы артиллерии для женщин-медиков, не принимающих участия в боевых действиях, служили ориентиром при конструировании

⁵³⁸ Фармборо Ф. Первая мировая война: дневники с фронта. С. 52.

⁵³⁹ Там же. С. 41.

⁵⁴⁰ Дневник Ю. Буторовой // СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 60.

⁵⁴¹ Захарова Л. Указ. соч. С. 92.

⁵⁴² Дневник Ю. Буторовой // СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 3. Л. 99 об.

⁵⁴³ Захарова Л. Указ. соч. С. 19.

милитаризованного пространства, при определении направления сражений и близости смертельной угрозы.

* * *

Медицинский взгляд на окружающую среду оккупированной в годы Первой мировой войны русскими армиями австрийской провинции Галиция был обусловлен сформированным в довоенный и начальный военный период горизонтом ожиданий данной профессиональной группы. Колониальный характер представлений об отсталой и даже опасной в эпидемиологическом отношении местности обуславливал стратегии санитарной культивации окружающей среды и ее населения. Маркировка местности как опасной, природы и населения как угроз жизни и здоровью различным категориям военнослужащих русской армии формировали представление о необходимости контроля над территорией посредством повсеместной дезинфекции.

Взаимодействие медиков с военизированными ландшафтами Галиции носило амбивалентный характер. С одной стороны, природные условия являлись важнейшим фактором деятельности врачей и сестер милосердия: особенности климата, почвы и воды определяли их деятельность по медицинскому обеспечению фронта, оккупированных областей и прифронтовой территории. С другой стороны, основанные на конструировании негативного образа чуждой природы противозэпидемиологические практики оказывали непосредственное воздействие на состояние окружающей среды: дезинфекция источников воды, почвы и воздуха, распространение санитарной и гигиенической инфраструктуры.

§ 3. Милитаризованные ландшафты Галиции в частных фотографиях участников Первой мировой войны

В период Первой мировой войны фотография являлась важнейшим каналом коммуникации и формировала представления общественности о

состоянии дел на фронте. Упоминания циркуляции визуальных материалов среди военнослужащих и медицинского персонала указывают на наличие узнаваемых сюжетов репортажной военной съемки: «Сначала шли все наши окопы. Всюду видны воронки от снарядов, некоторые порядочной величины. Видны были следы перебежек. На опушке небольшого леса впервые увидел наш сторожевой пост на высоком дереве, совсем как изображают на photographиях»⁵⁴⁴. В начале войны фотосъемка военных событий производилась исключительно лицензированными и аккредитованными профессиональными фотографами армии, или репортерами, работающими по заказу периодических изданий, деятельность и их количество которых регламентировалось строго регламентировалось «Положением о военных корреспондентах в военное время» (1912 г.). Перед выходом в тираж вся периодика, в том числе иллюстрированная, тщательно просматривалась военными цензорами⁵⁴⁵. Признавалось нежелательным появление в иллюстрированных изданиях фотографических снимков, на которых запечатлены инженерные и саперные работы, искусственные препятствия, боевые автомобили, поезда, направление и состояние дорог, указания на предметах обмундирования номера частей, места и даты съемки⁵⁴⁶.

Несмотря на действие серьезных цензурных ограничений в период военных действий, исследователи считают, что фотография является одним из «наиболее серьезных и объективных свидетельств при анализе окружающей среды для оценки деструктивности военных действий»⁵⁴⁷. В

⁵⁴⁴ Краузе Ф. Указ. соч. С. 141.

⁵⁴⁵ Федорин Д. В. За кадром: источники для расшифровки кинофото документов периода Первой мировой войны // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: доклады и выступления участников V Междунар. научно-практ. конф. М., 2016. С. 752–767.

⁵⁴⁶ Приказ по Управлению Главного начальника Петроградского Военного округа от 1 мая 1915 г. № 5610. Гражданское отделение. Правила военной цензуры устанавливались «Положением о военной цензуре» и «Перечнем сведений, не подлежащих оглашению во время действия военной цензуры» // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1914. № 170, 191, 192, 313.

⁵⁴⁷ Голубинов Я.А. Фотоархивы в интернете и тема окружающей среды в современной историографии Первой мировой войны // Человек в информационном обществе: сборник

связи с демократизацией фотографической ситуации у участников войны на Юго-Западном фронте имелось множество фотокамер. Распространение компактных фотоаппаратов среди комбатантов позволяло зафиксировать военный опыт и военизированные ландшафты частным образом. Подтверждение наличия фотоаппаратов и возможности фотографировать, а главное, интерес комбатантов к этой практике мы также видим в нарративах участников и свидетелей конфликта. Фотография представлялась одним из способов скрасить непримечательный военный быт, создать иллюзию уютной обстановки в местах размещения. Офицер И. Ильин пишет о поисках камер с хорошим разрешением и распространенной практике коллекционирования фотоснимков: «Приобрел прекрасный аппарат Цейса 12 на 18, и юнкер, хороший фотограф, устроил настоящую студию. Увеличенные снимки украшают собрание и сделаны прекрасно»⁵⁴⁸. Технические процессы настраивания камер, оборудования помещения для работы с фотоплёнкой выступали формой творческого досуга как военнослужащих, так и медицинского персонала на прифронтовой территории. Врач дезинфекционного отряда Ф. Краузе пишет о значимости этих процессов и количестве времени, уделенного для данного хобби: «Вчера тебе не писал. Весь вечер был занят проявлением накопившихся пластинок»⁵⁴⁹.

Ландшафты Галиции и Юго-Западного фронта фиксировались на фотографиях в различных ситуативных контекстах. Несмотря на то, что целевая установка создания фотографий не всегда была связана с запечатлением природы и негативного влияния милитаризации на окружающую среду, диапазон ситуаций, в которых участники вооруженного конфликта попутно фиксировали трансформацию окружающей среды в условиях военного конфликта, включает в себя как проведение официальных торжественных мероприятий с представителями

материалов научно-практ. Междунар. конф., посвящ. 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина. Самара, 2021. С. 729.

⁵⁴⁸ *Ильин И.С.* Указ. соч. С. 170.

⁵⁴⁹ *Краузе Ф.* Указ. соч. С. 47.

высшего командования, так и осуществление служебных поездок на линии фронта. Наиболее популярны памятные снимки, фиксирующие успешное завершение рабочих проверок, представляющие собой групповые портреты должностных лиц: «В заключение смотра инспектор поблагодарил на плацу офицеров, пожал руки дружинным командирам и на прощание всех снял карманным фотографическим аппаратом»⁵⁵⁰. В ситуации достаточно развитой культуры фотографирования в офицерской среде обладатель фотоаппаратуры пользовался спросом товарищей: «В четыре часа Павел прислал за мной с просьбой их снимать. Снимал очень много, потому что все хотели запечатлеться»⁵⁵¹. На общих снимках состава военных соединений участники войны, хоть и неосознанно, фиксируют конкретные примеры милитаризации пространства и прямого воздействия военной инфраструктуры на состояние окружающей среды: «Там мы с Барченковым сделали несколько снимков в покинутых окопах. Сняли могилу, сняли внутри блиндажа. Собираемся сейчас заняться проявлением»⁵⁵². Описание фотоснимков зачастую включало в себя неотрефлексированные упоминания произошедших изменений в рельефе пространства (линии обороны, окопы, блиндажи), массовых захоронений, постоянных перемещений армий по территории Галиции. Кроме того, комбатанты стремились создавать летопись своей фронтовой жизни, фотографируя, в том числе, природные достопримечательности на пути своего следования: «Приобрел также за 70 рублей хорошую камеру Эрнемана девять на двенадцать и хочу снимать и Люблин, да и вообще все места, где побываю»⁵⁵³.

С развитием фотографии и распространением фототехники в офицерской среде сформировалась традиция создания фотолетописей воинских частей⁵⁵⁴. Подобные фотоальбомы могли быть оформлены в

⁵⁵⁰ *Ткачёв Т.Я.* Указ. соч. С. 44.

⁵⁵¹ *Ильин И. С.* Указ. соч. С. 144.

⁵⁵² *Краузе Ф.* Указ. соч. С. 143.

⁵⁵³ *Ильин И. С.* Указ. соч. С. 68.

⁵⁵⁴ *Федорин Д.В.* Указ. соч.

качестве подарка по случаю важных событий, например, перевода командира в другое структурное подразделение или получения очередного воинского звания. Подарочные и полковые фотоальбомы воинских частей снабжались подписями и комментариями составителей, и в них, в числе прочих, попадали природные объекты. Врач Т. Ткачев упоминает о устойчивом интересе офицеров к созданию памятных фотоальбомов, посвященных фронтовому опыту русской императорской армии: «Старший офицер батареи, штабс-капитан С.К. занимался фотографией. У него было уже до трехсот снимков. Каждый из офицеров в тетрадах, куда наклеивались снимки, отмечал, сколько им нужно таких видов»⁵⁵⁵. Очевидно стремление офицерского состава к составлению разнопланового визуального нарратива, отражавшего не только круг однополчан, но и условия несения службы, техническое обеспечение и окружающую среду. В связи с этим, современному исследователю необходимо рассматривать полковые альбомы и частные коллекции снимков в их полном объеме и в представленной составителем альбома последовательности, как завершенный нарратив, имеющий особенную логику формирования и характерное отражение беллигеративных ландшафтов.

Масштабные процессы цифровизации документального наследия в значительной мере расширили доступ исследователей к визуальным источникам. Одним из цифровых ресурсов, позволяющих осуществить научную рефлексию фотоматериалов, бывших ранее только предметом коллекционирования и продажи, является «Частный архив военно-исторической фотографии»⁵⁵⁶. Несмотря на невысокое качество представленных изображений и незначительный объем информации об авторстве многих альбомов, снимки периода Первой мировой войны могут быть детально проанализированы, в том числе в виде завершеного визуального нарратива. Представленные подписи к фотографиям позволяют

⁵⁵⁵ Ткачев Т.Я. Указ. соч. С. 103.

⁵⁵⁶ Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/> (дата обращения: 01.06.2024).

преодолеть сложности атрибуции отдельных снимков и реконструировать фотографическую и постфотографическую ситуацию. Наличие в подразделениях армии приватной фототехники, которая использовалась в том числе для запечатления важных моментов истории участия в войне, дает возможность с определенной долей вероятности предположить, что фотографии, сделанные офицерами, были проявлены и переплетены в альбом еще в ходе войны. Перечень фотографий и их последовательность в альбоме установлена самими носителями опыта, создавшими нарратив как цельное повествование о «путешествии» армии по военизированным ландшафтам.

Фотоальбом боевой работы и фронтового быта 2-й полевой воздухоплавательной роты

К началу Первой мировой войны в Российской империи действовало несколько воздухоплавательных рот: № 2–4, Сибирская и крепостные — Брест-Литовская, Владивостокская, Гродненская, Карсская, Ковенская, Новогеоргиевская, Осовецкая, а также Свеаборгское крепостное воздухоплавательное отделение. В 1915 г. крепостные воздухоплавательные роты были переименованы в полевые, получив общую для воздухоплавательных рот нумерацию (№ 1–25). 2-я полевая воздухоплавательная рота с апреля 1915 г. находилась в распоряжении губернатора Галиции, с сентября 1915 г. подчинялась начальнику инженерных снабжений Юго-Западного фронта. В 1916 г. командиром 2-й полевой воздухоплавательной роты⁵⁵⁷ являлся капитан А.А. Ванькович. В фотоальбоме боевой работы и фронтового быта этого соединения собраны снимки, сделанные весной-осенью 1916 г. на Юго-Западном фронте, в районе Черновиц и в Карпатах. Дарственная надпись на титульной странице фотоальбома гласит «7-е ноября 1916 г. Глубокоуважаемый Борис Васильевич. Пусть этот альбом из походной жизни напомнит вам о роте,

⁵⁵⁷ Фотоальбом боевой работы и фронтового быта 2-й полевой воздухоплавательной роты // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/album12087.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

высоко ценившей Вашу любовь, заботу и труды на пользу и процветание воздухоплавания. Глубокоуважающий Вас командир 2-й полевой воздухоплавательной роты капитан Ванькович»⁵⁵⁸. Данный пример иллюстрирует сложившуюся в русской армии традицию составления памятных фотоальбомов воинских частей русской императорской армии. Традиция берет свое начало во второй половине XIX в.

Фотографический альбом состоит из 78 фотографий, снабженных подписями составителя, включающими в себя пояснение о группах запечатленных лиц, месте и общем сюжете съемки. Источник позволяет реконструировать хронологию ее продвижения по военизированным ландшафтам, но и ту значимость, которую авторы-составители приписывали определенным моментам своего военного опыта. В альбоме запечатлено множество населенных пунктов Галиции и Буковины, наиболее крупные из них Черновцы, Коломыя, Надворная. Также в объектив фотоаппарата попали природные ландшафты близ р. Рынгач и Карпатского хребта.

На титульном снимке альбома представлена многочисленная группа лиц, состоящая из офицеров и нижних чинов у д. Худиевцы, но режим панорамной съемки не позволяет различить лица и отличительные знаки военнослужащих. На первый план в альбоме вынесен и снимок, отражающий специфику функционирования воздухоплавательного подразделения: на снимке офицер и нижние чины у ручной лебёдки, одного из важнейших элементов в подъёме аэростата⁵⁵⁹. В последующих кадрах фотоальбома запечатлено оборудование позиций аэростата⁵⁶⁰ как особого вида новой техники. Для подготовки позиции военнослужащим было необходимо

⁵⁵⁸ Дарственная надпись на титульной странице фотоальбома // Частный архив военно-исторической фотографии. URL:<https://www.photo-war.com/ru/archives/items12188.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁵⁹ Подъем на ручной лебедке, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12186.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁶⁰ Аэростат на бивуаке в районе г. Коломыя, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL:<https://www.photo-war.com/ru/archives/items12133.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

создавать специализированное военизированное пространство, подбирая свободные от помех места для самого запуска, и, в случае необходимости, вырубая лес. Маскировка же позиций требовала возведения специализированных конструкций и укрытий в лесу или под землей

Основную часть фотографий в альбоме можно разделить на группы в соответствии с местами дислокации роты для проведения разведывательных работ в 1916 г.: д. Худиевцы и д. Гогоуляны; р. Рынчаг; дер. Зарожаны и дер. Строинцы; Черновцы; Карпаты и Шипот-Камераль. В основе визуального ряда — сюжетная схема повествования, последовательность снимков определяется стремлением проиллюстрировать условия деятельности и результаты проведенной работы в каждой из названных локаций. Преимущественное внимание в альбоме уделяется фотографиям неприятельских позиций, сделанным с аэростата, и снимкам, запечатлевшим техническое оснащение роты. Выбор подобных сюжетов определялся стремлением зафиксировать в памятном альбоме уникальность и заслуги подразделения.

Серию фотографий 2-й воздухоплавательной роты в Карпатах начинает снимок перемещения 1-й наблюдательной станции. Мотив передвижения отражают ряд повозок, распряженных для отдыха коней, расположившегося для принятия пищи личного состава подразделения. На снимке запечатлены люди, наблюдающие за перемещением аэростата. Прибытие контингента военнослужащих и техники к месту новой дислокации также фиксируется в снимках аэростата в Карпатских горах⁵⁶¹. На них очевидно сопоставление природных сил и современной техники: на фотографии виден крутой склон, масштабы которого сопоставимы с запущенным в воздух группой нижних чинов и офицеров аэростатом⁵⁶². Снимки отражают основной вид

⁵⁶¹ Позиция аэростата на высоте 1230 метров в Карпатах, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12129.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁶² Группа офицеров и нижних чинов 2-й наблюдательной станции около аэростата перед подъемом, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12126.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

деятельности подразделения и фиксируют его дислокацию в сложных для полётов аэростатов условиях горной местности с разреженным воздухом, размещение в которой диктовалось необходимостью дополнения наблюдательных возможностей аэростата более высотной стартовой площадкой.

Воздухоплавательные роты имели на вооружении аэростаты для разведки окружающей местности, корректировки артиллерийского огня и наблюдения за воздушной обстановкой с целью своевременного обнаружения самолётов, дирижаблей и аэростатов противника. В альбоме представлен ряд снимков, которые демонстрируют результат проведенной разведывательной работы в условиях горной войны, запечатлены линии неприятельских позиций, снятых на наблюдательной станции в Карпатах⁵⁶³. Аналогично снимки австрийских укреплений на соседнем отрезке Юго-Западного фронта, под д. Раранче (Буковина) представляют из себя кадры с большим охватом территории, на каждом прослеживаются неприятельские траншеи с блиндажами⁵⁶⁴. Фотофиксация укреплений позволяет оценить масштабы милитаризации ландшафтов противником. Далеко отстоящие друг от друга четыре линии окопов дополнялись зигзагообразными ответвлениями, правильное геометрическое построение которых выполняло функцию траверсов, защищавших от рикошетного огня. Вид с высоты птичьего полета позволяет помимо передовых траншей и окопов различить основную линию укреплений, не имеющую такого четкого рисунка, хаотично дополненную сооружениями для обслуживания частей и их отдыха и оказывавшую дополнительную нагрузку на почву.

⁵⁶³ Вид неприятельских позиций, снятых с аэростата 2-й наблюдательной станции в Карпатах, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL:<https://www.photo-war.com/ru/archives/items12125.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁶⁴ Линия окопов под деревней Раранче, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL:<https://www.photo-war.com/ru/archives/items12145.htm> (дата обращения: 10.06.2024); Вид австрийских окопов, находящихся под деревней Раранче, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12144.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

В объектив попадали знаменательные события во фронтовой жизни роты⁵⁶⁵. На фотографии парада представлен личный состав 1-й и 2-й наблюдательных станций в день присвоения Георгиевских крестов. Проведение награждения в полевых условиях лишило мероприятие торжественности и помпезности, на кадре отражено лишь традиционное расположение людей на церемонии награждения: строй военнослужащих, обращенные к ним старшие офицеры, музыканты. Последующие снимки запечатлели расположение отдельных частей роты на месте дислокации и, соответственно, иерархию подразделений в роте: штаб роты⁵⁶⁶, писари возле канцелярии⁵⁶⁷, шофёры с техникой⁵⁶⁸, кузнецы за ремонтом колёс телег⁵⁶⁹. В альбом включены фотографии, фиксирующие досуг офицеров на линии фронта⁵⁷⁰.

При сравнении карпатских фотографий с серией снимков из деревень Зарожаны, Строинцы, Новоселицы выявляется содержательное и композиционное совпадение многих сюжетов. Представлен общий вид деревни Зарожан⁵⁷¹ со штабом роты. Хотя природные ландшафты выступают традиционным фоном, а не целью фотофиксации, снимки фиксируют их в качестве важной составляющей офицерского досуга, возможности отвлечься от военной действительности и заняться привычной в мирное время

⁵⁶⁵ Парад 1-й и 2-й станции в день раздачи георгиевских крестов в Шипот-Камераль, Карпаты, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12116.htm> (дата обращения: 10.06.2024)

⁵⁶⁶ Штаб роты, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12159.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁶⁷ Группа писарей около канцелярии штаба роты в Шипот-Камераль, Карпаты, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12109.htm> (дата обращения: 10.06.2024)

⁵⁶⁸ Группа шоферов около гаража. Шипот-Камераль, Карпаты, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12100.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁶⁹ Кузнецы за работой, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12098.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁷⁰ Группа офицеров около офицерской палатки за чаем, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12096.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁷¹ Вид деревни Зарожан, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12161.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

деятельностью, рыбалкой и ловлей раков⁵⁷². Несколько снимков фиксируют расположение, запуск, транспортировку военнослужащими аэростата⁵⁷³. Фотографии передают масштабность осуществляемых работ, а также количество задействованных военнослужащих. В альбом также включены снимки австрийских окопов, находящихся под деревней Раранче, снятых с аэростата 2-й наблюдательной станции⁵⁷⁴ как результат выполненных боевых задач.

Основная часть фотоснимков воплощает идею присвоения пространства через его демонстрацию с высоты птичьего полета, что является главной особенностью восприятия беллигеративных ландшафтов данным подразделением армии. Дальнейшая логика содержания визуального нарратива выстраивалась посредством детализации событий: передислокация роты, осуществление работы в предложенных условиях среды, результат работы и трофеи, торжественные мероприятия. Фотоальбом представляет разнообразие технических и жилых помещений роты. Из визуального нарратива 2-й воздухоплавательной роты исключены типичные для военного времени сюжеты, отражающие негативные последствия вооруженного конфликта: трупы, разрушенная архитектура, пострадавшее местное население. Это объясняется целью создания альбома — подарочный альбом должен был создать повод для ностальгических воспоминаний о героических событиях, и не мог транслировать нелицеприятные последствия проведенной работы. С другой стороны, привычная оптика воздухоплавания создавала безопасную дистанцию к негативным последствиям уничтожения людей и природных ландшафтов. Профессиональный взгляд участников войны и круг

⁵⁷² Ловля раков в Зарожанах, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12158.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁷³ Аэростат ведут на бивак у деревни Строинцы, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12149.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁷⁴ Вид австрийских окопов, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items12144.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

их военных задач определяли способ фиксации и нарративизации последствий первой промышленной войны.

Фотоальбом офицера-метеоролога, проходившего службу в «Военмет IX»

Главное военно-метеорологическое управление было создано 22 декабря 1915 г.⁵⁷⁵ Согласно соответствующему Положению, управление становилось полевым подразделением армии и имело своей задачей «обслуживание в области военной метеорологии действующей армии и флота, авиационных и воздухоплавательных частей, химических команд»⁵⁷⁶.

В связи с необходимостью сбора данных о погодных условиях на разных участках фронта в условиях военного времени было принято решение о формировании так называемых «местных военно-метеорологических органов». Военно-метеорологические отделения, которые были сформированы и направлены в каждую из армий состояли из офицера или военного чиновника, а также команды из нескольких нижних чинов. Требования к офицерскому составу включали в себя наличие профильного образования, нижним чинам требовалось лишь знание математики и возможность обучиться методике наблюдений за погодой, по этой причине эти должности часто занимались добровольцами, пришедшими на фронт со студенческой скамьи.

Исследуемый фотоальбом был составлен военным служащим Военмета IX. Не имея возможности достоверно установить личность автора, можно с уверенностью предположить, что он являлся офицером, на

⁵⁷⁵ Прямыцын В.Н. К 100-летию со дня создания Главного военно-метеорологического управления // Министерство обороны РФ. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=12070893@cmsArticle> (дата обращения: 12.06.2024).

⁵⁷⁶ Там же.

что указывают знаки отличия на портрете автора в альбоме⁵⁷⁷. В 1916–1917 гг. Военмет IX дислоцировался в тыловом районе Юго-Западного фронта, в городах Черновцы, Луцк и Каменец-Подольский. Помимо перечисленных городов, в фотоальбоме запечатлены Новоселица и Баламутовка.

Специфика работы метеорологов на прифронтовой территории подразумевала значительное внимание к местным ландшафтам и их климату, а также к окружающей среде⁵⁷⁸. Фотографические кадры зафиксировали процесс эксплуатации метеорологического оборудования, измерительных приборов и техники⁵⁷⁹. Офицеры только что созданной службы, не имевшей сравнимых с другими подразделениями традиций, явно стремились запечатлеть свою работу и ее стратегическую значимость во всех деталях. Особую важность данные управления приобрели с момента начала использования газового оружия, которое требовало научных данных о скорости ветра, объеме осадков и других погодных явлениях.

Природная среда в визуальном нарративе офицера-метеоролога предстает, в первую очередь, в качестве предмета исследования. Прогноз погоды, составленный для армии, содержал сведения о температуре воздуха, атмосферном давлении, уровне облачности, количестве осадков и скорости ветра, иногда включалась информация о туманах, грозах, вскрытии и замерзании рек. Получение всех необходимых данных осуществлялось с помощью специализированной техники, запечатленной на страницах альбома. Самая многочисленная группа кадров в альбоме представляет профессиональную деятельность метеорологов и

⁵⁷⁷ Военмет IX, (Каменец-Подольский), [б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9182.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁷⁸ Военмет IX, (Каменец-Подольский), [б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9202.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁷⁹ Военмет IX, (Каменец-Подольский), [б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9201.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

подчеркивает уровень технической оснащенности подразделения. В альбом помещены фотографии метеостанций и измерительных приборов, сами участники войны занимаются считыванием показаний, проведением метеорологических наблюдений⁵⁸⁰, запуском шара-зонда⁵⁸¹, обучением чинов химических команд новым методикам исследования⁵⁸².

Специфика деятельности метеорологов на фронте, на первый взгляд, наделяла данную профессиональную категорию статусом наблюдателя на фронте, но это не исключало участия данного подразделения русской армии в милитаризации пространства. На фотографиях метеорологических исследований в городских районах мы видим часть специальных военизированных ландшафтов с использованием колючей проволоки и возведение ограждений метеостанции⁵⁸³, что позволяет говорить о том, что прямое воздействие на окружающую среду оказывали не только боевые действия, но и работа всех вспомогательных служб армии. Обустройство метеорологических станций на Юго-Западном фронте требовало возведения небольших технических объектов: скамеек, подставок, помостов для измерительных приборов. Несмотря на то, что создание таких незначительных, даже бытовых предметов, казалось бы, требует незначительного количества ресурсов, в фотоальбоме зафиксировано более

⁵⁸⁰ Метеорологи возле нефоскопа, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9187.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁸¹ Запуск шара-пилота, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9192.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁸² Пускаем пузыри (Черновцы), [б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9167.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁸³ Военмет IX, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9196.htm> (дата обращения: 10.06.2024); Военмет IX, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9194.htm> (дата обращения: 10.06.2024); Военмет IX, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9193.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

масштабное использование лесных ресурсов для полного оснащения работы метеостанции⁵⁸⁴.

Образованные комбатанты проявляют традиционный интерес к знакомству с новыми местностями. В стремлении запечатлеть галицийские достопримечательности, офицер Военмета IX фотографирует урбанное пространство, включающее в себя природные объекты и технические сооружения. Изображение городского пейзажа в Каменец-Подольском, фиксирует широкое пространство, совмещающее в себе панораму на реку Смотрич и огромный Турецкий мост⁵⁸⁵. Близлежащий Старый замок запечатлен как произведение фортификации с мощными крепостными стенами и башнями, а подобранный ракурс призван передать монументальность и значимость объекта⁵⁸⁶. Аналогичная по содержанию серия снимков из Черновца иллюстрирует тезис о туристическом восприятии городской местности офицером-метеорологом, автор запечатлевает городские достопримечательности как бы в мирных условиях жизни, исключает сцены, указывавшие бы на военный контекст создания снимка. В альбом включены кадры, на которых мы видим чистые улицы, нетронутые войной строения, облагороженные городские аллеи и парки⁵⁸⁷, основное внимание уделяется выдающимся архитектурным памятникам⁵⁸⁸.

*Коллекция фотографий командира 51-й саперной полуроты
П.В. Сюзева.*

⁵⁸⁴ Военмет IX, [Галиция, б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL:<https://www.photo-war.com/ru/archives/items9178.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁸⁵ Каменец-Подольский, [б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9208.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁸⁶ Каменец-Подольский, [б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9205.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁸⁷ Черновцы, [б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9160.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵⁸⁸ Черновцы, [б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9161.htm> (дата обращения: 10.06.2024); Синагога, Черновцы, [б/д] // Частный архив военно-исторической фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/archives/items9154.htm> (дата обращения: 10.06.2024).

Следующим примером фотоматериалов периода Первой мировой войны являются частные коллекции и фотоальбомы офицеров русской армии. К ним можно отнести подборку фотографий из собрания командира 51-й саперной полуроты П.В. Сюзева, представленных в виде вклейки в документальном издании «Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания»⁵⁸⁹. Данная подборка состоит из 127 снимков, сделанных в 1915–1917 гг. на Юго-Западном фронте, из них 92 фотографии были сделаны непосредственно П.В. Сюзевым. На фотоснимках запечатлены милитаризованные пространства Галиции, на некоторых фотоснимках указано место создания: с. Кудринцы, д. Данковцы, Хотин, д. Янковцы, местечко Селище, д. Винковцы, г. Збарож, Новый Почаев, Дубно, местечко Мытница, Берестечко. В коллекции запечатлены несколько ключевых природных объектов (р. Збруч, р. Днестр, Карпатские горы), которые служат обозначением места дислокации подразделения русской армии. Фотоальбом представляет собой хронологическую последовательность снимков, по которым мы можем реконструировать хронологию передвижения автора и его подразделения по военизированным ландшафтам.

Основу коллекции составляют групповые и индивидуальные портреты офицеров 34-го пехотного Севского полка с указанием места и даты съемки⁵⁹⁰, автор фотографий выступает здесь хронистом, фиксирующим своих сослуживцев в их новом окружении, а также наиболее значимые события и моменты фронтовой жизни. Этим же объясняется исключительно постановочный характер офицерских снимков⁵⁹¹, строгая

⁵⁸⁹ Юго-Западный фронт (Галиция), 1915–1917 гг. Из коллекции П.В. Сюзева // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания. Вклейка 1. С. б/н.

⁵⁹⁰ В группе офицеров 6-го саперного великого князя Николая Николаевича старшего батальона в с. Кудринцы. Галиция, июль 1915 г. // Там же; П.В. Сюзев на неизвестном хуторе. Галиция, 1915 г. // Там же; П.В. Сюзев с офицерами и чиновниками 74-й саперной роты Государственного ополчения. Галиция, 1915 г. // Там же; П.В. Сюзев в группе офицеров. Галиция, 1915 г. // Там же; Офицеры 74-й саперной роты государственного ополчения. Галиция, 1916 г. // Там же.

⁵⁹¹ Офицеры 34-го пехотного Севского полка. Галиция, 1917 г. // Там же.

симметрия композиции⁵⁹², безупречное состояние обмундирования и обуви⁵⁹³. Корпус офицерских фотоснимков не является монолитными, в нем можно выделить традиционные фотографические ситуации. Во-первых, это коллективные снимки, приуроченные к проведению военных смотров и служебных проверок⁵⁹⁴. Во-вторых, это снимки с использованием военной техники или транспорта в качестве реквизита и фона для снимка⁵⁹⁵. В фотоальбоме фиксируется приобщенность к техническим достижениям армии либо военные заслуги через фиксацию захваченных трофеев⁵⁹⁶.

Групповые снимки отражали изменения ландшафта на фронтовой территории⁵⁹⁷: офицеры саперного батальона сфотографированы за разматыванием полевого кабеля для установки зарядов в ходе проведения взрывных работ и рекогносцировки местности. Значительное место среди корпуса фотографий Сюзева занимают снимки, отражающие формы досуга командного состава: чтение газет⁵⁹⁸, застолья с женщинами⁵⁹⁹, прогулки и изучение достопримечательностей⁶⁰⁰.

Важным сюжетом в коллекции является трансформация ландшафта под цели конкретного воинского подразделения: осуществление инженерных и саперных работ, рытье окопов, землянок, строительство и ремонт мостов. В фотоальбом включена целая серия снимков, посвященных строительству укреплений около р. Днестр, которая включает в себя 9 фотографий, сделанных в сентябре 1915 г. Фортификационные работы на берегу водной

⁵⁹² Офицеры 34-го пехотного Севского полка. Галиция, 1917 г. // Там же.

⁵⁹³ Офицеры 34-го пехотного Севского полка. Галиция, 7 марта 1917 г. // Там же.

⁵⁹⁴ Группа генералов и офицеров русской армии. Галиция, 1917 г. // Там же.

⁵⁹⁵ В группе офицеров 6-го саперного великого князя Николая Николаевича старшего батальона в с. Кудринцы. Галиция, июль 1915 г. // Там же.

⁵⁹⁶ Офицеры 34-го пехотного Севского полка у трофейного прожектора. Галиция, 1917 г. // Там же.

⁵⁹⁷ Офицеры 6-го саперного великого князя Николая Николаевича старшего батальона. Галиция, 1916 г. // Там же.

⁵⁹⁸ Офицеры 34-го пехотного Севского полка за чтением газет. Галиция, 7 марта 1917 г. // Там же.

⁵⁹⁹ Офицеры 34-го пехотного Севского полка на отдыхе. Галиция, 1917 г. // Там же; Офицеры 34-го пехотного Севского полка на отдыхе. Галиция, 1917 г. // Там же.

⁶⁰⁰ Офицеры 34-го пехотного Севского полка на отдыхе. Галиция, 1917 г. // Там же.

артерии региона отражены в различных ракурсах, большинство из них позволяет сделать вывод о том, что русской армии приходилось осуществлять масштабные и основательные работы в кратчайшие сроки при неблагоприятных условиях окружающей среды. Серию снимков открывает кадр, запечатлевший двух военнослужащих в вырытых окопах⁶⁰¹, глубина которых соответствует росту людей. Подобные проекты требовали заготовки значительного количества леса и выполнения масштабных земляных работ по укреплению речных берегов и насыпей⁶⁰². Толщина брёвен, использованных для строительства укреплений, говорит о проведенной вырубке многолетних лесных угодий. Ряд снимков демонстрирует встроенные в склон холма боевые позиции и блиндажи⁶⁰³ на горном склоне.

В коллекции включены фотоснимки архитектурных сооружений Галиции. В объектив фотокамеры попадали не только значимые специализированные пространства военного предназначения (например, крепость Хотин⁶⁰⁴), но и религиозные сооружения нескольких конфессий: православные храмы⁶⁰⁵, костел⁶⁰⁶, иудейская синагога⁶⁰⁷. Из фотоснимков монументальных построек исключается человеческое присутствие, на них не прослеживаются следы войны. Однако, архитектурные сооружения также попадают в кадр в тех случаях, когда целью фотоснимка выступала фиксация завоеванных пространств и местного населения. На фотографиях городских площадей в Збароже⁶⁰⁸ и с. Винковцах⁶⁰⁹ также запечатлены военнослужащие, что говорит о важности документации и в частной фотографии русского присутствия на новой территории. Стоит отметить,

⁶⁰¹ Строительство укреплений близ Днестра. Галиция, сентябрь 1915 г. // Там же.

⁶⁰² Строительство укреплений близ Днестра. Галиция, сентябрь 1915 г. // Там же.

⁶⁰³ На позициях близ Днестра. Галиция, сентябрь 1915 г. // Там же; Строительство укреплений близ Днестра. Галиция, сентябрь 1915 г. // Там же; Строительство укреплений близ Днестра. Галиция, сентябрь 1915 г. // Там же.

⁶⁰⁴ Хотин, 1915 г. // Там же.

⁶⁰⁵ Местечко Селище. Галиция, апрель 1916 г.; Корсув. Галиция, апрель 1917 г. // Там же.

⁶⁰⁶ Костел в с. Винковцы. Галиция, май 1916 г. // Там же.

⁶⁰⁷ Синагога. Берестечко. Галиция, май 1917 г. // Там же.

⁶⁰⁸ Збарож. Галиция, июнь 1916 г. // Там же.

⁶⁰⁹ С. Винковцы. Галиция, апрель 1916 г. // Там же.

что большинство кадров не транслируют напрямую свидетельств военного времени, за исключением фотографии площади в неизвестном прифронтовом городе⁶¹⁰, представляющей хаос и неразбериху со огромным количеством выстроенных телег, многочисленными сестрами милосердия, офицерами на автомобилях.

Коллекция фотографий Сюзева включает в себя снимки, фиксирующие негативные последствия войны через разрушения ландшафтов Галиции в результате артиллерийских обстрелов и бомбардировок⁶¹¹. Примечательно, что фиксации подвергаются разрушения поселений в сельской местности⁶¹², однако отсутствуют снимки ущерба, нанесенного природным ландшафтам. В коллекции запечатлены разрушения пространства жизни мирного населения⁶¹³, но снимки не могут служить в качестве свидетельства оценки масштаба ущерба, т.к. они носят разрозненный характер, что можно объяснить отсутствием цели системной фиксации разрушений в ходе частной фотосъемки.

Стремительная автомобилизация и усложнение технического оснащения армии нашли свое неизбежное отражение в частных фотографиях комбатантов. Важным сюжетом коллекции Сюзева выступают новые виды вооружений и боевой техники (бронированный транспорт⁶¹⁴, пулеметы для воздушных целей⁶¹⁵, мортиры⁶¹⁶), снимки характеризуются доминированием «студийного подхода» и выстраивания симметричной композиции.

Фотоальбом сестры милосердия Ф. Фармборо

⁶¹⁰ Площадь прифронтового города. Галиция, 1917 г. // Там же.

⁶¹¹ После бомбардировки. Галиция, не позднее 1917 г. // Там же.

⁶¹² Село после артиллерийского обстрела. Галиция, 1916 г. // Там же.

⁶¹³ Местечко Мытница. Галиция, май 1917 г. // Там же.

⁶¹⁴ Бронеавтомобили русской армии. Галиция, 1916 г. // Там же.

⁶¹⁵ Пулемет системы Кольта, приспособленный для стрельбы по воздушным целям. Галиция, 1916 г. // Там же.

⁶¹⁶ Эшелон одного из мортирных дивизионов. Галиция, 1917 г. // Там же.

Военные события на Юго-Западном фронте Первой мировой войны были отражены в визуальных нарративах не только военнослужащих, но и многочисленного медицинского персонала, прибывшего совместно с русской армией на территорию Галиции, среди которого особое место занимают сестры милосердия. Именно на примере данной профессиональной категории возможно реконструировать особенности гендерного восприятия бelligеративных ландшафтов. Флоренс Фармборо (1887–1978), англичанка по происхождению, долгое время проработала в России гувернанткой и добровольно пошла на фронт сестрой милосердия Красного Креста. Она не только зафиксировала свои переживания на страницах фронтового дневника⁶¹⁷, но и создала иллюстрированный «Русского альбома», в который вошли ее снимки русской (до)военной жизни 1908–1918 гг. Глава «Россия в войне 1914–1915 гг.» включает в себя 56 фотографий, сделанных в период работы Фармборо в госпиталях Юго-Западного фронта. Специфичным для данного источника является наличие объемного сопроводительного текста, повествующего о работе Фармборо на территории оккупированной Галиции, содержательные комментарии автора представляют сведения о контексте создания фотографии и запечатленном сюжете.

Фиксация бelligеративных ландшафтов Фармборо начинается с момента непосредственного прибытия на территорию Галиции весной 1915 г. Первое впечатление от милитаризированного пространства изображено в фотографии железнодорожной станции, на которой санитары ведут работы по разгрузке техники и медикаментов из поезда⁶¹⁸. Стоит отметить, что Фармборо целенаправленно отражает отсутствие качественного дорожного покрытия и наличие полуразрушенных технических построек с возвышенности, предположительно, с крыши поезда, отражая плачевное состояние местности, на которую прибыл их медицинский отряд. С той же возвышенной позиции произведена съемка городского пространства, на снимке представлена

⁶¹⁷ Фармборо Ф. Первая мировая война: дневники с фронта.

⁶¹⁸ *Farmborough F. Russian Album 1908–1918. Wilton, 1979. P. 29.*

площадь г. Гродзиско в Восточной Галиции, камера запечатлевает выстроенные фургоны Красного креста и ожидающих приказаний о выдвигении на фронт людей⁶¹⁹.

В период передвижения по территории Галиции по направлению к Горлице в центре внимания сестры милосердия оказалась фиксация нового профессионального опыта⁶²⁰. Значительное место среди всех фотографий альбома занимают ставшие в период Первой мировой войны каноническими снимки оказания помощи раненым сестрами милосердия в условиях полевого госпиталя или в непосредственной близости к месту боя.

Фамборо фотографирует полевую кухню, передвигавшуюся по территории Галиции для помощи местному населению, однако возле кухни запечатлены только русские военнослужащие, целенаправленно выстроенные в особую композицию для создания фотоснимка⁶²¹. Природные пространства завоеванной провинции попадают в объектив сестры милосердия в качестве мест отдыха. Поводом для создания таких снимков служит остановка для отдыха и перекуса в пустынном саду⁶²², прогулка по парку с пустым фонтаном на фоне еще голых весенних деревьев, знакомство с усадебными постройками и приусадебными участками⁶²³. На кадрах с подобных остановок природа выступает источником эстетического наслаждения, а архитектурные сооружения, жилые постройки и скульптуры вызывают интерес как местные достопримечательности. Несмотря на то, что в своих записях Фармборо пишет о полномасштабных разрушениях г. Кросно в ходе проведенных военных операций, фотографии разрушений в альбом не включены. Скорее всего, медсестра создавала свой фотоальбом как памятный, в традиции довоенных представлений, в которых не было места уродливому лику войны.

⁶¹⁹ Ibid.

⁶²⁰ Ibid. P. 46.

⁶²¹ Ibid. P. 31.

⁶²² Ibid. P. 30.

⁶²³ Ibid. P. 31.

Примечательно, что вдохновленная идеей помощи пострадавшим Фармборо прибывает на фронтową территорию в период «великого отступления» русской армии, но, тем не менее, она фотографирует пехоту 61-й дивизии, отступавшую от Ярослава, в идеальном походном порядке на фоне нетронутого войной природного ландшафта⁶²⁴. Для идейно настроенной сестры милосердия в данном снимке гармонируется боеспособное еще состояние военного подразделения с непострадавшим участком природы.

Особое внимание сестры милосердия в военизированных ландшафтах уделяет привлекают погребальные церемонии военнослужащих. Фармборо делает ряд снимков скромных погребений, акцентируя внимание на реализации христианских обрядов прощания⁶²⁵. Автор альбома демонстрирует возможность организации персональных похорон в условиях госпиталя, индивидуальные могилы и наличие гробов указывает на то, что хотя бы часть воинских захоронений на территории Галиции оказывала не столь пагубное воздействие на почву и грунтовые воды, как массовые захоронения солдат на местах проведения боев. Примечательно, что Фармборо фотографирует присутствие галицийских крестьян на похоронах и упоминает случаи проживания медицинского персонала в домах местных жителей, таким образом дополняя распространенные в военной пропаганде установки о лояльности галицийского населения к русской армии.

Учитывая, что основную часть времени сестра милосердия проводила в госпитале, зрительный контакт с природными ландшафтами, пострадавшими от артиллерийских обстрелов, не стал частью ее ежедневного опыта, в альбоме отсутствуют снимки непосредственно боевых действий и обстрелов. Тем не менее, она фиксирует разрушения гражданских сооружений, частных домов и храмов⁶²⁶, при этом пытаясь придать

⁶²⁴ Ibid. P. 32.

⁶²⁵ Ibid. P. 32.

⁶²⁶ Ibid. P. 34.

художественный смысл и драматизм фотографии, запечатлев человека в проёме картинной рамы на фоне заваленного обломками помещения.

Лесные пространства в фотографиях Фармборо приобрели двойное значение. С одной стороны, групповой снимок офицеров в чаще леса отражает, что лес воспринимался военными как пространство относительной безопасности⁶²⁷, с другой стороны, фиксируется значение лесных угодий в качестве ресурса для строительства временных жилищ и землянок, оборудования мест стоянок. В альбом включены снимки, демонстрировавшие строительство деревянного временного штаба в Чистой Смуте⁶²⁸. Принимая во внимание многочисленность передвижений русской и австро-венгерской армий по территории Юго-Западного фронта и необходимость возведения военных построек на протяжении всего периода войны, становятся очевидны масштабы вырубki леса для нужд каждого военного подразделения.

Беллигеративные ландшафты Галиции для Фармборо не ограничиваются исключительно сюжетами, связанными с медицинской деятельностью. Интерес сестры милосердия вызывали также виды окопов в Красноброе, которые она снимает с небольшого расстояния в ходе поездки по Галиции. Кадр не даёт представления о площади возведённых укреплений, однако, хорошее качество изображения отражает воздействие инженерных работ на почву, демонстрируя экстенсивное выстраивание траншей с ответвлениями и связующими элементами⁶²⁹. Фотографию окопов, возведённых на равнине, пригодной даже для земледелия, дополняет снимок вырытых траншей в скалистой местности, прямое сравнение двух кадров вызывает яркий эмоциональный эффект, транслируя, что возведение линий обороны производилось также в местности, на первый взгляд малоприспособленной для данного вида работ. Милитаризация горной среды и строительство

⁶²⁷ Ibid. P. 36.

⁶²⁸ Ibid. P. 35.

⁶²⁹ Ibid. P. 37.

траншей определялось стратегическими целями военных операций даже вопреки условиям окружающей среды.

* * *

Военные фотоальбомы и частные коллекции снимков, выполненные офицерами, врачами и медсестрами русской армии на Юго-Западном фронте, выступают особой частью визуального наследия Первой мировой войны. Несмотря на пробелы источниковой базы, с помощью сопоставления текстовых и визуальных материалов в данном исследовании удалось установить факт широкой распространенности неофициальных фотографических практик в разных войсковых соединениях. Участники войны в множестве случаев по собственной инициативе приобретали дорогостоящую технику, поддавшись порыву модного в то время увлечения фотографированием и изготовлением снимков даже в сложных военных условиях. Частные фотографические ситуации на фронте провоцировали природные и архитектурные достопримечательности, визиты высокопоставленных лиц, парады, работа и досуг на фронте. Важно, что разрозненные снимки формировались в альбомы, в рамках которых отдельные фотографии выстраивались в нарратив и занимали свое порядковое с точки зрения авторов место. Военизированное пространство становилось неизбежным фоном, а часто и центральным объектом подобной фотофиксации.

Ландшафты Галиции в фотографиях участников войны превращаются в конструкт, функция, составляющие и коннотация которого зависели от профессиональной (военной) специализации авторов. Милитаризованное пространство воспринимается составителями альбомов, в первую очередь, как среда для осуществления определенного круга служебных полномочий. Наиболее выдающимся в источниковом плане представляется альбом воздухоплавательной роты. С одной стороны, благодаря сделанным с высоты птичьего полета фотографиям, в нем запечатлен небывалый по своему размаху масштаб воздействия войны на пространства — например, сотни километров

изуродованной разветвленной системой траншей почвы. С другой, сам характер снимков отражает ту огромную дистанцию к объектам уничтожения, к которой привыкли военные фотографы-воздухоплователи в своей ежедневной работе. Иной вид милитаризированных ландшафтов — прифронтовую зону, где располагались госпитали, — запечатлели снимки врачей и сестер милосердия. Эти изображения, пусть и в постановочном и допустимом для визуальной цензуры виде, наполнены пострадавшими от войны людьми и видами их новых прибежищ. В целом же строгое разделение пространств войны в фотографиях на зоны ничьей земли, относительной безопасности, смертельной угрозы и мирной местности в общем виде укладывается в феноменологическую трактовку военных ландшафтов Курта Левина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая мировая война представляла собой новый тип военных действий, соответствующих эпохе модерна. Протяженность фронтов, охват значительного количества природных зон в совокупности с увеличенной поражающей силой вооружений обусловил долгосрочное воздействие технологий на окружающую среду и природные пространства. Если вторая промышленная революция многократно увеличила объем использования ресурсов, то война привела к их безоглядному и непродуктивному уничтожению. В важное новшество эпохи превратилось вовлечение экспертного знания в создание и тиражирование военных технологий. Становление целых отраслей военной науки (геологии, гидрологии, эпидемиологии) усиливало воздействие армейской инфраструктуры на ландшафты его обитания. Данные факторы определили плотность контактов человека и окружающей среды в ходе войны, а последующий трансфер практик и технологий в послевоенные общества заложил длительные тренды развития ресурсной и природоохранной политики.

Юго-Западный фронт, на котором друг другу противостояли Австро-Венгерская, Российская и, позже, Германская империи обладал несколькими важными отличительными признаками. Сочетание маневренной и маневренно-позиционной войны, максимальная возвратная подвижность фронтов в ходе Галицийской битвы 1914 г., Горлицкой операции 1915 г., Брусиловского прорыва 1916 г. привели к экстенсивному охвату территорий сражениями, линиями укреплений, снабженческой инфраструктурой. При этом интенсивность воздействия на пространство была вполне сравнима с происходившим на других фронтах. Практики взаимодействия человека и окружающей среды, а также фронтовая повседневность участников столкновения на Юго-Западном фронте определялась, в большей степени, противостоянием с природой и контактами с милитаризованным пространством, а сами боевые действия развивались во многом в зависимости от особенностей окружающей среды. Успешность операций определялась не

только уровнем подготовки и качеством вооружения армии, но и наличием знаний о пространстве, способностью войск адаптироваться к особенностям водных ресурсов, сражениям на горных высотах, пребыванию в неблагоприятных погодных условиях и температурном режиме, плотным контактам с эпидемиологически нестабильной местностью.

Длительные и повторные оккупации Галиции русскими армиями Юго-Западного фронта также представляли собой особый военный опыт. Специфика галицийского ландшафта состоит в сочетании обилия водных преград в виде рек и болт, множества возвышенностей и наличия крупной горной цепи Карпат. Именно в этих условиях на территории Галиции развернулись крупные военные операции, подготовка и проведение которых требовали постоянной трансформации и ремилитаризации пространства, подвергавшегося негативному экологическому влиянию в условиях войны. Война и оккупация Галиции привели к разрушению природных сред, повреждению почвы, вырубке лесов, поражению нефтеносных источников, загрязнению воды и изменению биоразнообразия. Физический облик галицийских ландшафтов был полностью изменен под влиянием боевых действий, артиллерийских обстрелов, инженерных и строительных работ по созданию укреплений и дорог, заболачивания местности.

Образ природы как неконтролируемой силы и объекта воздействия красной нитью проходит через широкий спектр свидетельств эпохи: от ведомственной документации до частной переписки, от пропагандистской кинохроники до частных фотографий. Особое значение среди них, по сравнению с предыдущими эпохами, имеют эго-документы, на материалах которых возможно реконструировать непосредственное взаимодействие носителей опыта с чуждыми милитаризованными пространствами, а также их пропагандистскими конструкциями.

В данном исследовании осуществлена реконструкция просопографии авторов военных нарративов об опыте взаимодействия русской армии с милитаризованными пространствами Юго-Западного фронта Первой

мировой войны на примере Галиции. Участники военных действий, фиксировавшие свой непосредственный опыт в письмах, записках, дневниках и фотографиях, охарактеризованы как особая социальная группа, во-первых, в силу осуществления общей социально значимой деятельности, во-вторых, в силу наличия четкой социальной идентификации, осознания каждым индивидом себя как части группы (что особенно ярко проявляется у комбатантов ввиду особенного характера воинских норм поведения, субординации и подчинения), в-третьих, реализации социальной интеракции в условиях фронта (активная коммуникация осуществлялась как внутри охарактеризованных групп авторов, так и между этими группами). Дифференциация авторов по признакам пола, плотности контактов с окружающей средой и населением Галиции, специфики выполняемых служебных обязанностей на фронте позволила реконструировать широкий спектр моделей описания милитаризованных пространств. Реконструкция просопографии авторов по профессиональному признаку позволила выделить основополагающие факторы, определившие специфику рецепции военизированных ландшафтов Галиции: уровень образования, широкий читательский опыт, довоенный опыт пребывания в чуждой местности, степень вовлеченности авторов в боевые действия в период Первой мировой войны.

Приемы восприятия и описания окружающей среды формировались не только под влиянием, культурного багажа, жизненного опыта и воинских обязанностей автора, но и сложившегося до войны горизонта ожидания относительно Галиции, подлежащей интеграции в пространство Российской империи. В процессе создания пропагандистских материалов, преследовавших цель духовной мобилизации русской общественности в свете военного конфликта с Австро-Венгерской империей, участвовали представители университетской профессуры, представлявшие в своих работах славянофильские позиции по вопросу Галиции. Однако, цели военных действий в Галиции в русской военной пропаганде обосновывались не только исторической связью и этническим родством жителей Российской империи и

австрийской провинции Галиция, но и закреплялись естественно-географическими аргументами. Галиция наделялась статусом природного, в том числе геологического продолжения Российской империи. Пропагандистскими канонами описания территории являлась идея о культурной и природной тождественности Российской империи и Галиции. В научно-популярных изданиях русской общественности предлагалось через «воображаемое путешествие» осознать единое пространственное измерение, общность природных сред. Ментальные карты, представленные в таких изданиях, отделяли дружественную России Галицию от враждебной Австрии через естественную преграду — Карпатские горы, что служило образом потенциально общего будущего территорий.

После начала Первой мировой войны и начала действия оккупационной администрации генерал-губернатора Бобринского на территории Галиции, русской читающей общественности стал доступен дополнительный канал информации о положении дел на фронте и событиях в провинции. Периодические издания Российской империи отправляли своих корреспондентов на линию фронта и публиковали их тревелогии в виде серии статей или отдельными изданиями. Непосредственные впечатления прибывших на Юго-Западный фронт военных корреспондентов, например, А. Толстого, М. Пришвина, А. Панкратова положили начало формированию нового дискурса и образа ландшафтов Галиции. Пребывание на линии фронта, интеграция человека в милитаризованное пространство, затяжной характер войны и реальность травматического военного опыта повлияли на прежние каноны говорения о войне и изменили стратегии описания милитаризованной окружающей среды. Военные корреспонденты включают в свои нарративы очевидные признаки войны: картины разрушений инфраструктуры, масштабных экологических загрязнений, пострадавшей природы и страдающего мирного населения. Неприглядный военный опыт в нарративах корреспондентов стилизуется и обрамляется многочисленными литературными приемами: эстетизацией толкований, антропоморфизацией

природных объектов как предателя, эмоциональными описаниями трагичных сцен гибели лошадей. Представленный опыт пребывания корреспондентов на территории Юго-Западного фронта в силу своей доступности широким кругам читателей периодической печати в тылу и на фронте закладывал формы культурной памяти о Первой мировой войне и новый горизонт ожидания, определивший представления комбатантов и тыловой общественности при повторной оккупации Восточной Галиции в 1916 г.

Особенности профессиональной деятельности на фронте влияли на ракурс восприятия происходящего и определяют специфику описания опыта. В целях выявления специфики вербального отражения взаимодействия человека и окружающей среды в условиях вооруженного конфликта были проанализированы индивидуальные нарративы представителей двух профессиональных категорий: комбатанты и медицинский персонал. Были выявлены наиболее распространенные шаблоны описания новых впечатлений от чужеродной окружающей среды: литературные и профессиональные (медикализированные, милитаризированные) пароли. В ходе анализа была выявлена устойчивость антисемитских трактовок, закрепившихся как каноны описания нового опыта уже в преддверии новой мировой войны.

В индивидуальных нарративах комбатантов русской армии природа антропоморфизирована. Спектр моделей антропоморфизации простирается от романтизации до демонизации природных объектов и явлений, от лишения пространства загрязняющего человеческого присутствия до отражения практик выжженной земли. Романтическое восприятие галицийских ландшафтов доминирует в источниках, созданных на начальном этапе военных действий. Первоначальная успешность военных операций и быстрое продвижение по территории Восточной Галиции подкрепляет сформированные пропагандой ожидания военнослужащих. Романтическим описаниям галицийской природы свойственен туристический дискурс, стилизация стратегических перемещений воинских подразделений под экскурсию по незнакомой местности, из повествования исключаются

очевидные приметы военного времени, пейзажи лишены даже человеческого присутствия: пространство принудительно освобождается от разоренного и пострадавшего населения как живого свидетельства трагичных событий.

Созерцание природы и описание ее буколический образа в нарративах становятся формами фронтового эскапизма и средством нормализации смертельного ужаса, а также формой замещения неприглядного и опасного фронтового опыта в коммуникации с близкими, оставшимися в тылу. Свидетельства комбатантов об окружающей среде соответствуют канонам юношеской литературы путешествий и приключений, отражают высокий образовательный уровень авторов, изобилуют художественными пышными литературными приемами. Социально-культурные разрывы между большинством неграмотных солдат и меньшинством образованного офицерства в русской армии могли обусловить разницу описания окружающей среды в нарративных повествованиях. Предположительно, нижние чины русской армии более нейтрально воспринимали природу и наносимый им вред, так как природный мир для них являлся традиционным ресурсом. Однако, вследствие анальфabetизма русской армии исследователи сталкиваются с недостатком солдатских источников личного происхождения.

Изменение стратегической ситуации на Юго-Западном фронте и отступление русской армии в 1915 г. стало причиной трансформации описательных стратегий авторов военных нарративов. Наблюдается переход к конструированию демонизированных образов галицийских ландшафтов, сама природа была возведена в ранг действующей наравне с вооруженным противником силы, пространства наполняются представителями враждебного местного населения. Непреодолимый характер природных сред и климатические условия становятся обоснованием военного поражения, что способствует компенсации чувства вины комбатантов. В этот момент полностью утрачивают свою значимость пропагандистские шаблоны, и демонизация природного мира способствует преодолению противоречия между горизонтом ожидания и личными переживаниями, обусловленными

травматическим военным опытом. Характерными чертами нарративизации военного опыта становятся свидетельства, фиксирующие экологический ущерб окружающей среде вследствие перемещений многочисленных армии Юго-Западного по территории Галиции, и описание вездесущих ужасных запахов, которые замечали комбатанты.

Значение военизированных ландшафтов в формировании специфических поведенческих стратегий и практик на Восточном фронте первой индустриальной войны нельзя определить однозначно. С одной стороны, эстетическое восприятие природы, способствовало для комбатантов нормализации смертельного ужаса войны, негативного боевого опыта, траура по погибшим товарищам и ностальгии по утраченным жизненным мирам, то есть выполняло терапевтическую функцию. С другой стороны, образы уничтоженных или подвергшихся негативному антропологическому воздействию ландшафтов, исходящие от них эпидемиологические и климатические угрозы выступали в качестве фактора формирования экзистенциального опыта комбатантов в той же степени, что и боевые действия.

Представления медицинского персонала об окружающей среде Галиции имели колониальный характер. Территория австрийской провинции в профессиональной коммуникации врачей маркировалась как отсталая и требующая от медицинского персонала оказания цивилизационной санитарно-эпидемиологической помощи и осуществления трансфера передовых научных знаний. Взаимодействия прибывших медиков с военизированными ландшафтами Галиции носило амбивалентный характер, определивший профессиональное восприятие и стратегии описания оккупированных пространств в свидетельствах русских военных медиков. С одной стороны, природные условия являлись важнейшим фактором деятельности врачей и сестер милосердия: особенности климата, почвы и воды определяли их деятельность по медицинскому обеспечению фронта, оккупированных областей и прифронтовой территории. С другой стороны,

основанные на конструировании негативного образа чуждой природы противозидемиологические практики оказывали непосредственное воздействие на состояние окружающей среды: дезинфекция источников воды, почвы и воздуха, распространение санитарной и гигиенической инфраструктуры. Практики медперсонала по избавлению от следов военного времени выполняли функцию контроля посредством повсеместной дезинфекции и представляли собой ликвидацию экологических последствий вооруженного столкновения.

Несмотря на то, что межвоенные экспертные публикации медицинского персонала всех стран-участниц излагали историю безусловного профессионального успеха на фоне военного поражения, непосредственные военные нарративы позволяют выявить конфликтные линии и расширить наше знание о повседневности оккупационного периода. Накопленный опыт взаимодействия медиков и окружающей среды был затем транслирован на природные зоны внутри Российской империи, а позже — на дискуссии о подготовке к новому вооруженному конфликту. К примеру, профессор Д.К. Заболотный, назначенный в 1915 г. главным эпидемиологом русской армии и занимавшийся организацией санитарно-гигиенической службы в Галиции, в 1920 г. уже в Советской России создал первую в мире кафедру эпидемиологии, а также обосновывал создание в 1929 г. Международного общества географической патологии как площадки для коммуникации государств по проблемам распространения эпидемий.

Визуализации военизированных пространств Юго-Западного фронта и Галиции репрезентативна как неисследованный пример стратегий присвоения чуждых пространств, интеграции индивида в ландшафт, выработки невербальных нарративов о первой индустриальной войне. Фотографиям периода успешного наступления русских войск в Галиции и установления оккупационного режима свойственна фиксация нехарактерных для большей части российских ландшафтов явлений, через экзотизацию приобретенного пространства постулируется присутствие русской армии на территории,

документируется процесс ресурсного освоения завоеванной местности и невраждебность пространства.

Специфика русской военной фотографии состоит в динамической взаимосвязи стратегий запечатления военного опыта с ходом боевых действий. Крах первоначальных стратегических планов и вынужденное отступление русских войск из Галиции 1915 г. повлекли за собой тематический и композиционный поворот от подчеркивания героики войны к негативным последствиям вооруженных столкновений в целом, включая фиксацию экологических последствий милитаризации пространства, многочисленных трупов людей и животных, пострадавшее местное население. Для понимания особенностей мемориальной культуры Первой мировой войны, сформированной, в том числе, на основе визуальных материалов, практики фотографирования и циркуляция изображений в военной культуре имеют особую значимость как смысловые конструкции новой реальности военного опыта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 13216 — Управление военного генерал-губернатора областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны
Оп.1. Д. 42.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

2. Ф. 2000 — Главное управление генерального штаба
Оп.1. — Д. 4895.
3. Ф. 2003 — Штаб верховного главнокомандующего (Ставка),
г. Могилёв
Оп .1. — Д. 704.
4. Ф. 2018 — Центральный врачебно-санитарный совет.
Оп.1. — Д. 941.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

5. Ф. 834 — Рукописи Синода
Оп. 4. Д. 605.

Российская национальная библиотека

6. Ф. 1139 — Петряев Евгений Дмитриевич
Д. 340.

Ярославский музей-заповедник (ЯМЗ)

7. ЯМЗ-65780. Письмо Н.Я. Яковлева. 16-й стрелковый Императора Александра III полк 21 мая 1915 г., Галиция

Военно-медицинский музей г. Санкт-Петербург

8. ВФ-7327. Воспоминания о первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войне Зарубина А.А.

Сызранский филиал Центрального государственного архива

Самарской области

9. Ф. 63 — Ю. В. Буторова

Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 5.

Российский государственный архив кинофотодокументов

(РГАКФД)

10. Альбом № 23. Сн. 26 — Солдаты в окопах под Перемышлем. Перемышль, 1915 г.
11. Альбом № 23. Сн. 415670 — Развалины в местечке Гусятине. Гусятин, 1916 г.
12. Альбом № 32. Сн. 41 — Взорванный русскими войсками мост по дороге Трёмовля Струсов. Коровяки, 1915 г.
13. Альбом № 37. Сн. 31 — Солдаты складывают захваченные австрийские винтовки в штабеля. Район Черновиц, 1916 г.
14. Альбом № 36 — Боевые позиции, разрушения, произведенные неприятелем; виды улиц и зданий в местах военных действий Юго-Западного фронта в городах Черновицы, Дубно, Луцк. Черновицы, Дубно, Луцк, б/д.
15. Альбом № 92 — Фотографические снимки из боевой и походной жизни Штаба и частей войск, входящих в состав IX Армии. Б/м, 1914–1916 гг.
16. Альбом № 92. Сн. 34. — Базар в Дунаевцах. Торговля гусями. Дунаевцы, 1915 г.
17. Альбом № 92. Сн. 2, 6, 65, 75, 76 — Сооружение плотины на реке Липе. Б/м, 1915 г.
18. Альбом № 104. Сн. 38–39, 57–59 — Виды зданий и окрестностей Львова, улицы Львова в первые дни его занятия. Львов, б/д.
19. Альбом № 121 — Фотографические снимки из боевой и походной жизни Штаба и частей войск, входящих в состав IX Армии 1914–1916 гг. Б/м, 1914–1916 гг.
20. Альбом № 531. Сн. 156 — Солдаты в окопах. Б/м, б/д.
21. Альбом № 764 — Открытки периода Первой мировой войны 1914–1916 гг.

22. Альбом № 966 — Виды Галиции, разрушений, причиненных войной (1914–1916 гг.). Галиция, 1914–1916 гг.
23. Альбом № 966. Сн. 23 — Разрушенный железнодорожный мост. Б/м, б/д.
24. Альбом № 966. Сн. 74 — Трупы солдат на поле боя под Хыровым. Хыров, 1916 г.
25. Альбом № 1243 — Буковина, 1916. Альбом, посвященный разрушениям (альбом Дембицкого П.О. передан в архив в 1966 году). Буковина, 1916.
26. Альбом № 1243. Сн. 1 — 1-я батарея на позиции зимой вблизи деревни Ракитно. Ракитно, 2 февраля 1916 г.
27. Альбом № 1243. Сн. 17 — Пулеметчик стреляет и пулемета системы «Максим» из пулеметной ниши окопа Азовского полка против деревни Должка. Должка, 11 марта 1916 г.
28. Альбом № 1243. Сн. 19 — Пулеметчики обстреливают аэроплан противника из окопа Азовского полка. Б/м, 11 марта 1916 г.
29. Альбом № 1243. Сн. 35 — Дети-подростки из деревни Ракитно пашут землю конным плугом. Ракитно, 27 марта 1916 г.
30. Альбом № 1243. Сн. 36 — Бронированный паровоз. Б/м, б/д.
31. Альбом № 1243. Сн. 56 — Водопад в окрестностях деревни Ржавинцы в Буковине. Ржавинцы, 19 мая 1916 г.
32. Альбом № 1243. Сн. 62 — Бомбы и шрапнели 12-дюймовые, захваченные русскими войсками в р-не станции Окна, Буковина. Окна, 1916 г.
33. Альбом № 1243. Сн. 67 — Вид на бивак 1-ой батареи в деревне Воскресенцы под городком Коломыя в Галиции. Коломыя, 17 июня 1916 г.
34. Альбом № 1243. Сн. 78 — Русские солдаты у немецкого 3-дюймового орудия, захваченного в бою под Грушками. Западная Украина, 1916 г.
35. Альбом № 1243. Сн. 85–95 — Вид гор под местечком Дегтенцами в лесистых Карпатах. Дегтенцы, 14 августа 1916 г.
36. Альбом № 1243. Сн. 201 — Крестьянская хата, дети. Б/м, б/д.

37. [Россыпь]. Сн. 2-100-481 — Похоронная команда у тел убитых. Б/м, б/д.
38. [Россыпь]. Сн. 2-113533 — Офицеры стоят в воронке от взрыва крупнокалиберного снаряда. Б/м, б/д.
39. [Россыпь]. Сн. 232942 — Батарея баллонов с газами на позиции. Б/м, б/д.
40. [Россыпь]. Сн. 233189 — Из окопа солдаты наблюдают за неприятельским разездом. Б/м, б/д.
41. [Россыпь]. Сн. 233466 — Бойня. Скот, приготовленный к убою. Б/м, б/д.
42. [Россыпь]. Сн. 243296 — Гильзы от снарядов около железнодорожной линии на русско германском фронте. Б/м, б/д.
43. [Россыпь]. Сн. 2-48350 — Моторизация армии. Танк во время войны. Б/м, 1914 г.
44. [Россыпь]. Сн. 257876 — Разбитые автомобили и танки на месте боя на дороге в лесу. Австрийский фронт, 1914 г.
45. [Россыпь]. Сн. 293532 — Церковь на фронте: постройка из еловых ветвей церкви на передовых позициях. Б/м, 1914–1916 гг.
46. [Россыпь]. Сн. 34107 — Трупы убитых русских солдат на позициях в районе Ярослава. Галиция, 1914–1916 гг. Б/м, б/д.
47. [Россыпь]. Сн. ii-203, индекс 3010 — Солдаты и офицеры русской армии наблюдают за полетом дирижабля. Б/м, б/д.
48. [Россыпь]. Сн. 2-48400 — Трупы солдат у заграждения. Б/м, 1914 г.

Цифровые архивы

49. «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/note/479464> (дата обращения 14.10.2023)
50. Частный архив военно-историческо фотографии. URL: <https://www.photo-war.com/ru/> (дата обращения 10.06.2024)
51. История России в фотографиях. URL: <https://russiainphoto.ru/?ysclid=lxne56wn8e987263166> (дата обращения 6.06.2024)

52.Милитера. URL:

<http://militera.lib.ru/index.html?ysclid=lxneбwho8r388848703>(дата обращения 3.05.2024)

Опубликованные источники

Источники личного происхождения

53.Анисимов М. Дневник // «Прожито». URL:

<https://corpus.prozhito.org/note/479464> (дата обращения 14.10.2023)

54.Белов В.М. Лицо войны: Записки офицера. Пг.: Книгоиздательство быв. М.В. Попова, 1915. 182 с.

55.Варнек Т.А. Воспоминания сестры милосердия (1912–1922) // Добровольцы: Сборник воспоминаний / под ред. Н.Д. Солженицыной. М.: Русский путь, 2001. С. 6–170.

56.Воспоминания зауряд-врача И.А. Арямова о Первой мировой войне. 1914–1915 гг. // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 89–103.

57.Гар Е.Г. Дневник 1914–1918 // «Темный лес». URL: <https://temnyjles.ru/dr/EgorGar.shtml?fbclid=IwAR2RsXg4HMb-kRzAavHmJqxoVxYMQAXTa3ytDdAoSfMfiDK003c1-AiNJuk> (дата обращения 10.02.2024)

58.«Господи! Скоро ли кончатся наши муки!..»: дневники прапорщика К.В. Ананьева // Первая мировая: взгляд из окопа / предисл., сост. и коммент. К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 216 с.

59.Дневник И.В. Карпова // Открытый архив Сибирского Отделения Российской академии наук. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.chtml?id=Zc_1003 (дата обращения 6.12.2023)

60.Дневник Николая Модестовича Брадиса, участника Первой мировой войны (1915 год, март–май) // Псков. 2016. № 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dnevnik-nikolaya-modestovicha-bradisa-uchastnika-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (дата обращения 14.10.2023)

61. Захарова Л. Дневник сестры милосердия: На передовых позициях. СПб.: Библиотека «Великой войны», 1915. 173 с.
62. Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М.: Книжница: Русский путь, 2016. 480 с.
63. Кудрявцев А.Н., Соколов А.В. В окопах и в плену. Солдатский дневник Первой Мировой войны старшего унтер-офицера 130-го пехотного Херсонского полка Мурсатова Н.Д. // Запад — Восток. № 7. 2014. С. 136–152.
64. Кравков В.П. Великая война без ретуши: записки корпусного врача / тайный советник В. П. Кравков. М.: Вече, 2014. 414 с.
65. Краузе Ф. Письма с Первой мировой / отв. ред. Л.А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2013. 332 с.
66. Мартышевский Я. Е. По скорбному пути. Воспоминания. 1914–1918. М.: Кучково поле, 2016. 752 с.
67. Морозов О.В. Личный фронтовой дневник Л.С. Братановича. 1914–1915 годы. // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2018. № 1(34). С. 65–72.
68. Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны. Воспоминания. 1914–1920. М.: Кучково поле: Горные технологии, 2014. 524 с.
69. Степун Ф. Из писем прапорщика артиллериста. Прага: Пламя, 1926. 267 с.
70. Письма с войны 1914–1917 / сост., коммент. и вступит. статья А.В. Асташова и П.А. Симмонса. М.: Новый Хронограф, 2015. 794 с.
71. Письма с великой войны из шкафа старого москвича / сост. и авт. коммент. А. В. Свиридов. М.: б.и., 2014. 84 с.
72. Первая мировая. Взгляд из окопа / предисл., сост. и коммент. К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 72 с.
73. Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания / [авт.-сост.: Н.В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. М.: РОССПЭН, 2015. 509 с.

- 74.Россия 1917 года в эго-документах: дневники / [авторы-составители: Н.В. Суржикова (научный редактор) и др.]. М.: РОССПЭН, 2017. 677 с.
- 75.Россия 1917 года в эго-документах: записки репортера / [пер. с англ. яз. М.И. Вебера, А.Я. Голубинова, Н.А. Михалева ; науч. ред. Н.В. Суржикова]. М.: РОССПЭН, 2016. 550 с.
- 76.Россия 1917 года в эго-документах. Письма / [авт.-сост.: Н.В. Суржикова (науч. ред.) и др.]. М.: РОССПЭН, 2019. 573 с.
- 77.Фурманов Д.А. Дневник, 1914–1916) / под ред. А. Фурмановой. 2-е изд. М., 1930. 253 с.
- 78.Фурманов Д. А. Дневник, 1914–1916. М.: Кучково поле, сор. 2015. 283 с.
- 79.Смирнов-Рунский А. На войне: Записки строевого офицера / Ал. Смирнов. Пг.: тип. М.И. Акинфиева, 1914. 48 с.
- 80.Торнау С.А. С родным полком (1914–1917 гг.). Берлин: [б. и.], 1923. 144 с.
- 81.Ткачёв Т.Я. Нет конца безумию, нет границы бедствию... Полевой дневник военного врача. 1914–1916 гг. Воронеж: ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2014 159 с.
- 82.Фармборо Ф. Первая мировая война: дневники с фронта. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 400 с.
- 83.Экк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе, 1868–1918. М.: Кучково поле: Аудит недропользования и консалтинг, 2014. 573 с.
- 84.*Elisabeth Prinzessin Kropotkin. Kriegserinnerungen. April 1915 — Januar 1919 // Privatbesitz Jörg Rossbach, Berlin.*
- 85.*Farmborough F. Russian Album 1908–1918. Wilton: Michael Russell, 1979. 96 p.*

Нормативные акты

- 86.Россия. Законы и постановления. Временное положение о военной цензуре: [Утверждено 20 июля 1914 года]. Пг.: б/и, 1914. 15 с.

Делопроизводственные документы

87. Горлицкая операция: [Сб. документов] / Ген. штаб Кр. Армии. М.: Воениздат, 1941. 408 с.
88. Отчет о деятельности Военно-санитарного управления генерал-губернаторства Галиции с 6 октября 1914 года по 1 июля 1915 г. Киев: Печатня С. П. Яковлева, 1915. 81 с.
89. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте: (1914–1917 г. г.) / Центр. гос. воен.-историч. архив. М.: Воен. изд-во, 1940. 606 с.

Периодическая печать

90. Медицинская помощь Галиции // Вестник Красного Креста. 1915. № 2.
91. Заболотный Д.К. О борьбе с заразными болезнями в местах, пострадавших от военных действий на Юго-Западном фронте // Врачебная газета. 1916. № 3. С. 52.
92. Общественно-медицинское обозрение // Медицинское обозрение. 1914. № 18–19.
93. Оздоровление районов военных действий // Медицинское обозрение. 1914. № 16.
94. Пришвин М. На братскую линию. Бой махорки с консервами // Речь. 1914. № 296.

Публицистика

95. Бурчак Л. И. Галиция, ее прошлое и настоящее. М.: Читатель, 1914. 38 с.
96. Вергун Д. Н. Что такое Галиция? Петроград: Лукоморье, 1915. 65 с.
97. Дружковский В. Современная Галиция. Екатеринослав: Е.П. и В.П. Шевченко, 1914. 16 с.
98. Зубковский В. Галиция. Харьков: тип. "Мирн. труд", 1914. 48 с.
99. Корсунский Д. Из поездки в Галицию. Нахичевань н/Д: пар[овая] тип. С.Я. Авакова, 1915. 23 с.

100. Кусницкий Л. Червонная Русь (Галиция). М.: Книгоиздательство «Общее дело», 1914. 32 с.
101. Муринов И. Галичина. М.: Карчагин, 1915. 92 с.
102. Панкратов А.С. Кровавое зарево. Ярославль: Типография Некрасова в Ярославле, 1915. 279 с.
103. Погодин А.Л. Зарубежная Русь: Очерк проф. Харьк. ун-та А.Л. Погодина. Петроград: П.П. Сойкин, 1915. 32 с.
104. Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. Книга первая. — М.: Московский рабочий, 1991. 432 с.
105. Танфильев Г. И. Галиция и Буковина: Географический очерк. Одесса: "Коммерч.", 1915. 52 с.
106. Толстой А.Н. В Англии, на Кавказе, по Волыни и Галиции. М.: Кн-во писателей в Москве, 1916. 253 с.
107. Уланов В.Я. Галиция в ее прошлом и настоящем. М.: Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 48 с.
108. Фещенко-Чоповский И. Промышленность и природные богатства Галиции. Киев: тип. «А.М. Пономарева и И.И. Врублевского», 1915. 16 с.
109. Яковлев В.В. Перемышль. Типография Усманова, 1915. 64 с.
110. Ястребов Н.В. Галиция накануне Великой войны 1914 года: С карт. Галиции и Буковины с Угор. Русью Петроград: тип. А.Э. Коллинс, 1915. 146 с.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Книги и брошюры

111. XX век: Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. статья, ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подготовка документов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 840 с.
112. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914— 1917): 1914. Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.

113. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914— 1917). 1915 год. Апогей. М.: Кучково поле, 2014. 624 с.
114. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914— 1917): 1916 год. Сверхнапряжение. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. 384 с.
115. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914— 1917): 1917 год. Распад. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
116. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое лит. обозрение, 2020. 984 с.
117. Базанов С.Н. Великая война: как погибала Русская армия. М.: Вече, 2014. 381 с.
118. Базаревский А.Х. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 г. М.: Воениздат, 1937. 158 с.
119. Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 263 с.
120. Белой А.С. Галицийская битва. М.; Ленинград: Гос. изд., 1929. 370 с.
121. Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: сб. Статей / ред. : Бруиш К. , Катцер Н. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 208 с.
122. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М. ; Л.: Гос. изд-во. Отдел воен. лит., 1929. 249 с.
123. Бонч-Бруевич М.Д. Потеря нами Галиции в 1915 году: [в 2 ч.]. М.-Л., 1920 — 1926.
124. Вагановский С.А. Восточная Галиция с начала XX в. по 1918 г. Краснодар, 2014. 202 с.

125. Вахитова Т. М. Степун Фёдор Августович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: в 3 томах. Т.2. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. 719 с.
126. Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1939. 612 с.
127. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Т-во объединённых издателей, 1939. Т. 1. 211 с., Т. 2. 242 с.
128. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 391 с.
129. Гончаренко О.Г. Гроза 1914. Великая война в воспоминаниях очевидцев. М.: Вече, 2014. 380 с.
130. Де Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. Краткий исторический очерк / под ред. Я. Л. Авиновицкого. М.: Государственное военное издательство, 1935. 267 с.
131. Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1943–1946. Вып. 1, 1943. Вып. 2, 1945.
132. Духанин Н.Е. Лагерные и бивачные постройки // Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1914.
133. Европа и Россия в огне Первой мировой войны: к 100-летию начала войны / [Агеев А. И. и др.]. М.: Ин-т экономических стратегий, 2014. 878 с.
134. Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг.: В 2-х т. Т. 1. Кампании. 1914–1915 гг. М.: Гос. воен. изд., 1938. 382 с.

135. История военной медицины России. А.А. Будко., И.Ю. Быков, Е.Ф. Селиванов, И.М. Чиж, А.В. Шабунин, гл. ред. И.Ю. Быков. Т. 3. XIX — начало XX в.. СПб.: ВМедА, 2006. 688 с.
136. История первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. I–II. Отв. ред. И.И. Ростунов. М.: Наука, 1975;
137. История в эго-документах: исследования и источники: [сборник статей и документов] / Российская акад. наук, Уральское отд-е, Ин-т истории и археологии ; [редкол.: Н. В. Суржикова (гл. ред.) и др.]. Екатеринбург: АсПУр, 2014. 336с.
138. Каширин В.Б. Взятие горы Маковка. Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М.: Регнум, 2010. 385 с.
139. Керсновский А.А. История русской армии. Ч. 3: 1881–1917 гг. Белград: Царский Вестник, 1935.
140. Колоницкий Б.И. "Трагическая эротика": образы императорской семьи в годы Первой Мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 664 с.
141. Колоскова Е.Е., Литвин А.А. Великая война 1914–1918. Кинофотохроника. СПб.: Лики России, 2014. Т.1. 527с., Т.2. 507 с.
142. Культуры патриотизма в период Первой мировой войны: сборник статей / сост. и предисл. Б. И. Колоницкого. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2020. 317 с.
143. Мировая война в цифрах / Коммунистическая акад. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики. М. ; Л.: ОГИЗ ; Гос. воен. изд-во, 1934. 127 с.
144. Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии. М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
145. Нелипович С.Г. Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе-октябре 1914 г. М.: Квадрига, 2021. 576 с.
146. Нелипович С. Г. "Брусиловский прорыв". Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М.: Цейхгауз, 2006. 47с.

147. Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1915. М.: Квадрига, 2022. 946 с.
148. Оськин М.В. История Первой мировой войны / М. В. Оськин. М.: Вече, 2014. 492с.
149. Оськин М.В. Русский солдат в окопах Первой мировой. М.: Вече, сор. 2018. 349с.
150. Оськин М.В. Штурм Карпат. Зима 1915 года. М.: Цейхгауз, 2007. 47 с.
151. Первая мировая война: энциклопедический словарь / Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории, Российская ассоциация историков Первой мировой войны ; О. Е. Алпеев [и др.] ; отв. ред.: Е. Ю. Сергеев. М.: Весь мир, 2014. 475 с.
152. Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / Российская академия наук, Уральское отделение, Институт истории и археологии. М.: Росспэн, 2019. 414 с.
153. Прямыцын В. Отечественная гидрометеорология в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1921 гг.). СПб.: Дмитрий Булганин, 2018. 335 с.
154. Разгром австрийской армии и взятие Львова в Галиции. М.: Типография Сытина, 1914. 30 с.
155. Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах. М.: Центр. стат. упр. Отд. воен. Статистики.1925. 103 с.
156. Россия и Германия в XX веке в 3 т. / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фольперт. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. Москва: АИРО-XX1, 2010.1024 с.
157. Сенявская, Е.С., Сенявский, А.С., Жукова, Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 418 с.

158. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества М.: РОССПЭН, 2006. 287 с.
159. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
160. Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ, 1995. 218 с.
161. Сенявская Е.С. Человек на войне: Ист.-психол. очерки: [На примере двух мировых и афг. войн]. М.: Изд. центр ИРИ, 1997. 226 с.
162. Стигнеев В. Т. Век фотографии. 1894–1994. М.: «КомКнига», 2005. 389 с.
163. Сулейман Н.А. Тыл и снабжение действующей армии. М.: Гос. воен. изд-во, 1924–1927. Ч. 1: Корпус. Ч. 1. 1924. 338 с., Ч. 2. М.; Ленинград: Гос. изд-во. Отд. воен. лит., 1927; 90 с.
164. Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 422 с.
165. Суржикова Н.В. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.): монография / Н.В. Суржикова, Н.А. Михалев, С.А. Пьянков / Институт истории и археологии УрО РАН; Южно-Уральский государственный университет. Екатеринбург — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 493 с.
166. Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России: сборник статей / редкол.: И. В. Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. 612 с.
167. Человек и природа: экологическая история / под ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. Лайус. Алетейя, 2008. 372с.
168. Эго-документы: Россия впервой половины XX века в межисточниковых диалогах [Egodocuments: Russia in the first half of the

20th century in inter-source dialogues] / под ред. М.А. Литовской и Н.В. Суржиковой: Институт истории и археологии УрО РАН. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.

169. Юмашева Ю.Ю. Источниковедение информационной эпохи: монография / Ю.Ю. Юмашева. М.: ДиректМедиа, 2024. 512 с.

Статьи

170. Аксенов В.Б. «Лунный пейзаж»: экологические образы Первой мировой войны в искусстве, публицистике, письмах и дневниках современников // Проблемы экологической истории / истории окружающей среды. Сборник статей. М.: РГГУ, 2020. С. 191–206.
171. Асташов А.Б. Мобилизация и санитария в тылу русской армии в 1914–1918 годах: социально-экологический анализ // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2(53). С. 27–37.
172. Бахтурина А.Ю. Галицко-русское благотворительное общество и галицкие «москвофилы» в начале XX в. // Труды Историко-архивного института / редкол.: А.Б. Безбородов, Т.И. Хорхордина, Т.Г. Архипова, О.Г. Санин; гл. ред. А.Б. Безбородов. М.: РГГУ, 2014. Т. 40. С. 17–28.
173. Булдаков В.П. Забытые реалии Первой мировой: фронтовая обыденность // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2022. № 4 (64). С. 22–42.
174. Жердева Ю. А. Восприятие российской политики в Галиции в дневниках и мемуарах участников Первой мировой войны / Ю. А. Жердева, Е. И. Сумбурова, М. В. Черкасова // Научный диалог. 2021. № 8. С. 307—322. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-307-322.
175. Жердева Ю. А. Демилитаризация пространства Русского фронта после окончания Первой мировой войны / Ю. А. Жердева // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26. № 1. С. 58–74.
176. Жердева Ю. А. Экологическое измерение демилитаризации русского фронта первой мировой войны // Известия Самарского

- научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2024. Т. 6, № 1(21). С. 39–55.
177. Иванов А.Ю. Эпистолярный текст как источник исследования структуры индивидуального сознания // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 1. С. 249–255.
178. Иванов А.Ю. Фронтовые письма российских участников Первой мировой войны в культурной коммуникации // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 78–81.
179. Лайус Ю. Окружающая среда // Все в прошлом: теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 19–35.
180. Нагорная О.С., Голубинов Я.А. Экологическая история Первой мировой войны на восточном фронте: лакуны историографического ландшафта и исследовательские перспективы. Вестник Пермского университета. История. № 2(53). 2021. С. 5–16.
181. Нагорная О. С., Нарский И. В. Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // Российская история. 2014. № 5. С. 13–26.
182. Нарский И.В. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 488–502.
183. Нарский И.В. Фронтовой опыт русских солдат // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 194–204.
184. Первая мировая война. Пролог XX в. Отв. ред. В. Л. Мальков. М.: «Наука», 1998. 696 с.
185. Писарев Ю.Л. Новые документы и старые вымыслы о роли Балкан в возникновении первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1984. № 7. С.155–162.

186. Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история, 1993. № 3. С. 46–57;
187. Писарев Ю.Л. Сараевское убийство 28 июля 1914 // Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 49–66.
188. Поршнева О.С. «Записки сестры милосердия Анны Ждановой» как репрезентация новой модели гендерной идентичности // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2023. № 26. С. 38-47.
189. Савелова О.А., Крайнева И.А. Электронный архив сестер Карповых: история научной династии // Исторический курьер. 2021. № 2(16). С. 25–35.
190. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.
191. Сумбурова, Е. И. Сестры милосердия Первой мировой войны: на материалах автодокументальных текстов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 2(2). С. 100–108.
192. Суржикова, Н.В. Эго-документы первой половины XX века в историко-литературном контексте: итоги дискуссии // Уральский исторический вестник. 2022. № 4(77). С. 196–198.
193. Узбекова, Д. Г. В.П. Кравков — санитарный врач Русской Императорской армии (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. Т. 22. № 4. С. 51–54.
194. Golubinov I. Burned Oil Rigs and Cut Woods: The Environmental Dimension of the First World War on the Eastern Front // Environment and History. 2024. Vol. 30. № 2. P. 177–181.
195. Golubinov I. A., Nagornaia O. S. Embattled Nature: Men and Landscapes on the Eastern Front of the First World War // Science, Technology, Environment, and Medicine in Russia's Great War and

- Revolution, 1914— 22 / eds. A. J. Heywood, S. W. Palmer, J. A. Lajus. Bloomington: Slavica Publishers, 2022. P. 333–51.
196. Kolonitsky B.I. Russia and world war I: the politics of memory and historiography, 1914–2018 // Writing the Great war: the historiography of World War I from 1918 to the present. Edited by Christoph Cornelissen and Arndt Weinrich. New York: Berghahn Books, 2021. P. 223–262.
197. Likhacheva, A. Romanticization and Demonization: Galician Landscapes in Russian Combatants' Narratives During the Great War // Quaestio Rossica. 2023 Vol. 11. № 2 P. 603–616.
198. Malysheva, S. Helden oder Blutopfer: Der Umgang der Zeitgenossen mit den Gefallenen des Ersten Weltkriegs in Russland // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2015. Bd. 63. H. 4. S. 599–618.
199. Nagornaia, O. S. A Fluid enemy, economic resource and bacteriological Hazard: Galician rivers in anthropological constructs and occupation practices of the First World war // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4(63). С. 189–199

Зарубежная литература

200. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2011. 272 с.
201. Бергер П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
202. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2000. № 3. С. 29–42.
203. Бруно Э. Природа советской власти. Экологическая история Арктики. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 344 с.
204. Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки 1912–1923. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 414 с.

205. Зонтаг С. О фотографии. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс». 2013. 272 с.
206. Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.
207. Лейдингер Х. Визуализация Восточного фронта в Австро-Венгерской пропаганде Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 112–128.
208. *Линди С.* Разум в тумане войны. Наука и технологии на полях сражений. М.: Альпина Нон-фикшн, 2022. 390 с.
209. Мерридейл К. Каменная ночь: смерть и память в России XX века. М.: АСТ, Corpus, 2019. 507 с.
210. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / пер. с нем. А. Антоновский. М.: Логос, 2003. 528 с.
211. *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / пер. с нем., сост. указ. Н. Ф. Штильмарк; вступ. слово Ю. Обертрайс; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.
212. Санборн Дж. Великая война и деколонизация Российской империи / пер. с англ. О. Поборцевой. СПб.: Библиороссика: Бостон: Academic Studies Press, 2021. 456 с.
213. Тунсталл Г. А. Зимняя кампания в Карпатах в 1915 г.: Прелюдия к решающей победе Центральных держав при Горлице–Тарнове // Из истории Карпатской операции. Сб. документов / Сост. И. В. Карпеев, С. Г. Нелипович, С. А. Харитонов, О. В. Чистяков. М.: Нестор-история, 2016. 519 с.
214. Фассел П. Великая война и современная память / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2015. 469 с.

215. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Изд. дом «Касталь», 1996. 469 с.
216. Фуко М. Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 79–107.
217. Amato A. J. The Carpathians, the Hutsuls, and Ukraine: An Environmental History. Lanham: Lexington Books, 2020. 484 p.
218. Arend J. Russlands Bodenkunde in der Welt: Eine ost-westliche Transfergeschichte 1880–1945. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. 320 p.
219. Beyrau D. Krieg und Revolution. Russische Erfahrungen. München: Ferdinand Schöningh, 2017. 311 s.
220. Borodziej W., Gorny M. Der vergessene Weltkrieg Europas Osten 1912–1923. B.1. Imperien 1912–1916. Darmstadt: Wbg Theiss, 2018. 416 p.
221. Brantz D. Environments of Death: Trench Warfare on the Western Front, 1914–18 // War and the Environment: Military Destruction in the Modern Age / ed. Closmann Ch. E. College-Station Texas: A&M University Press, 2009. P. 68–91.
222. Bremm K.-J. Propaganda im Ersten Weltkrieg. Darmstadt, 2013. 188s.
223. Bruno A. Russian Environmental History: Directions and Potentials // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8. № 3. P. 635–650.
224. Buschmann N., Carl H. Zugaenge zur Erfahrungsgeschichte des Krieges. Forschung, Theorie, Fragestellung // Die Erfahrung des Krieges: Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Franzoesische Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg / hg. von N. Buschmann, H.Carl. Paderborn, 2001. 275 p.

225. Cohen A.J. Neither Here Nor There: War Memorial Landscape in Imperial Russia, the Soviet Union, and the Russian Emigration, 1914–1939 // *Landscapes of the First World War*. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 173–191.
226. Conrad P. The Discovery of Hyperkinesis: Notes on the Medicalization of Deviant Behavior // *Social Problems*. 1975. V. 23 (1). P. 12–21.
227. Daly S., Salvante M., Wilcox V. Landscapes of War: A Fertile Terrain for First World War Scholarship // *Landscapes of the First World War*. Daly S., Salvante M., Wilcox V. (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–14.
228. Derrida J. *Of Grammatology* Editions de Minuit. Paris, 1967. 431 p.
229. Dornik W., Walleczek-Fritz J., Wedrac S. Einleitung // *Frontwechsel. Österreich-Ungarns „Großer Krieg“ im Vergleich*. Wien: BöhlauVerlag, 2014. S. 9–29;
230. *Environmental Histories of the First World War* / ed. by R.P. Tucker [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 320 p.
231. Folco J. di. Terrain, Landscapes of the Great War // *History of Photography*. 2004. Vol. 28, iss. 3. P. 261–264.
232. Finstad B., Lajus J. The Fisheries in Norwegian and Russian Waters, 1850–2010 // *A History of the North Atlantic Fisheries. Vol. 2: From the 1850s to the Early Twentieth-First Century*. Bremen: Hauschild, 2012. P. 226–237.
233. Foucault M. *The Politics of Health in the Eighteenth Century // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977*. New York: Pantheon, 1980. P. 166–182.
234. Frank A. F. *Oil Empire: Visions of Prosperity in Austrian Galicia*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2005. 365 p.
235. Gatrell P. *A whole empire walking: refugees in Russia during World War I*. Bloomington ; Indianapolis: Indiana univ. press, 1999. 317 p.

236. Gerhard P. Bilder des Krieges. Krieg der Bilder. Die Visualisierung des modernen Krieges. Paderborn: Ferdinand Schoeningh, 2004. 506 p.
237. Great war, total war: combat and mobilization on the Western front, 1914–1918 / ed. by Roger Chickering a. Stig Förster. Cambridge [etc.]: Cambridge univ. press, 2006. 531 p.
238. Hagen M. War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914—1918 / M. von Hagen. Seattle: Herbert J. Ellison Center for Russian, East European, and Central Asian Studies, University of Washington, 2007. 122 p.
239. Haid E. Im Blickfeld zweier Imperien. Galizien in der österreichischen und russischen Presseberichterstattung während des Ersten Weltkriegs (1914–1917). Verlag Herder-Institut, 2023. URL: <https://digital.herder-institut.de/publications/frontdoor/index/index/docId/435> (дата обращения: 17.12.2023).
240. Hobsbawm E. Terence Ranger: The Invention of Tradition. Cambridge University Press, Cambridge, 1992. 309p.
241. Holquist, P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 2002. 359 p.
242. Huppau B. Der entleerte Blick hinter der Kamera // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944.1995. P. 504–530.
243. Jahn H. Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca: Cornell University Press, 1995. 229 p.
244. *Josephson P. R.* An Environmental History of Russia. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2013. 340 p.
245. *Kargol T.* Odbudowa Galicji ze zniszczeń wojennych w latach 1914–1918. Kraków: Historia Iagellonica Press Association, 2012. 320 p.
246. Keller T. Destruction of the Ecosystem // 1914–1918 online. International Encyclopedia of the First World War. URL: <https://encyclopedia.1914–1918>

- online.net/article/destruction_of_the_ecosystem (дата обращения: 20.02.2023).
247. Kónya P., Bonusiak A. Prvá svetová vojna v Karpatoch = Pierwsza wojna światowa w Karpatach. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2020. 308 p.
248. Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am M., 1989. 389 p.
249. *Kreuder-Sonnen K., Renner A.* Einleitung: Gesellschaft, Kultur und Hygiene in Osteuropa. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 61 (2013), Heft 4, S. 481–488.
250. Lanier-Graham S. The Ecology of War. Environmental impact of Weaponry and Warfare. NY: Walker and Ko, 1993. 185 p.
251. Leidinger H. Visualisierung des Krieges. Die Ostfront in oesterreichisch-ungarischen Fotografien und Filmproduktion // *Jenseits des Schuetzengrabens. Der Erste Weltkrieg im Osten: Erfahrung-Wahrnehmung-Kontext* / hrsg. B. Bachinger, W. Dornik. Innsbruck-Wien-Bozen: Studienverlag, 2013. S. 451–466.
252. Leonhard J. Die Büchse der Pandora: Geschichte des Ersten Weltkriegs. München: C.H. Beck, 2014. 4. Aufl. 1157 S.
253. *McNeill J. R.* Woods and Warfare in World History // *Environmental History*. 2004. Vol. 9. No. 3. P. 388–410.
254. Mick C. Lemberg, Lwow, and Lviv 1914–1947: Violence and Ethnicity in a Contested City. Purdue University Press. 2016 445 p.
255. *Moon D.* The Environmental History of the Steppe in a Global Perspective // *Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований: материалы междунар. науч. конф.* Елабуга: Изд-во Елабужского института КФУ, 2014. С. 8–31
256. *Natural Ally: Toward an Environmental History of Warfare.* 1st ed / eds. R. P. Tucker, E. Russell. Corvallis: Oregon State University Press, 2004. P. 100–141.

257. Nuebel Chr. Raum in der Militaergeschichte und Gewaltgeschichte. Probleme, Ergebnisse und neue Felder der Forschung // Militaergeschichtliche Zeitschrift. 2014. 73. S. 285–307.
258. *Nübel Chr.* Warscapes: Managing Space on the Western Front, 1914–1918 // Past societies: human development in landscapes / ed. J. Müller, A. Ricci. Leiden: Sidestone Press, 2020. P. 181–190.
259. *Oldfield J., Shaw D.* The Development of Russian Environmental Thought. Scientific and Geographical Perspectives on the Natural Environment. London; New York: Routledge, 2016. 212 p.
260. Peeples J. A. Toxic Sublime: Imaging Contaminated Landscapes // Environmental Communication. 2011. 5 (4). P. 373–392.
261. Renes H. “Layered Landscapes A Problematic Theme in Historic Landscape Research”, Jan Kolen, Hans Renes, Rita Hermans (eds.) Landscape Biographies. Geographical, Historical and Archaeological Perspectives on the Production and Transmission of Landscapes (Amsterdam University Press, 2015), pp. 403–421.
262. Saunders N. The dead and their spaces. Oridgin and meanings in modern conflict landscapes, in: Conflict landscapes. Materiality and Meaning in Contested Places. Edited by Nicholas J. Saunders and Paul Cornish. London, N.Y.: Routlege, 2021. 386p.
263. *Schama S.* Landscape and Memory. London: Vintage, 1995. 652 p.
264. *Schloegel K.* Im Raeume Lessen wir die Zeit. Ueber Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. Muenchen: Hanser, 2003. 566 p.
265. *Schnell F.* Raeume des Schreckens. Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine, 1905–1933. Hamburg: Hamburger Edition, 2012. 575 S.
266. *Rosenboom S.* Im einsatz ueber der “vergessenen Front”. Der Luftkrieg an der Ostfront im Ersten Weltkrieg. Potsdam: ZMSBw, 2013. 122 p.
267. Snyder T. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. Basic Books/Random House, 2010. 524 p.

268. *Sontag S.* Illness as Metaphor. The New York Review of Books. Vol. XXIV. Nos. 21&22. 1978. 90 p.
269. *Stein O.* “Orientfahrten”. Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918 // Militaergeschichtliche Zeitschrift. Vol. 75. №. 2. 2016. P. 327–358.
270. *Szasz T.* The Medicalization of Everyday Life: Selected Essays. N.Y.: Syra-cuse University Press, 2007. 202 p.
271. *Uekoetter F.* Im Strudel. Eine Umweltgeschichte der modernen Welt. Frankfurt/N.Y.: Campus Verlag, 2020. 837 p.
272. *Ulrich B.* Feldpostbriefe des Ersten Weltkrieges — Moeglichkeiten und Grenzen einer alltagsgeschichtlichen Quelle // Militaergeschichtliche Mitteilungen. 1994. 53.
273. *War and the Environment: Military Destruction in the Modern Age / ed. Closmann C. E.* College-Station Texas: A&M University Press, 2009. 210 p.
274. *Wlodzimierz Borodziej, Maciej Gorny,* Der vergessene Weltkrieg Europas Osten 1912–1923. B.1. Imperien 1912–1916. Darmstadt: Wbg Theiss, 2018. 544 p.
275. *Ziemann B.* Gewalt im Erster Weltkrieg. Toeten — Ueberleben — Verweigern. Essen: Klartext, 2013. 276 p.
276. *Zola I.* Medicine as an Institute of Social Control // Sociological Review. New Series. 1972. V. 20 (4). P. 487–504.
277. *Жванко Л. М.* Біженство Першої світової війни в Україні. Документи і матеріали (1914–1918 pp.) = Refugeedom of the first world war in Ukraine. Documents and materials (1914–1918). Харків: ХНАМГ, 2009. 359 с.
278. *Кланчук В.* Лісове господарство та переробка лісових ресурсів у Галичині до початку Другої світової війни // Історичні студії Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. 2013. № 9–10. С. 93–101.

Авторефераты и диссертации

279. Асташов А. Б. Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914 — февраль 1917 г. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 Отечественная история. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2018. 363 с.
280. Култышев П.Г. Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 Отечественная история. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010. 244 с.
281. Ланник Л. В. Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе в 1918 г.: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 5.6.2. М., 2021. 772 с.
282. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914—1918). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 Отечественная история. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М, Горького, 2000. 359 с.
283. Смородина В.А. Документальная фотография в российских иллюстрированных изданиях периода Первой мировой войны (1914—1917 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филол. наук. Спб., 2000. 295 с.
284. Сергеев Е.Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России, 1900—1914 гг.: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.03, Ин-т всеобщ. истории РАН. М., 2001. 356 с.

Электронные ресурсы

285. Белов Вадим Михайлович // Памяти героев Великой войны. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital939347/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fysclid%3Dlt110kp03d334755199%26last_name%3DBелов%26first_name%3DВадим%20%26middle_name%3DMихайлович%20%26groups%3Dawd%3Apr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Afr_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1 (дата обращения 5.03.2024)
286. Братанович Леопольд Станиславович // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/3521> (дата обращения 13.01.2024)
287. Белов В. Жертва // «Великая война» 1914–1918. URL: http://www.wwi.rhga.ru/refl/memu/detail.php?ELEMENT_ID=6547 (дата обращения 2.02.2024г.)
288. Гар Егор (Георгий) Лукич // «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/person/5996>. (дата обращения 10.02.2024г.)
289. «История России в фотографиях». URL: <https://russiainphoto.ru/?ysclid=lwqptta85e258426721>
290. Летчик Огнев — герой Первой мировой // «Великая война» 1914–1918. URL: http://www.wwi.rhga.ru/news/new.php?ELEMENT_ID=2352 (дата обращения 2.02.2024)
291. Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов. URL: <https://gwar.mil.ru/about/> (дата обращения 10.02.2024)
292. Степун Федор Августинович // Памяти героев Великой войны. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/person2400147/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fysclid%3Dlt110kp03d334755199%26last_name%3DСтепун%26first_name%3DFедор%26groups%3Dawd%3Apr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Afr

- [list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1](#) (дата обращения 5.03.2024)
293. Торнау Сергей Александрович // Офицеры русской императорской армии. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Торнау_Сергей_Александрович (дата обращения 25.02.2024)
294. Экк Эдуард Владимирович // Русская армия в Первой мировой войне. Картоотека проекта. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/547> (дата обращения 1.03.2024)
295. 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War // URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/home.html> (дата обращения 10.02.2024)

Карта военных действий в Галиции в годы Первой мировой войны
войны

Примеры визуальной нарративизации галицийских военных ландшафтов в русской официальной фотографии

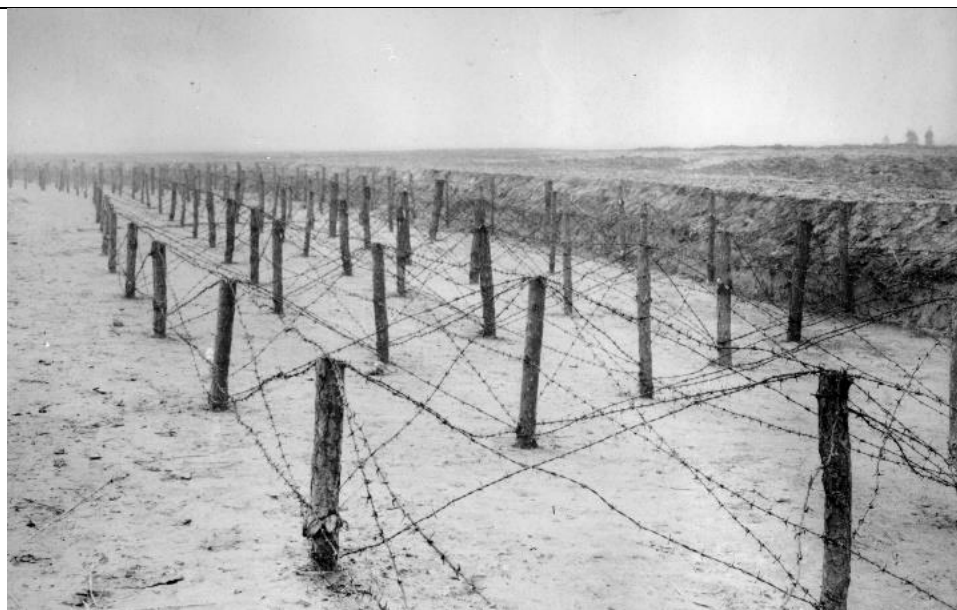
РГАКФД. Снимок 2-57876. Разрушенная техника и артиллерия на лесной дороге. Австрийский фронт, 1914.

РГАКФД. Альбом 92. Фотографические снимки из боевой и походной жизни Штаба и частей войск. Входящих в состав IX Армии 1914–1916 гг. Снимок 7. Сооружение плотины на реке Гниле. Женщины на земляных работах. Б/м, б/д.

РГАКФД. Альбом 92. Фотографические снимки из боевой и походной жизни Штаба и частей войск. Входящих в состав IX Армии 1914–1916 гг. Снимок 76. Сооружение плотины на реке Гниле. Работы по сооружению, общий вид. Б/м, 1915 г.

РГАКФД. Альбом 818. Снимок 3. Виды проволочных заграждений впереди одной из укрепленных позиций. Б/м, б/д.

РГАКФД. Альбом 1243. Буковина 1916 Альбом, посвященный разрушениям (альбом Дембицкого П.О. передан в архив в 1966 году). Снимок 35. Дети подростки из деревни Ракитно пахут землю конным плугом. Ракитино, 27 марта 1916 г.

РГАКФД. Альбом 966. Виды Галиции, разрушений, причиненных войной.
Снимок 23. Разрушенный железнодорожный мост. Б/м, б/д.

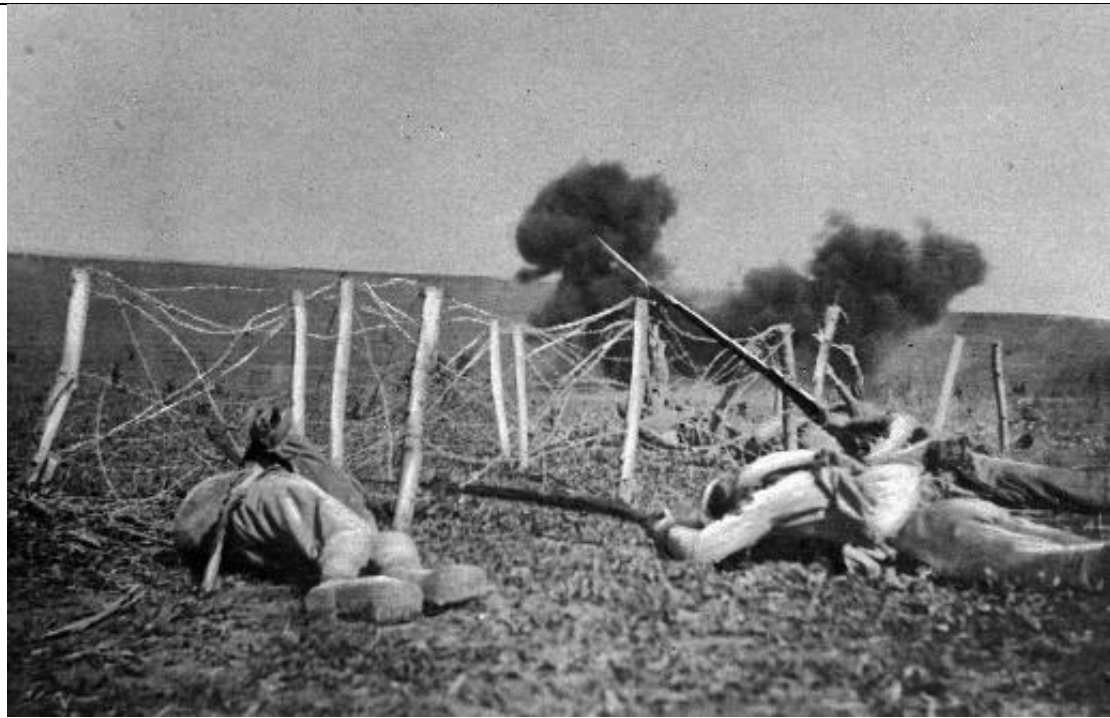
РГАКФД. Альбом 1243. Буковина 1916 Альбом, посвященный разрушениям (альбом Дембицкого П.О. передан в архив в 1966 году). Снимок 185. Без подписи. Б/м, б/д.

РГАКФД. Снимок 232942. Батарея баллонов с газами на позиции. Б/м, б/д.

РГАКФД. Снимок 243296. Гильзы от снарядов около железнодорожной линии на русско-германском фронте. Б/м, б/д.

РГАКФД. Снимок 2-48400. Трупы солдат у заграждения, 1914 г. Б/м, б/д.

РГАКФД. Снимок 2-48819. Трупы после боя, 1914–16 г. Б/м, б/д.

РГАКФД. Снимок 34107. Трупы убитых русских солдат на позициях в районе Ярославля. Галиция, 1914–1916 гг.

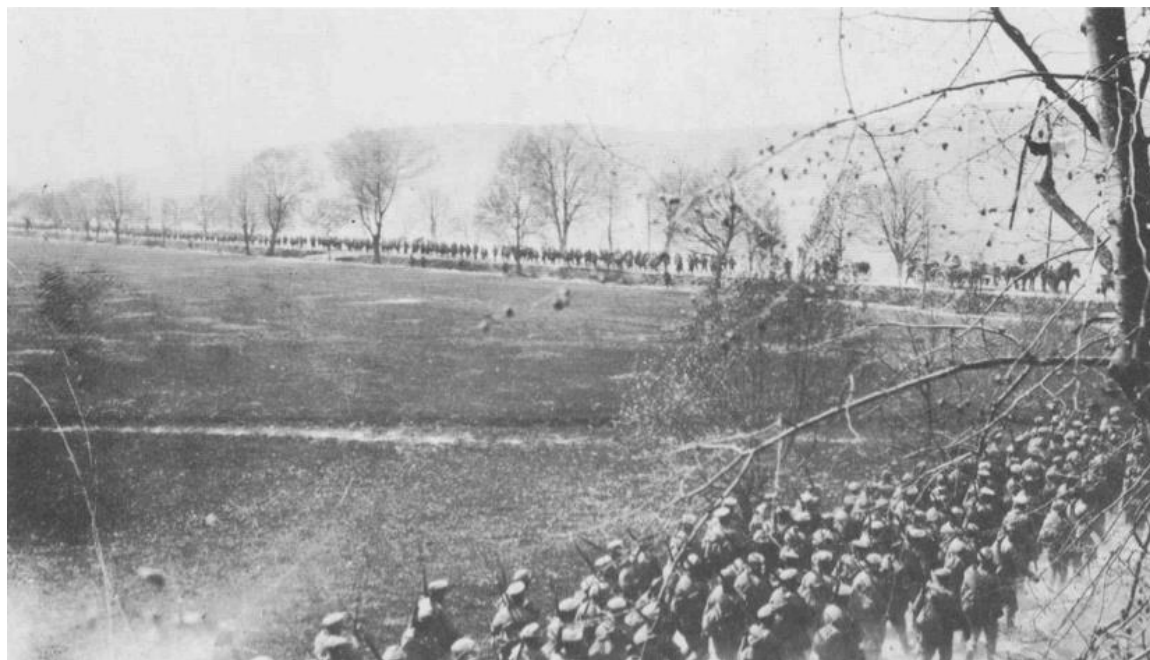

РГАКФД. Альбом 92. Фотографические снимки из боевой и походной жизни Штаба и частей войск, входящих в состав IX Армии 1914–1916 гг. Снимок 6. Сооружение плотины на реке Липе. Работа по забивке и засыпке землей свай. Б/м, 1915 г.

РГАКФД. Альбом 92. Фотографические снимки из боевой и походной жизни Штаба и частей войск. Входящих в состав IX Армии 1914–1916 гг.
Снимок 34. Базар в Дунаевцах. Торговля гусями. Дунаевцы, 1915 г.

Примеры визуальной нарративизации галицийских военных ландшафтов в русской частной фотографии

Farmborough F. Russian Album 1908–1918. Wilton, 1979. P. 32. Б/м, б/д.

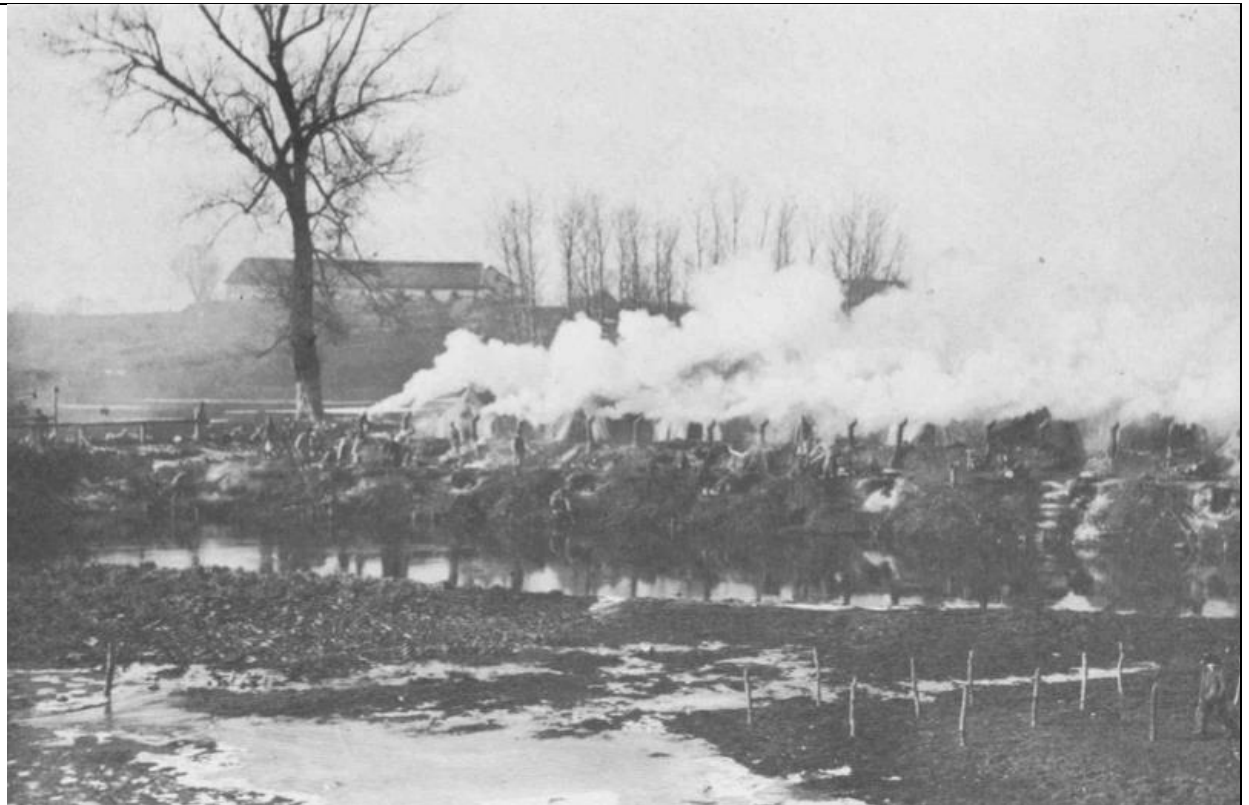
Farmborough F. Russian Album 1908–1918. Wilton, 1979. P. 37. Б/м, б/д.

Farmborough F. Russian Album 1908–1918. Wilton, 1979. P. 47. Б/м, б/д.

Farmborough F. Russian Album 1908–1918. Wilton, 1979. P. 48. Б/м, б/д.

Farmborough F. Russian Album 1908–1918. Wilton, 1979. P. 50. Б/м, б/д.

Строительство укреплений близ Днестра. Галиция, сентябрь 1915 г. // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2019. Вклейка 1. С. б/н.

Строительство укреплений на Днестре. Галиция, 25 сентября 1915 г. // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2019. Вклейка 1. С. б/н.

Окопы в районе дер. Янковцы. Галиция, 1915 г. // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2019. Вклейка 1. С. б/н.

Проволочные заграждения. Галиция, 1916 г. // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2019. Вклейка 1. С. б/н.

После бомбардировки. Галиция, не позднее 1917 г. // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2019. Вклейка 1. С. б/н.

Офицеры 34-го пехотного Севского полка на отдыхе. Галиция, 1917 г. // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2019. Вклейка 1. С. б/н.

Доставка строительных материалов для постройки укреплений по узкоколейной железной дороге. Галиция, 1916 г. // Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания / науч. ред. Н.В. Суржикова. М., 2019. Вклейка 1. С. б/н.